

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1890.

№ 10.

МАЙ.—ВНИЖКА ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНІЕ

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВЕННЫЙ

	Стр.
Воспоминанія синодальнаго Православнаго Церковн. Дѣла о. Владимира Гегге, бывшаго евангелиста римской церкви (продолженіе). <i>И.</i>	553—564
Московскій пародъ (1824—1867 гг.) прелюбодической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). <i>И. Корсунцова</i>	587—611
Замѣтки о церковной жизни за границей (продолженіе). <i>И.</i>	612—624

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ

Греческіе трагич. и видисты. «Категорическо-эстетическая теория» Б. Келера (продолженіе). <i>И.</i>	625—634
Впринципъ чуждестраннаго языка и оценокъ его въ отношеніи къ философіи (продолженіе). Профессора Императорскаго Восточнаго Академіи <i>В. А. Стегирова</i>	637—654

III. ЛИСТОУЕЪ ДЪЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

Богармянскіе Ордены воспитанниковъ приволягоуемскаго, 1, 2, 3, 4, 5 и 6 классовъ Харьковскаго Епархіальнаго училища, основаннаго послѣ разгрома испортаній за 18⁹⁰го учебнаго года. — Сводокъ книгъ духовнаго и свѣтскаго изданія Харьковской епархіи, направленныхъ Богоуоуемскѣмъ Св. Синоду. — Епархіальныя училища. — Издскія и замѣтки. — Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Прамена, Петровскій пер., д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій, съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листовъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются по преимуществу и разсужденія и разсужденія по вопросамъ Харьковской и епархіальной, центральной и мѣстной, относящаяся къ Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, вѣстивыя текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и друія важныя, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цена за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАССУМДА ВЪ ЭТОМЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣтной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Подуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столбѣнниковъ пер. д. Борзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостинный дворъ, № 45.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3

Дозволено цензурою. Харьковъ, Мая 31 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ВОСПОМИНАНІЯ

СВЯЩЕННИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Д-ра о. Владиміра Гетте

БЫВШАГО СВЯЩЕННИКОМЪ РИМОКОЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе главы V-й *).

Рапортъ представленный незаконному Ла-Рошельскому собору. Онъ отосланъ Архі-епископу Парижскому, съ условіемъ не сообщать мнѣ о немъ.—Какимъ образомъ я его переписалъ.—Пренія по поводу Рапорта.—Мое *Дополненіе* къ опредѣ-ніямъ Ла-Рошельскаго собора.

Вотъ что напечаталъ я по поводу:

„Рапорта

Богослововъ, уполномоченныхъ рассмотреть въ восьмой томъ *Исторіи французской церкви* соч. аббата Гетте“.

Это названіе неточно. Рапортъ не есть дѣло собранія нѣсколькихъ богослововъ, но одного лица, которое обнаруживаетъ себя при самомъ началѣ слѣдующими словами: «Вотъ нѣсколь-ко мѣстъ, которыя *обратили на себя мое вниманіе*».

Кто былъ *авторомъ* рапорта? Мнѣ назвали двухъ: Жиле, (Gilet) наперсника Паллю, и Готье. Оба стояли другъ друга.

Послушаемъ рапортера:

«Опредѣленіе Конгрегациі Индекса отъ 22 января 1852 г. осудило «Исторію французской церкви» г. аббата Гетте.

«Авторъ отказался просто и искренно изъяснить покорность этому осужденію, онъ желалъ, чтобы Конгрегациа Индекса со-общила ему причины осужденія его книги. Онъ даже захо-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 7.

тѣль продолжать изданіе своей «Исторіи», и только-что напечаталъ восьмой томъ этого сочиненія».

По какому праву докладчикъ Ла-Рошельскаго собора желалъ бы обязать меня изъявить, просто и искренно, покорность осужденію Конгрегациі Индекса? Согласно съ церковнымъ правомъ, римскія конгрегациі не имѣютъ у насъ никакой законной силы; авторъ «Исторіи французской церкви», французъ, слѣдовательно онъ и не обязанъ признавать власти римскихъ конгрегаций. Онъ имѣетъ законное право не изъявлять покорности, и этого права не можетъ отнять у него докладчикъ Ла-Рошельскаго собора.

Требовать *изъявленія покорности* опредѣленію Конгрегациі Индекса, это значитъ забывать о самомъ характерѣ этого опредѣленія.

Если бы докладчикъ прочелъ, я не говорю, *галликанскихъ канонистовъ*, но только переписку двухъ ультрамонтанъ: Фенелона и кардинала Габриели (Gabrieli); то онъ бы узналъ, что осужденію Индекса можно подвергнуться за многое другое, а не за одно только заблужденіе. Такъ, напр., можно подвергнуться осужденію за неправильную форму въ полемикѣ, при защитѣ истины и даже просто за *несвоевременность* въ публикаціи.

Если я подвергся осужденію Индекса по одной изъ этихъ причинъ или за тысячу другихъ подобныхъ, то какую же я долженъ *изъявить покорность*?

Если бы Конгрегациія Индекса имѣла во Франціи такую же силу какъ въ Римской области, то мнѣ, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы только измѣнить указанные мнѣ недостатки моей книги и вовсе не нужно было бы совершать актъ изъявленія покорности, въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ докладчикъ Ла-Рошельскаго собора.

Его собственная добросовѣстность должна была заставить его сказать, что я поступалъ относительно Индекса съ полнымъ почтеніемъ, такъ какъ передъ его глазами былъ мой восьмой томъ, въ началѣ котораго находятся письма, написанныя мною Конгрегациі Индекса. Дѣйствіями докладчика обнаруживается та цѣль, которую имѣли его друзья, запретившіе «Исторію французской церкви». Имъ хотѣлось остано-

вить изданіе этого сочиненія, неблагопріятнаго для ультрамонтантскихъ предразсудковъ. Но эта сладкая надежда разбилась при появленіи восьмого тома, а затѣмъ и слѣдующихъ: *inde irae*.

«Въ этомъ восьмомъ томѣ г. Гетте начинаетъ повѣствованіемъ осужденія своей книги, и потомъ силится отвѣчать на замѣчанія, которыя были сообщены ему епископомъ его родной епархіи. Отвѣты г. Гетте далеко не удовлетворительны и вовсе не могутъ оправдать его, стр. X, XV, и стр. XXIII, XXXIII».

Мнѣ кажется, что г. докладчикъ твердо вѣруетъ о тѣхъ замѣчаніяхъ, которыя были опровергнуты въ началѣ восьмого тома «Исторіи французской церкви». Я былъ настолько деликатенъ, что не указалъ источниковъ, откуда происходили эти замѣчанія, потому что онѣ, по мнѣнію образованнѣйшихъ людей и ученѣйшихъ богослововъ, чрезвычайно слабы. Можетъ быть докладчикъ почерпнулъ свѣдѣнія по этому предмету у Паллю-Дюпарка, епископа Блоасскаго и бывшаго настоятеля Ла-Рошельской семинаріи? Потому что мы не можемъ повѣрить, чтобы онъ могъ превратиться самъ собою въ *богослова того собора*, на которомъ не присутствовалъ. Правда, что на этомъ соборѣ было много его друзей. Хотимъ вѣрить, что кто-нибудь изъ этихъ нескромныхъ друзей передалъ замѣчанія докладчику Ла-Рошельскаго собора: Предоставляемъ докладчику полную свободу считать наши отвѣты *неудовлетворительными*. Онѣ, конечно, не могутъ быть удовлетворительными ни для него, ни для автора замѣчаній; но мы знаемъ чрезвычайно способныхъ людей, которые нашли ихъ вполне убѣдительными.

«Послѣ вышеупомянутыхъ предварительныхъ опроверженій, авторъ дѣлаетъ *общій обзоръ современнаго періода*, и этотъ историческій очеркъ вкратцѣ повторяетъ заблужденія всей книги.

«Этотъ *общій очеркъ* обнимаетъ исторію французской церкви, начиная отъ 1450 до 1560 года, и въ этомъ продолженіи своей исторіи, авторъ обнаруживаетъ такіе же недостатки, какъ и въ предыдущихъ семи первыхъ томахъ. *Вотъ, нѣсколько главныхъ пунктовъ, и нѣсколько мѣстъ его книги, которыя особенно достойны порицанія*».

Докладчикъ воображаетъ, что недостатки *Исторіи французской церкви* вполне выяснены и неоспоримы. Я же долженъ замѣтить ему, что онъ не имѣлъ права утверждать этого, не доказавъ своего утвержденія. Онъ, вѣроятно, сошлется на замѣчанія Паллю-Дюпарка, а я ему отвѣчу слѣдующее: 1) что эти замѣчанія, за весьма немногимъ исключеніемъ, почти всѣ имѣютъ историческое значеніе, гдѣ допускается свобода мнѣній; что онѣ обнаруживаютъ у автора прискорбное незнаніе исторіи Церкви. Надѣюсь, что я уже это раньше доказалъ¹⁾ и могу, если пожелаютъ, доказать это еще съ большей подробностью. Итакъ, докладчикъ основывалъ свое дурное мнѣніе о моемъ трудѣ на очень зыбкой почвѣ.

Я долженъ оправдаться отъ возводимыхъ на меня докладчикомъ обвиненій по поводу моей невнимательности къ замѣчаніямъ епископа моей родной епархіи. Преосвященный епископъ Ангулемскій особенно останавливался на этомъ, въ своемъ письмѣ: и даже самый соборъ въ своемъ опредѣленіи положительно утверждаетъ, что я совсѣмъ не обратилъ вниманія на замѣчанія, которыя Паллю-Дюпаркъ сдѣлалъ мнѣ, руководствуясь при этомъ любовью къ ближнему.

Изъ того, что я написалъ по этому поводу въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, читатель можетъ видѣть, что я даже слишкомъ унижался передъ Паллю.

Но вотъ продолженіе раппорта:

«I. О Римскихъ папахъ. Г. Гетте утверждаетъ, что папы преувеличили свои права; имѣли притязанія на абсолютную власть; присвоили и сосредоточили въ себѣ всю духовную власть. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ его восьмого тома:

«Королевская власть, также какъ и папская власть, имѣла своихъ приверженцевъ. Надъ тѣми и другими возвышались разумные католики, которые прозрѣвали зло въ самомъ его корнѣ и требовали восстановленія древняго права, какъ единственнаго средства, для созданія мира въ Церкви. Эти католики не становились исключительными приверженцами ни

1) См. мой отвѣтъ на замѣчанія, въ началѣ восьмого тома *Исторіи французской церкви*.

притязаній папскаго престола, который преувеличивалъ свои права, ни притязаній королевской власти, стремившейся омирщить Церковь (matérialiser). (Общій обзоръ, стр. 6).

«У надлежащей (competente) власти не оспаривалось право измѣнять законъ выборовъ (въ Конкордатѣ Льва X и Франциска I); но спрашивали, *какая это была надлежащая власть*» (стр. 148).

«Каноническая наука... была... испорчена въ своей сущности, даже законодательными актами, которыми папы *возводили въ неотчуждаемое право своего престола тѣ преимущества, которыми они были облечены, только благодаря одному случаю*» (Общій обз., ст. 2, 8).

«Климентъ VII... боялся обсужденія этого важнаго вопроса, столь смѣло разрѣшеннаго въ Констанцѣ, который если бы былъ представленъ въ иномъ свѣтѣ, то неизбѣжно долженъ былъ бы уничтожить всѣ притязанія Римскаго двора» (стр. 239).

«Въ ту же самую эпоху соборы Базельскій (Bale) и Констанцскій обнаруживали среди духовенства сильную оппозицію притязанію Римскаго двора на абсолютизмъ (Общій обзоръ, стр. 7).

«Средневѣковое ученіе о папскомъ абсолютизмѣ: есть только ученіе случайное.

«Одна только Церковь непогрѣшима, но не духовная особа, каково бы ни было ея положеніе.»

«Каждый христіанинъ долженъ противиться той системѣ, которая стремится создать, относительно власти, принципы противные тѣмъ, которые выражены въ Евангеліи.

«Не должно низводить Церковь до какой-либо формы свѣтской власти». (Общій обзоръ, стр. 27).

Въ эпоху Каролинскую. «Папы въ то же время пожелали сконцентрировать всю духовную власть». (Общій обзоръ, ст. 5).

«Въ средніе вѣка, когда папскій престолъ достигъ того, что сосредоточилъ въ себѣ всю власть, то началъ преслѣдовать выборы (ст. 138)».

Мнѣ любопытно было бы знать, какъ отнесся докладчикъ къ вышеупомянутымъ положеніямъ, потому что онъ ограничивается лишь цитированіемъ ихъ, чтобы доказать этимъ, что

я утверждаю слѣдующее: что папы преувеличили свои права; что они имѣли притязанія на абсолютизмъ, и что они старались сосредоточить всю духовную власть въ своемъ лицѣ.

Если бы докладчикъ желалъ въ точности передать мое мнѣніе относительно спорнаго пункта, то долженъ былъ бы замѣтить слѣдующее:

1) что въ нѣсколькихъ мѣстахъ моего сочиненія, я выясняю очень важную разницу между правами папскаго престола, признаваемыми всѣми католиками, и нѣкоторыми преимуществами, которыя никогда повсемѣстно не считались Церквами истинными правами, и что богословы и епископы французскіе, въ частности, никогда не признавали ихъ такими; 2) онъ долженъ былъ бы прибавить, что тѣ положенія, которыя онъ цитировалъ на соборѣ, относятся именно къ этимъ послѣднимъ преимуществамъ. Передавъ же все въ общей формѣ (какъ это сдѣлалъ г. докладчикъ), онъ оклеветалъ меня, и ввелъ въ заблужденіе отцевъ собора, которые на этомъ заблужденіи основали свое осужденіе.

Развѣ, въ средніе вѣка, папы не имѣли притязанія сдѣлаться духовными и свѣтскими властителями Церкви? Развѣ они не требовали для себя права непосредственнаго дѣйствія на всѣ отдѣльныя Церкви, хотя подобнымъ правомъ они не пользовались въ предыдущіе вѣка? Развѣ они не имѣли притязанія стать выше каноновъ, т. е. выше закона? Всѣ эти факты неоспоримы. Только ультрамонтаны считаютъ *правомъ* то, что по убѣжденію галликанцевъ есть чрезмѣрное притязаніе.

Относительно этого вопроса, я стою на сторонѣ послѣднихъ.

Слѣдуетъ ли изъ всего этого заключить, что я долженъ быть причисленъ къ врагамъ папскаго престола?

Нѣтъ, изъ этого только слѣдуетъ, что я не принадлежу къ партіи ультрамонтанской.

Если бы докладчикъ былъ добросовѣстнымъ человѣкомъ, то онъ осуждаемая имъ положенія сравнилъ бы съ многочисленными страницами, написанными мною въ пользу папъ даже такихъ, которые самымъ широкимъ образомъ пользовались преимуществами, не могущими назваться правомъ.

Бенедиктъ XIV (Const. sollicit.) предписалъ дѣлать сопо-

ставленіе текстовъ автора, чтобы съ точностью узнать его убѣжденіе, и прійти къ благопріятному истолкованію.

Докладчикъ же Ла-Рошельскаго собора поступаетъ совершенно обратно предписаніямъ Бенедикта XIV. Онъ отдѣляетъ тексты и даетъ имъ наихудшее толкованіе. А между тѣмъ на этихъ-то отдѣльныхъ и дурно истолкованныхъ текстахъ, соборъ основалъ свое осужденіе.

«II. Относительно *конкордатовъ* авторъ придерживается слѣдующаго убѣжденія:

«Папы, по его мнѣнію, ввели ихъ не для блага Церкви, но для собственной пользы:

«Римскій дворъ... смотрѣлъ на возстановленіе древняго порядка, какъ на самый тяжкій ударъ его *феодальной власти*, и для *отвращенія этого удара* поспѣшилъ войти въ соглашеніе съ королями. Римскій дворъ открылъ имъ врата святилища (стр. 138). «Папы... старались сохранить, по крайней мѣрѣ, обломки разрушавшейся власти. Съ этой цѣлью они пришли въ соглашеніе съ королями, и установили съ ними договоры или соглашенія. (*Общій обзоръ*, стр. 8)».

«Французское духовенство... было удивлено тѣмъ, что папы пожертвовали духовнымъ направленіемъ церкви, для *нѣкоторыхъ свѣтскихъ преимуществъ* (стр. 139)».

Мы не говорили вовсе, что папы при установленіи конкордатовъ имѣли въ виду исключительно только свою личную выгоду и не имѣли въ виду блага Церкви; мы не проникали въ ихъ мысли; одинъ Богъ имѣетъ право на это. Но мы нашли въ исторіи *факты*, доказавшіе, что корыстная цѣль имѣлась также въ виду, при совершеніи вышеупомянутыхъ договоровъ. *Фактами* этими мы представили доказательства. Развѣ г. докладчикъ можетъ отрицать то, что существовало въ дѣйствительности? Ничто не можетъ быть неотразимѣ *факта*. Пусть докладчикъ Ла-Рошельскаго собора уничтожитъ факты, и историки не будутъ передавать ихъ. Развѣ въ силу конкордатовъ короли не пріобрѣли въ духовныхъ дѣлахъ такихъ *правъ*, въ которыхъ папы и все духовенство энергично отказывали имъ до XVI столѣтія? Развѣ они не имѣли права назначать (*nommer*) епископовъ и лицъ управлявшихъ большими

аббатствами? Развѣ папа Левъ X не даровалъ имъ этого права?

И взаимнѣ этихъ дарованныхъ папами правъ, развѣ они не приобрѣли свѣтскихъ преимуществъ? Развѣ они не приобрѣли въ особенности права отмѣны выборовъ? Пусть же докладчикъ прочтетъ конкордаты и официальные документы о переговорахъ, которыми все это сопровождалось. Онъ увидитъ тогда, что я не сказалъ и сотой доли того, что могъ бы сказать, если бы желалъ во чтобы то ни стало порицать папъ. Онъ обратилъ бы тогда вниманіе на воздержанность съ моей стороны, а не сталъ бы упрекать меня за то, что я сказалъ слишкомъ много.

«2. Что конкордаты въ послѣдствіи принесли только несчастье Церкви. (*Общій обзоръ*, стр. 16)».

Это мнѣніе раздѣляли самые благочестивые и ученые епископы и даже нѣкоторые папы, какъ это указано въ восьмомъ томѣ, который докладчикъ счелъ долгомъ порицать. Какой оцѣнки заслуживаетъ это ихъ мнѣніе, съ точки зрѣнія докладчика Ла-Рошельскаго собора? Почему также говоритъ онъ о всѣхъ вообще конкордатахъ, когда я говорю только о конкордатѣ XVI столѣтія, исторію котораго я долженъ былъ писать? Когда имѣютъ честь быть докладчикомъ собора, то нужно остерегаться представлять отцамъ этого собора неточныя данныя, какъ бы они незначительны ни были. Докладчикъ изъ *богословствъ* Ла-Рошельскаго собора совсѣмъ забылъ позаботиться объ этомъ. Развѣ нельзя доказывать, что то или другое дѣйствіе, даже хорошее само по себѣ, или по обстоятельствамъ, могло имѣть и дурныя послѣдствія? Какое послѣдствіе имѣлъ конкордатъ Льва X и Франциска I для Франціи? Самые святые епископы, и даже папы признали, что послѣдствіемъ его было назначеніе на епископскія должности большаго числа недостойныхъ лицъ, которые наполнили церковь соблазномъ. Доказательства этому докладчикъ нашелъ бы въ моемъ восьмомъ томѣ. Почему же онъ скрылъ ихъ отъ отцевъ Ла-Рошельскаго собора?

«3. Что конкордаты освятили вторженія въ церковь свѣтской власти; «Римскій дворъ... поспѣшилъ войти въ согла-

шеніе съ королями. Онъ открылъ имъ врата святилища, куда они до того времени врывались только силою: и такимъ образомъ притязанія свѣтской власти сдѣлались правами (стр. 138)».

«Папы условились съ королями, учредили между собой договоры или конкордаты, и такимъ образомъ не побоялись *присудить характеръ законности* притязаніямъ свѣтской власти. Посредствомъ этихъ договоровъ древнее право было *конфисковано въ пользу* Римскаго двора и королевской власти (*Общій обзоръ*, стр. 8)».

«Приверженцы свободы церкви назывались съ того времени мятежниками. На дѣйствія короля въ религіозныхъ дѣлахъ они должны были смотрѣть какъ на дѣйствія, *освященные закономъ* (*Общій обзоръ*, стр. 8)».

Да позволить мнѣ докладчикъ предложить ему три вопроса:

1. До конкордатовъ XVI столѣтія папы и епископы развѣ не боролись энергически противъ королей, которые желали ввести инвеституру (*investiture*) для церковныхъ имуществъ?

2. Развѣ мнимое право инвеституры, которое требовали короли, не считалось святотатственнымъ захватомъ?

3. Развѣ конкордаты Льва X и Франциска I не даровали французскимъ королямъ не только *право инвеституры*, но и права непосредственнаго назначенія на епископство и другія, большія, такъ называемыя *конвисторіальныя* бенефиціи?

Если докладчику известны начатѣбныя основанія исторіи Церкви, то онъ *утвердительно* отвѣтитъ на всѣ эти три вопроса, а слѣдовательно докажетъ, что неправильно обвинялъ меня.

4. Что папы создали новое галликанство, которое передаетъ свободу церкви свѣтской власти:

«Новое галликанство, *болѣе или менѣе пожертвовало этой свободой въ пользу свѣтской власти* (стр. 5 въ концѣ)». Тогда-то возникло современное галликанство, которое получило законную силу конкордатовъ Льва X (стр. 139 и 12 *Общаго обзора*)».

«Папа Левъ X подписалъ этотъ актъ крещенія современнаго галликанства, вопреки желанію не только французскаго духовенства, но даже и парламента. (*Общій обзоръ*, стр. 8)».

Докладчикъ вѣроятно знаетъ, что основою современнаго галликанства служитъ дѣйствіе гражданскаго права въ дѣлахъ церковныхъ. Это дѣйствіе было оспариваемо всѣми папами и епископами до конкордата Льва X съ Францискомъ I-мъ. Благодаря этому конкордату, дѣйствія короля приобрѣли законность въ дѣлахъ церковныхъ, потому что актъ этотъ далъ имъ право назначать на епископства и распоряжаться большими церковными имуществами (*aux évêchés et autres grands bénéfices*), равно какъ и другія права, вытекавшія изъ вышеупомянутыхъ правъ. Итакъ, дѣйствіе гражданскаго права, отвергаемое сначала какъ незаконное и святотатственное, сдѣлалось законнымъ, потому что оно было освящено закономъ созданнымъ папой, въ качествѣ одной изъ договаривавшихся сторонъ. Слѣдовательно, первая причина и основа галликанства заключается въ конкордатѣ.

Если бы докладчикъ не ограничился только цитатами, а предложилъ бы какія-либо свои сужденія; то мы могли бы заключить и о томъ, что онъ находитъ неправильнымъ въ моихъ утвержденіяхъ, высказанныхъ по поводу приведенныхъ мною фактовъ. Но онъ не высказываетъ своего мнѣнія, и ограничивается одними цитатами.

«Если же онъ пожелалъ бы отвергать факты противодѣйствія французскаго духовенства и парламента конкордатамъ; то надобно было бы, чтобы онъ предварительно уничтожилъ протоколы духовныхъ собраній, по крайней мѣрѣ, за одно столѣтіе, а также предостереженія парламентовъ. До этого же времени онъ долженъ позволить намъ принимать все это въ соображеніе.

«5. Что право заключать конкордаты вытекаетъ изъ абсолютизма, и не можетъ быть признано однимъ изъ божественныхъ правъ дарованныхъ Римскому папѣ: «Галликанское духовенство... виновно въ томъ, что одобряетъ эти акты (конкордаты) *взъ принципъ*. Ультрамонтаны виновны въ томъ, что требуютъ для папскаго престола абсолютизма, который противенъ правамъ народовъ, но въ особенности виновны въ томъ что абсолютизмъ этотъ хотятъ сдѣлать божественнымъ правомъ папскаго престола; одни только тѣ права... которые порицають

въ *принимать* законодательные акты, которые имѣли послѣдствіемъ несчастье Церкви (*Общій обзоръ*, стр. 15, 25)».

Докладчикъ неправъ въ томъ, что приписываетъ конкордатамъ тѣ послѣдствія, которыя относятся къ ультрамонтанству вообще, и которыя въ моей книгѣ не имѣютъ вовсе того значенія, какое придаетъ имъ онъ.

Кромѣ того, можетъ ли онъ законнымъ образомъ упрекать меня въ томъ, что я не считаю *божественнымъ правомъ* папѣ заключать конкордаты? Гдѣ видѣлъ г. докладчикъ, чтобы папа имѣлъ это *божественное право*? Какой отецъ Церкви, какой соборъ, какой богословъ примѣнялъ къ этому праву жѣста изъ Писанія, на которыхъ основываютъ божественныя права папскаго престола? Развѣ въ этомъ случаѣ не могли бы и епископы требовать тѣхъ же правъ, которыми хочетъ пользоваться только одинъ папа?

Можетъ ли доказать докладчикъ, что папа имѣетъ право свои новыя постановленія ставить взамѣнъ постановленій, которыми съ незапамятныхъ временъ управлялась столь обширная Церковь, какъ церковь французская, да еще совершать все это безъ содѣйствія епископовъ этой Церкви? Если онъ думаетъ такъ, то я замѣчу ему, что всѣ французскіе епископы въ теченіе вѣковъ выражали *совсѣмъ* противоположное мнѣніе, и утверждали что папа долженъ подчиняться канонамъ.

Развѣ не позволительно раздѣлять убѣжденія французскихъ епископовъ? И для того, чтобы быть католикомъ, развѣ я обязанъ сосредоточивать въ папѣ всю духовную власть? Развѣ нельзя быть католикомъ, не будучи ультрамонтаномъ? Епископы не суть простые исполнители папской воли, но они по *божественному праву* суть пастыри и правители Церкви, наравнѣ съ папой.

Ученіе это, конечно, не нравится докладчику Ла-Рошельскаго собора; но я долженъ замѣтить ему, что въ тѣхъ положеніяхъ, которыя онъ представилъ собору по поводу римскихъ папъ и конкордатовъ, можно находить ошибки только въ томъ случаѣ, если смотрѣть на нихъ съ ультрамонтанской точки зрѣнія. Согласенъ, что съ этой точки зрѣнія я за-

служиваю осужденія; но въ такомъ случаѣ пришлось бы осудить не только меня, простаго писателя, но и всѣхъ древнихъ епископовъ Франціи, а въ особенности Боссюэта, къ смиреннымъ ученикамъ котораго я причисляю себя.

«III. О литургійномъ (liturgique) правѣ. Авторъ, говоря о реформахъ сдѣланныхъ во Франціи въ XVII столѣтіи, пишетъ, что епископы *всѣхъ временъ* пользовались *неоспоримымъ правомъ* совершать въ своихъ церквахъ ту литургію, которая наиболѣе подходила къ нравамъ и вкусамъ ввѣренныхъ имъ народовъ. (*Общій обзоръ* стр. 4)».

Да, я утверждалъ это и утверждаю и теперь; и считаю *правомъ и долгомъ утверждать* это, потому что *это истина*. Установленіе *всѣхъ* литургій *во всѣхъ* церквахъ съ такой очевидностью доказываетъ это, что я не понимаю, какъ можно держаться въ отношеніи къ этому противнаго мнѣнія. Мое утвержденіе настолько истинно, что ярые приверженцы римской литургіи принуждены теперь, для поддержанія своихъ идей, сочинять *новыя литургійныя права*. По этому поводу можно обратиться за свѣдѣніями къ *пастырской инструкціи* (*Instruction pastorale*), которую напечаталъ Паллю-Дюпаркъ, епископъ Блоасскій, вводя римскую литургію въ своей епархіи. Докладчикъ Ла-Рошельскаго собора не можетъ не довѣрять автору этой инструкціи.

Если теперь необходимо устанавливать *новое право* для доказательства новыхъ идей; то это потому, что *древнее право* противорѣчило этому. Но когда я писалъ исторію шестнадцати первыхъ вѣковъ; то не имѣлъ въ виду того *права*, которое находилось еще въ младенчествѣ и основатели котораго намъ хорошо извѣстны. Докладчикъ Ла-Рошельскаго собора, а равно и самый соборъ, приводя мое мнѣніе относительно литургіи, не подумали о томъ, что вмѣстѣ со мной они осуждали кардинала Бона (Bona), который выражается слѣдующимъ образомъ:

«Что касается до обрядовъ и до способа совершенія ихъ (существенныхъ дѣйствій обѣдни), что касается словъ, которыми выражены молитвы, порядка церемоній и другихъ менѣе существенныхъ вещей; то все это разнообразно совершается

въ разныхъ церквахъ; потому что всѣ эти вещи не были установлены апостолами и апостольскими мужаами, такъ чтобы оставались вѣчными и неизмѣнными; и потому они заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя различія и измѣненія, которыя не нарушаютъ вовсе единства церкви и нисколько не оскорбляютъ вѣрующихъ.

«Такъ какъ относительно этого пункта не существуетъ заповѣдей, данныхъ Иисусомъ Христомъ; то слѣдовательно *каждый епископъ могъ имѣть по этому поводу собственное сужденіе и могъ устанавливать обряды, за исключеніемъ вторы, какъ она считала это нужнымъ*. То, что одному казалось болѣе важнымъ, другому могло казаться менѣе важнымъ ¹⁾).

«IV. О монашескихъ орденахъ:

«Тогда монахи, гордившіеся своимъ безбрачіемъ, правилъ котораго совсѣмъ не соблюдали, часто съ большимъ безразсудствомъ возставали противъ брака... Въ средніе вѣка, это злоупотребленіе (злоупотребленіе устной молитвой) дошло до высшей степени, и преимущественно монахи способствовали его распространенію. Такъ какъ по своимъ правиламъ они обязаны были непрерывно совершать свои молитвенныя дѣйствія (*a la recitation de leurs offices*) и такъ какъ болѣею частью они фанатично относились къ своимъ уставамъ; то было весьма естественно, что въ своихъ проповѣдяхъ они склонны были требовать отъ другихъ исполненія тѣхъ же правилъ, которымъ сами обязались подчиняться (стр. 182)».

«Наряду съ теоретиками, у нихъ (у иезуитовъ) можно было встрѣчать и людей дѣла, которые проникали во всѣ общественныя сферы... и старались пріобрѣсть тамъ благосклонность. Для достиженія этой цѣли они усиливались настолько смягчить евангельскія правила, чтобы можно было примѣнять ихъ ко всевозможнымъ обстоятельствамъ, и старались найти нѣкоторое соглашеніе между этими правилами и тѣми легкомысленными нравами, которыя господствовали тогда въ обществѣ. Такимъ-то образомъ возникло полу-христіанское обще-

¹⁾ Кард. Бона (Card. Bona) *Reg. Liturgi. Lib 1, стр. LXII.*

ство, которое подъ руководствомъ іезуитовъ соединяло самыя свѣтскія привычки съ выраженіемъ наружнаго благочестія (*Общій обзоръ*, стр. 30).

«Серьезныя воззрѣнія этихъ людей (Арнольда и Николая), составляли поразительную противоположность съ ихъ современниками, отличавшимися легкомысленными нравами. Въ то время какъ іезуиты старались придать евангельскимъ правиламъ самое удобное толкованіе, люди эти, напротивъ, принимали эти правила во всей ихъ строгости, и старались примѣнять ихъ въ практической жизни съ ревностью, достойною христіанъ первобытной церкви.

«Строгость ихъ нравовъ въ особенности обнаруживалась въ противудѣйствиіи новому способу проявленія благочестія, которое стремилось къ подавленію своими плевелами добраго сѣмени христіанства.

«Глубоко зная образъ жизни древнихъ христіанъ, противники іезуитовъ были проникнуты восторгомъ къ столь простому и вмѣстѣ съ тѣмъ столь величественному богослуженію первыхъ вѣковъ, и не скрывали своего отвращенія ко всѣмъ тѣмъ религіознымъ выдумкамъ, которымъ покровительствовали іезуиты подъ предлогомъ поддержанія благочестія въ душахъ (*Общій обзоръ*, стр. 32).

Въ этихъ мѣстахъ моего сочиненія я говорю объ испорченности монаховъ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Чтобы быть справедливымъ, докладчикъ долженъ былъ бы поставить рядомъ съ нѣсколькими словами, на которыя ссылается онъ, *многочисленныя страницы*, гдѣ я разбираю монашескія установленія съ должною къ нимъ справедливостью, гдѣ я осыпаю ихъ похвалами, и порицаю тѣ нападки, которымъ они подвергались.

Монашескія общины подпали искаженію. Развѣ докладчикъ можетъ отвергать, что эти учрежденія испортились? Пусть онъ прочтетъ сочиненія святыхъ, которые трудились надъ ихъ преобразованіемъ, и онъ увидитъ тогда, что я былъ даже слишкомъ остороженъ, изображая картину упадка этихъ прекрасныхъ нѣкогда учрежденій. Я указываю на нѣкоторыя злоупотребленія, а докладчикъ выставлетъ меня предъ Ла-Рошельскимъ соборомъ врагомъ монашескихъ орденовъ! Развѣ

я долженъ восхвалять эти злоупотребленія? Отрицать же ихъ было бы недобросовѣстно съ моей стороны; я не могъ и совершенно скрывать ихъ, потому что этимъ показалъ бы очевидное пристрастіе настолько же бесполезное, насколько и странное; кому неизвѣстны злоупотребленія монашескихъ орденовъ, начиная съ XV столѣтія?

«Во-вторыхъ, я говорилъ, въ указанныхъ докладчикомъ положеніяхъ, о распущенной нравственности собственно іезуитовъ. Докладчикъ вѣроятно забылъ о тѣхъ безчисленныхъ осужденіяхъ, которымъ подвергались іезуиты со стороны папскаго престола и французскаго духовенства. Каждое слово въ моихъ положеніяхъ опирается на величайшіе авторитеты; изъ этого слѣдуетъ только то, что я не уважаю іезуитовъ; но съ какихъ поръ существуетъ такое постановленіе, что каждый неуважающій іезуитовъ долженъ считаться врагомъ монашескихъ орденовъ? Можно признать за вѣрное, что іезуиты заслужили болѣе меня быть причисленными къ этимъ врагамъ. Отецъ Тейнеръ (Theiner), духовный совѣтникъ Индекса, только что напечаталъ, на глазахъ папы и съ его одобренія, сочиненіе, въ которомъ доказываетъ все то, что я утверждалъ, и научнѣйшимъ образомъ защищаетъ буллу и поведеніе Климента XIV; въ Римѣ предоставляютъ полную, и совершенную свободу отцу Тейнеру, а во Франціи меня осуждаютъ за то, что я дѣлаю іезуитамъ упреки, которыхъ они вполне заслужили?

«Докладчикъ можетъ не раздѣлять моихъ чувствъ къ іезуитамъ; но имѣетъ ли онъ право называть меня врагомъ монашескихъ орденовъ, за то, что о іезуитахъ я имѣю такое же мнѣніе, какъ и папа Климентъ XIV, не считая другихъ папъ, святыхъ епископовъ и добродѣтельныхъ людей, имѣвшихъ о нихъ подобное же мнѣніе?

«V. Объ изустной молитвѣ. (Смот. въ № IV первую строку приведеннаго мѣста). Въ указанномъ мѣстѣ я говорю только о злоупотребленіи изустной молитвой. Иисусъ Христосъ въ Евангеліи Самъ порицалъ это злоупотребленіе: «А молясь, не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны. Не уподобляйтесь имъ; ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду пре-

жде вашего прошенія у Него. Молитесь же такъ: Отче нашъ, и т. д. (отъ Матѳея гл. 6, 7, 8, 9).

Я порицалъ не самую молитву, а *злоупотребленіе* ею. Осуждая меня въ этомъ случаѣ, докладчикъ осудилъ Самого Иисуса Христа.

«VI. Объ измѣненіи благочинія и ученія.

«Только тѣ права, которые... порицають *въ принципъ* законодательные акты (конкордаты), сопровождавшіеся, по своимъ послѣдствіямъ, несчастьемъ для Церкви. По примѣру старыхъ галликанцевъ среднихъ вѣковъ они сожальютъ о первобытныхъ учрежденіяхъ, которыя одни только могутъ возвратить Церкви ея свободу, а вмѣстѣ со свободой—могущество и миръ. Только въ этомъ смыслѣ мы должны называть себя галликанцами (*Общій обзоръ*, стр. 16)».

«Возвращеніе къ ученію первыхъ вѣковъ могло бы исправить всѣ злоупотребленія власти, освященныя средневѣковой теоріей абсолютизма; и также очистить христіанскій догматъ отъ того мрака, которымъ окружилъ его философскій педантизмъ послѣднихъ вѣковъ (*Общій обзоръ*, стр. 28)».

Въ приведенныхъ мѣстахъ очевидно я желалъ сказать только то, что церковное благочиніе среднихъ вѣковъ было не такъ чисто, какъ благочиніе первыхъ вѣковъ, и что системы философовъ того времени, какъ бы поглотили догматы. Кому же неизвѣстны системы средневѣковыхъ философскихъ школъ относительно христіанскихъ таинствъ? Но если изъ представляемаго мною факта докладчикъ выводитъ то, что я утверждаю будто бы *Церковь измѣнила свое ученіе*, то подобный выводъ я могу назвать умышленнымъ перетолковываніемъ моихъ мыслей. Я не приписываю Церкви никакого измѣненія въ томъ, что относится собственно къ вѣрѣ, но я говорю только, что ея ученіе и догматы были извращены тѣми, кто посвящалъ себя преподаванію и толкованію ихъ въ школахъ.

Я не понимаю, почему мнѣніе это можетъ назваться неправомысленнымъ. Развѣ запрещено предпочитать дисциплинарные каноны соборовъ первыхъ вѣковъ канонамъ соборовъ среднихъ вѣковъ и находить послѣдніе не столь хорошими и чистыми какъ первые?

Докладчикъ не счелъ нужнымъ объяснять, что именно онъ нашелъ ошибочнаго въ этихъ мнѣніяхъ.

«VII. Духъ автора въ этомъ сочиненіи:

«1. Язвительная запальчивость (*Zèle amer*). Смот. преимущественно стр. 208, и въ другихъ мѣстахъ стр. 182;

«2. Стремленіе выставить на видъ, безъ всякаго уваженія, ошибки высшихъ духовныхъ лицъ... См. *Общій обзоръ*, стр. 13 параграфъ I стр. 22, 28;

«3. Несправедливость относительно защитниковъ Церкви. См. *Общій обзоръ*, стр. 31;

«4. Пристрастіе къ еретикамъ. См. *Общій обзоръ*, стр. 33 и стр. 16—30, 323 и т. д.

«5. Слишкомъ большое довѣріе къ протестантскимъ писателямъ. См. II и III книгу, *passim*.»

Разсмотримъ доказательства, на которыхъ опираются эти утвержденія.

Обвиненіе первое: язвительная запальчивость (*Zèle amer*). Указанное мѣсто упомянуто выше: въ немъ говорится объ упадкѣ монашества и о злоупотребленіяхъ устною молитвою. Какъ можно было найти язвительность и насмѣшку въ столь простыхъ и умѣренныхъ выраженіяхъ?

Что же долженъ послѣ этого сказать докладчикъ о тѣхъ мѣстахъ, на которыя я могу сослаться изъ святого Иеронима, святого Сильвиція-Севера, святого Жильда (*Gildas*), святого Петра-Дамьенскаго, святого Бернарда, Петра Достопочтеннаго, святого Викентія-Феррарскаго и многихъ другихъ святыхъ, у которыхъ указывается на пороки, безстыдную распущенность, скупость, гордость, составлявшія какъ бы принадлежность выродившихся монастырскихъ учрежденій? Сказанныя мною нѣсколько словъ слишкомъ слабы, въ сравненіе съ яркими картинами, изображенными этими святыми. Я могъ бы представить ихъ читателямъ, но мнѣ кажется, что они извѣстны всѣмъ образованнымъ людямъ, такъ какъ они, вѣроятно, читали каноны соборовъ, которые съ такой энергіей бичуютъ безнравственныхъ монаховъ?

При разсмотрѣніи порицанія докладчика относительно указаннаго имъ мѣста, каждый честный человѣкъ прійдетъ къ

слѣдующему заключенію: что я могъ по этому предмету сказать гораздо болѣе, не вызывая этимъ того порицанія, которому подвергся.

Обвиненіе второе: стремленіе выставять на видъ, безъ всякаго уваженія, ошибки высшихъ духовныхъ лицъ.

Доказательство 1-е: *Общій обзоръ*, гл. XIII, параграфъ 1-й. Я въ этомъ мѣстѣ говорю, что послѣ конкордатовъ епископіи (évêchés) давались придворнымъ аббатамъ, достоинство которыхъ опредѣлялось благосклонностью королей; затѣмъ я прибавляю слѣдующія слова, на которыхъ вѣроятно основали вышеозначенное порицаніе:

«Римскій дворъ думалъ только о томъ, чтобы извлекать наибольшую выгоду изъ вакантныхъ мѣстъ и изъ права раздавать эти мѣста въ видахъ удвоиванія годовыхъ папскихъ доходовъ (annates) и для приобрѣтенія въ свою пользу извѣстнаго числа десятинъ (dimes); таксы канцеляріи увеличивались съ каждымъ днемъ, такъ что протекцію, даже духовную, можно было приобрѣсть только за наличныя деньги».

Прежде всего надобно замѣтить, что я говорю не о папскомъ престолѣ и не о самомъ папѣ; но о Римскомъ дворѣ, состоящемъ изъ чиновниковъ, пороки которыхъ были извѣстны наиболѣе добродѣтельнымъ папамъ, старавшимся исправить ихъ.

Затѣмъ я прибавляю еще и слѣдующее: докладчикъ вѣроятно забылъ, что самые святые люди порицали болѣе чѣмъ я *Римскій дворъ* за его любовь къ деньгамъ и за другіе пороки. Я ему напомню только о Томѣ Кантерберійскомъ и о святомъ Бернардѣ, которые жили еще въ то время, когда Римскій дворъ былъ менѣе пороченъ, нежели въ XVI вѣкѣ. Если онъ желаетъ узнать о состояніи двора въ XVI столѣтіи, то пусть прочтетъ проектъ реформы составленный нѣсколькими кардиналами, по повелѣнію Павла III; и тогда онъ увидитъ, что мои нѣсколько строкъ суть только слабое извлеченіе изъ того, на что я бы могъ сослаться, не подвергаясь за это порицанію.

Возвратимся къ святому Томѣ Кантерберійскому и къ святому Бернарду. Первый изъ нихъ выражается слѣдующимъ образомъ: (книга V, письмо 20):

«Я не знаю, по какому злополучному предопредѣленію. Рим-

скій дворъ ежедневно освобождаетъ Варраву и осуждаетъ на смерть Іисуса Христа».

Вотъ еще мѣсто изъ святого Бернарда, взятое нами изъ тысячи другихъ (Книга объ обязанностяхъ епископовъ, гл. VII, № 9):

«Духъ и характеръ Римскаго двора отличается тѣмъ, что онъ мало смущается послѣдствіями какого бы то ни было дѣла; онъ только обращаетъ вниманіе на тѣ выгоды, которыя получаетъ отъ нихъ: онъ любитъ подарки; корыстолюбіе преобладаетъ у Римлянъ, и я, не стѣсняясь, говорю объ этомъ, потому что зло сдѣлалось общественнымъ; дай Богъ, чтобы оно уменьшилось! Дай Богъ, чтобы скрывая его, могли не обнаруживать его передъ людьми! И если мы и проговоримся объ этомъ—то дай Богъ, чтобы никто не повѣрилъ намъ! Мы бы желали прикрыть наготу этихъ новыхъ Ноевъ; но такъ какъ они уже сдѣлались всеобщей басней, то должны ли одни мы только молчать объ этомъ? Я напрасно стараюсь скрыть глубокую и смертельную рану, такъ какъ кровь, которая брызжетъ во всѣ стороны, дѣлаетъ бесполезными всѣ мои предосторожности, и пачкаетъ все то, чѣмъ я желаю прикрыть рану; мои заботы бесполезны; мнѣ остается только одно смущеніе отъ того, что я желалъ скрыть то, чего нельзя было скрыть на самомъ дѣлѣ».

Я могу наполнить цѣлые томы такими же ссылками на сочиненія не только достойнѣйшихъ изъ духовныхъ писателей, но даже и папъ.

Г. докладчикъ поступилъ очень неблагоприятно, указавъ на наши фразы столь скромныя и умѣренныя въ сравненіи съ тѣмъ, что было по этому поводу сказано святыми. Онъ долженъ былъ знать то, что осуждая меня, осуждаетъ въ то же самое время всѣхъ благочестивыхъ людей, которые сокрушались о бѣдствіяхъ Церкви и о порокахъ Римскаго двора.

2-е доказательство на которомъ опирается второе обвиненіе (гергоше) г. докладчика находится въ *Общемъ обзорѣ*, стр. XXII.

Въ указанномъ мѣстѣ я называю Боржію или Александра VI *инуснымъ*, и утверждаю, что нѣкоторые папы продавали индульгенціи, на срокъ (à ferme) нищенствующимъ монахамъ. *Четыре строки по этому поводу!*

Я не буду оскорблять читателей своимъ сомнѣніемъ въ ихъ невѣдѣніи относительно всего отвратительнаго и гнуснаго, заключавшагося въ частной жизни Боржіа и о торговлѣ индульгенціями, послужившей искрой громаднаго пожара, называемаго Реформой. вмѣсто того, чтобы обвинять меня за нѣсколько строкъ, написанныхъ безпристрастно, г. докладчикъ долженъ бы былъ обратить вниманіе на мою осторожность, потому что я по этому поводу могъ бы сказать ужасныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримыя вещи. Но я не входилъ въ подробности исключительно изъ благоговѣнія къ Церкви, и сказалъ только нѣсколько словъ для исполненія своего долга, какъ историка, а между тѣмъ г. докладчикъ, на этихъ нѣсколькихъ словахъ основываетъ свое 2-е обвиненіе въ томъ, что я выставляю на видъ, *безъ всякаго уваженія, ошибки вышшихъ духовныхъ лицъ!*

3-е доказательство для подтвержденія 2-го обвиненія: *Общій обзоръ*, стр. XXVIII.

На этой страницѣ я говорю, что самое чистое благочиніе существовало въ Церкви до XIV столѣтія, но что въ теченіе двухъ столѣтій, бѣлое духовенство и монашескіе ордена пришли въ упадокъ, относительно нравовъ и научныхъ знаній, такъ что въ XVI столѣтіи зло дошло до высочайшей степени.

Говоря такимъ образомъ, я только вкратцѣ излагаю то, что было сказано уже соборами и писателями той эпохи, а въ особенности благочестивымъ кардиналомъ Юліаномъ (Julien), отцами собора Тридентскаго (Trente), папами въ ихъ буллахъ относившихся до этого собора и всѣми тѣми, кто только писалъ хотя что-нибудь о дѣлахъ Церкви въ эту эпоху. Единственная разница существующая между ними и мной въ этомъ отношеніи, заключается въ томъ, что они говорятъ объ этомъ гораздо болѣе меня и выражаются болѣе рѣзко.

Если я и заслужилъ осужденія за мѣсто, указанное г. докладчикомъ Ла-Рошельскаго собора, то слѣдовательно папы и всѣ указанные мною лица заслуживаютъ осужденія еще болѣе меня. Итакъ, можно утѣшиться въ этомъ осужденіи г. докладчикомъ провинціальнаго собора тѣмъ, что подвергаешься этому осужденію вмѣстѣ съ столь достойнымъ обществомъ.

Обвиненіе третье. Несправедливость относительно защитниковъ Церкви.

Единственное доказательство: *Общій обзоръ*, стр. XXXI.

Въ этомъ мѣстѣ я говорю только объ іезуитахъ, и порицаю ихъ безнравственность. Но она была порицаема папами, а также и французскимъ духовенствомъ въ его общемъ собраніи 1700 года и въ массѣ пастырскихъ посланій.

Значить, по мнѣнію г. докладчика Ла-Рошельскаго собора, я не долженъ былъ руководиться этими актами, а долженъ былъ взять на себя защиту казуистовъ.

Я долженъ былъ защищать казуистовъ, подь опасеніемъ быть осужденнымъ въ несправедливости, относительно защитниковъ Церкви!!

Читатели могутъ сами оцѣнить доказательство, представленное г. докладчикомъ для поддержанія своего обвиненія.

Обвиненіе четвертое. пристрастіе къ еретикамъ.

Доказательство 1-е: *Общій обзоръ*, стр. XXXIII.

Я говорю въ указанномъ мѣстѣ, что отшельники Пор-Руаяля (Port-Royal) соединились для соперничества въ наукахъ и добродѣтели, и для произведенія безсмертныхъ созданій.

Отшельники Пор-Руаяля дѣйствительно издали сочиненія; которыя я поименовываю на страницѣ XXXIV: *Вѣрность религіи* (La Perpétuité de la foi), разсужденія о *принципахъ христіанской вѣры* (des principes de la foi chrétienne), о единствѣ Церкви (l'Unité de l'Église) и т. д. и т. д. которыя, какъ всѣмъ извѣстно, не могутъ назваться еретическими.

Развѣ отшельники Пор-Руаяля не были добродѣтельными людьми? Не думаю, что бы г. докладчикъ дерзнулъ утверждать противное.

Развѣ они были еретиками? Боссюэтъ не находилъ этого на томъ основаніи, что они отвергали ереси осужденныя Церковью. Іезуиты приписывали имъ ересь о Благодати. Въ этомъ случаѣ я ограничусь замѣчаніемъ, что Арнольдъ, считавшійся начальникомъ школы Пор-Руаяля писалъ о Благодати, по просьбѣ Боссюэта, противъ отца Малэбранша (Malebranche). О сочиненіяхъ Арнольда, также какъ и о сочиненіяхъ Малэ-

бранша, донесли Риму. Сочиненія Арнольда не были осуждены, а сочиненія Малекбранша подверглись запрещенію.

Если отшельники Пор-Руаяля не могутъ назваться еретиками по поводу ученія о Благодати, то въ чемъ же можно обвинить ихъ?

Г. докладчикъ руководствовался въ этомъ случаѣ сочиненіями и обвиненіями іезуитовъ, но онъ могъ избрать и лучшіе источники.

Можно, вмѣстѣ съ Боссюэтомъ, порицать отшельниковъ Пор-Руаяля за ихъ противодѣйствіе нѣкоторымъ актамъ духовной и гражданской власти, но противудѣйствіе это нельзя законнымъ образомъ причислить къ ереси.

Отшельники Пор-Руаяля не были еретиками, по признанію Боссюэта, который, какъ мнѣ кажется, могъ имѣть свѣдѣнія въ этомъ отношеніи (См. журналъ аббата Лё-Дьё, годъ 1703 V. le journal de l'abbé Le Dieu, année 1703). Папы, при осужденіи ереси, называемой янсенизмомъ, не приписывали ее ни одному изъ отшельниковъ, а эти послѣдніе съ своей стороны объявили, что они не поддерживаютъ ея. Я не защищаю ихъ въ томъ случаѣ, когда они были еретиками. Итакъ, первое доказательство г. докладчика разрушается само собою.

Доказательство 2-е: стр. XVI *Общаго обзора*.

На этой страницѣ я не могъ найти *ни одного слова*, которое могло бы послужить *даже предлогомъ* для обвиненія меня въ *пристрастїи* къ еретикамъ.

Доказательство 3-е: страница XXX *Общаго обзора*.

На этой страницѣ я нахожу только слѣдующую фразу, которая имѣетъ очень отдаленное отношеніе къ разсматриваемому вопросу:

«Мы должны подняться выше всякихъ предразсудковъ и страстей при разсмотрѣніи вопроса о школѣ Пор-Руаяля и о борьбѣ ея съ іезуитами по поводу самыхъ трудныхъ богословскихъ вопросовъ».

Если предложеніе это достойно порицанія, то слѣдовательно мой долгъ, какъ историка, обязывалъ меня подчиниться по этому вопросу предразсудкамъ и страстямъ.

Я согласенъ, что г. докладчикъ придерживается вышеупомянутаго дурнаго принципа на практикѣ. Но его примѣръ не можетъ соблазнить меня. Я всегда буду держаться того мнѣнія, что въ исторіи лучше основывать свѣдѣнія на достовѣрныхъ источникахъ, чѣмъ на повѣствованіяхъ, проникнутыхъ предрасудками и страстями.

Доказательство 4-е: страница 323 текста.

На этой страницѣ я утверждаю, что Дю-Муленъ (Du-Moulin) былъ честный человекъ. Что онъ былъ неправъ, когда смѣшивалъ злоупотребленія въ Церкви съ самою Церковью, и думалъ найти въ протестантствѣ ученіе болѣе чистое, нежели въ Церкви; что онъ перешелъ законныя границы въ своихъ порицаніяхъ Римскаго двора, что одно изъ его сочиненій противъ этихъ злоупотребленій было причиною его ссылки.

Нѣсколькими страницами ниже я говорю, что Дю-Муленъ, испытавши протестантское ученіе, опять присоединился къ покинутой имъ Церкви и умеръ искреннимъ католикомъ.

Изъ всего этого г. докладчикъ Ла-Рошельскаго собора сдѣлалъ заключеніе, что я пристрастенъ къ еретикамъ.

Долженъ ли я еще доказывать, что подобное заключеніе почти странно?

Обвиненіе пятое. «Слишкомъ большое довѣріе въ протестантскимъ писателямъ».

Единственное доказательство: см. II и III книги, *passim*.

Въ отвѣтъ на столь неопредѣленное обвиненіе, я скажу то, что считалъ достовѣрными только тѣ факты, которые приняты какъ католическими, такъ и протестантскими писателями. Я никогда не ссылался исключительно на протестантовъ. Если г. докладчикъ или кто-нибудь изъ членовъ Ла-Рошельскаго собора желаетъ сослаться на какой-нибудь фактъ въ отдѣльности, то я беру на себя обязательство представить для подтвержденія этого факта, неоспоримыя католическія свидѣтельства.

Легко понять, что я могу только отвѣчать вообще г. докладчику на его столь неопредѣленное обвиненіе и на еще болѣе неопредѣленное доказательство, послужившее основаніемъ этого обвиненія.

Я представилъ тексты двухъ документовъ, послужившихъ основаніемъ обвиненію *Исторіи французской церкви*. Я представилъ мои отвѣты, которые и противопоставилъ этимъ двумъ документамъ, въ то время, когда я еще не былъ православнымъ.

Въ настоящее же время, когда я уже принялъ православіе, то и не считаю нужнымъ щадить ту церковь, которую оставилъ отъ всего сердца, и мнѣ легко было бы дать на упомянутые документы болѣе рѣшительные отвѣты. Прошу замѣтить, что мнимыя заблужденія, за которыя обвиняли меня всѣ, имѣютъ только историческое значеніе. Слѣдовательно, мои обвинители воображали себя болѣе свѣдущими, чѣмъ я въ исторіи Церкви. Но доказали ли они это? Въ чемъ выразились способности и научныя познанія г. докладчика незаконнаго Ла-Рошельскаго собора? Кто бы онъ ни былъ—Готье или Жиле, могъ ли онъ назваться компетентнымъ? Г. докладчикъ незаконнаго собора находился конечно подъ вдохновеніемъ письма Паллю, которое должно было быть извѣстно только мнѣ, но которое было сообщено моимъ врагамъ. Итакъ, въ чемъ заключается компетентность Паллю въ исторіи Церкви? Онъ самъ представилъ доказательство грубаго невѣжества въ исторіи своимъ знаменитымъ *пастырскимъ поученіемъ о литургіи*. Ему было извѣстно только первое слово изъ того вопроса, который онъ думалъ обсуждать съ полнымъ знаніемъ дѣла (ex professo) и возложивъ себѣ на голову митру.

Хотя мнѣ и непріятно, но я долженъ сказать, что Паллю подчинялся партіи завистливыхъ, невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ священниковъ, а г. докладчикъ незаконнаго Ла-Рошельскаго собора былъ только отголоскомъ Паллю и нечестныхъ священниковъ, его вдохновителей. Всѣ они порицали въ моемъ сочиненіи только тѣ мнѣнія, которыя существовали во всѣ времена во французской церкви. Ультрамонтанская партія, принимавшая съ каждымъ днемъ все большее значеніе, думала нанести сильный ударъ, когда подвергала запрещенію тѣ сочиненія, въ которыхъ преобладало ученіе французской церкви; но что она выиграла этимъ? *Руководство каноническаго права* о. Лекё считалось въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, во многихъ семинаріяхъ классиче-

скимъ произведеніемъ; богословіе Балли (Bailly) считалось классическимъ почти полустолѣтіе; *Исторія французской церкви* была благосклонно принята епископами и всѣмъ французскимъ духовенствомъ; какую же пользу принесли подобныя за-прещенія? Этотъ образъ дѣйствій поощрялъ только ту партію, которая нанесла римской церкви самыя тяжелыя раны, и вывелъ изъ границъ папскую власть, вслѣдствіе чего авторитетъ ея вмѣсто того, чтобы увеличиться, значительно уменьшился.

Я нисколько не сожалѣю о томъ, что подвергался нападеніямъ партіи. Я близко наблюдалъ папскую власть, которая считаетъ себя непогрѣшимой даже въ вопросахъ исторіи, и которая старается подавить науку и разумъ. Скоро я увидѣлъ эту папскую власть въ ея истинномъ свѣтѣ. Между галликанствомъ и православіемъ существовала только легкая раздѣльная черта. Галликанецъ желалъ, чтобы папы были подчинены канонамъ, а также и вселенскимъ соборамъ, которые составляютъ высшую власть Церкви. Но они признавали въ теоріи, что папа по божественному праву есть глава Церкви. Въ этомъ заключается несообразность, потому что глава, по божественному праву, не можетъ быть подчиненъ ни власти людей, ни законамъ Церкви. Ультрамонтаны воспользовались этимъ недостаткомъ логики для причиненія ущерба галликанству. Я тщательнѣе изучалъ ихъ аргументы, читалъ самыя научныя сочиненія защитниковъ папской власти; и читалъ ихъ не съ точки зрѣнія галликанца, но совершенно самостоятельно. Всѣ эти изученія убѣдили меня въ томъ, что галликанцы и ультрамонтаны основывали свои тезисы на текстахъ фальшивыхъ, испорченныхъ, сокращенныхъ, дурно истолкованныхъ и я пришелъ къ слѣдующему заключенію: что папская власть не была основана ни на Священномъ Писаніи, ни на католическихъ традиціяхъ, что римскій епископъ получилъ отъ первобытныхъ соборовъ титулъ перваго патріарха, что папская власть существовала только съ девятаго вѣка, и была только свято-татственнымъ захватомъ правъ Церкви представленныхъ епископату.

Итакъ, я пришелъ къ православію, не бывши еще официально православнымъ.

Какъ только былъ совершенъ столь важный шагъ, то я не могъ признавать уважаемую восточную Церковь Церковью схизматическою, относительно которой я имѣлъ нѣкоторыя изъ тѣхъ предубѣжденій, которыхъ держатся всѣ западные писатели, какъ галликанцы, такъ и ультрамонтаны, чтобы этимъ оправдать свою систему, касающуюся папской власти.

Такимъ образомъ несправедливыя преслѣдованія моихъ враговъ способствовали къ приобрѣтенію мной новыхъ познаній и привели меня къ истинному православію.

Не слѣдуетъ думать, что запрещеніе Конгрегаціи Индекса имѣло настолько силы, что изолировало меня въ римской церкви. Исключая нѣсколькихъ указанныхъ мной епископовъ и нѣсколькихъ журналистовъ, во главѣ которыхъ блистала Дюлакъ, бѣдный малый, не разу не рѣшившійся начать со мной научныхъ преній, масса епископовъ и священниковъ сожалѣли о тѣхъ дѣйствіяхъ противъ моей книги, которыя были вызваны партией ультрамонтановъ.

Такъ какъ осужденіе Конгрегаціей Индекса было великимъ событіемъ въ моей жизни то я, представивъ уже критику моего сочиненія, считаю нужнымъ представить также и полученные мною похвалы.

Какъ только опредѣленія незаконнаго Ла-Ропельскаго собора были напечатаны, я въ свою очередь напечаталъ дополненіе (*Supplément*) къ этому собору. Въ немъ я легко обнаружилъ, что меня осудили не выслушавъ меня, и что члены собора должны были дать мнѣ удовлетвореніе за оскорбленіе. Я зналъ очень хорошо, что никогда не достигну этого. Я окончилъ мое *дополненіе* слѣдующими замѣчаніями:

«Я кончаю, выражая сожалѣніе о томъ, что въ средѣ Церкви нашлись люди настолько слѣпые, что думали угодить Богу тѣмъ, что вызвали запрещеніе труда, который былъ предпринятъ для славы и пользы Церкви; мнѣ жаль ихъ, потому что они постоянно считали нужнымъ выискивать средства для того, чтобы вредить мнѣ. Я прощаю имъ и при этомъ заявляю, что ни тайные рапорты, ни злонамѣренныя обвиненія, ни преслѣдованія никогда не выведутъ меня изъ моего спокойствія и не заставятъ отречься отъ защиты *истины*.

«Изъ моей переписки съ его высокопреосвященствомъ, кардиналомъ архіепископомъ Бордосскимъ, можно было видѣть, что я послалъ въ Римъ 8-й и 9-й томы *Исторіи французской церкви*, что я обѣщалъ послать туда же и слѣдующіе томы, что я представилъ на разсмотрѣніе Конгрегаціи Индекса мое сочиненіе и я готовъ былъ исправить все то, что они найдутъ неправильнымъ.

«Когда 10-й томъ моего сочиненія былъ напечатанъ, то я отправилъ его къ его высокопреосвященству нунцію съ просьбой передать его въ Конгрегацію Индекса.

«Когда я послалъ въ Римъ 8-й и 9-й томы, то присоединилъ къ нимъ почтительныя письма и записку, въ которой выражалъ свое желаніе сдѣлать измѣненія въ тѣхъ мѣстахъ моей книги, которыя мнѣ будутъ указаны, какъ могущія возбудить прѣреканія съ моими противниками.

«Я не получилъ отвѣта ни на письма, ни на записку, и, безъ предварительнаго увѣдомленія, мои 8-й, 9-й и 10-й томы были запрещены Конгрегаціей Индекса.

«Вотъ какимъ образомъ поступилъ Римъ со священникомъ и его сочиненіемъ, и въ то же самое время выказалъ полнѣйшее снисхожденіе къ члену университета, г. Булье (Bouillet), автору историческаго и географическаго словаря. Г. Булье, книга котораго была запрещена, добился отъ Конгрегаціи Индекса сообщенія неудовольствій на нее, а затѣмъ и отмѣны самаго запрещенія, и въ настоящее время сочиненіе его издано съ римскимъ одобреніемъ.

«Пусть теперь сдѣлаютъ сравненіе замѣчаній полученныхъ этимъ Словаремъ отъ журнала *Univers* и тѣхъ, которыя были сдѣланы «Исторіи французской церкви», докладчикомъ Ла-Рошельскаго собора и убѣдятся, что словарь Булье былъ болѣе достоинъ порицанія, нежели мой трудъ.

Я вовсе не считаю дурнымъ то, что Римъ хорошо отнесся къ Булье и его словарю; но я спрашиваю, почему онъ не такъ относится къ священнику, какъ къ свѣтскому; почему онъ снисходителенъ къ историческому и географическому словарю, весьма достойному порицанія съ точки зрѣнія журнала *Univers*, и такъ строгъ къ сочиненію духовному, въ которомъ

даже страстные противники могли только найти нѣкоторыя мѣста, которыя они должны были перетолковать самымъ недобросовѣстнымъ образомъ, для того чтобы можно было осудить ихъ?

Когда я въ первый разъ обратился въ Конгрегацію Индекса, то мнѣ сказали, что эта конгрегація никогда не сообщаетъ своихъ неудовольствій авторамъ сочиненій. Между тѣмъ онѣ были сообщены Булье. Итакъ, Конгрегація нашла возможнымъ измѣнить свои обычаи въ пользу свѣтскаго лица, а священника, смиренно представившаго ей свое сочиненіе для разсмотрѣнія, она даже не удостоиваетъ отвѣтомъ!

«Подобное поведеніе освобождаетъ меня отъ данныхъ мной обѣщаній, и вслѣдствіе того, что въ Римѣ такъ поступили со мной, я и рѣшилъ, что 11 и 12 томы моего сочиненія будутъ получены Римомъ отъ кого-нибудь другого, но не отъ меня».

Развѣ кто-нибудь изъ людей серьезныхъ можетъ упрекнуть меня за такое рѣшеніе?

Читатель увидить далѣе; что всѣ серьезные люди были на моей сторонѣ, а противниками моими были только нѣкоторые фанатики ультрамонтаны.

К.

(Продолженіе будетъ).

Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

Въ 1848 году, ровно чрезъ 10 лѣтъ послѣ начала возобновленія сгорѣвшаго Зимняго Дворца въ Петербургѣ, совершено и въ 1849 году ко дню Пасхи закончено было обновленіе царскихъ палатъ и дворцовыхъ церквей и въ Московскомъ Кремлѣ. 2 мая 1848 года Филаретъ совершалъ освященіе одной изъ этихъ церквей, именно св. Іоанна Предтечи и говорилъ, по освященіи, слово, глубоко входящее въ археологію христіанскихъ храмовъ вообще и кремлевскихъ Московскихъ въ особенности, при чемъ обращаетъ вниманіе на то, что храмъ св. Іоанна Предтечи, построенный великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ, не сохранился въ такой цѣлости послѣ нашествія французовъ въ 1812 году, какъ другіе кремлевскіе храмы, и говоритъ: «будемъ утѣшены и благодарны Благочестивѣйшему Государю Императору, который изъ разсѣдающихся камней выноситъ древнюю святыню храма, и сохраняетъ въ другомъ вмѣстилищѣ; тогда какъ здѣшній Царскій домъ Его уже преизобилуетъ храмами, болѣе или менѣе древними, пріавшими отъ Него или обновленіе, или совсѣмъ новое, по долгомъ запустѣніи, существованіе, что произошло именно съ храмомъ святаго Лазаря»; а въ за-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1890 г., № 8.

ключеніе слова дѣлаетъ наставленіе слушателямъ о томъ, чтобы «прилѣпляться любовію и благоговѣніемъ не просто къ вещественной древности храмовъ, но паче къ духовной въ нихъ благодати и святынѣ» и т. д. ¹⁾ И такъ какъ около того же времени, кромѣ прибавленій въ юномъ поколѣніи августѣйшаго семейства государя наследника, совершилось еще новое радостное событіе въ царской семьѣ—бракосочетаніе великаго князя Константина Николаевича съ великою княгинею Александрою Іосифовною, дочерію герцога Іосифа Саксенъ-Альтенбургскаго (бракосочетаніе было 30 августа 1848 года): то, въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, святитель Московскій, встрѣчая государя императора въ Успенскомъ соборѣ 27 марта 1849 года, говорилъ ему въ своей привѣтственной рѣчи между прочимъ слѣдующее: «Твой родъ цвѣтеть, и прививаетъ къ себѣ новыя цвѣтуція отрасли»; и за тѣмъ: «изъ праха древности Ты воскресилъ здѣсь Твой Царскій чертогъ, въ величїи, достойномъ Твоего царства, и великому дню воскресенія, Царю дней, предоставляешь освятить Твой праздникъ обновленія.—При предстательствѣ святыхъ, къ которымъ во храмъ семъ приводитъ Тебя благочестіе, молимъ Бога, да пребудетъ Его благословеніе надъ Домомъ Твоимъ, да пребываетъ всегда съ Тобою державно благочестіе, и Твоимъ благочестіемъ и самодержавіемъ всегда крѣпка и счастлива Твоя Россія» ²⁾. Въ самый день Пасхи ³⁾ совершенно было съ подобающею торжественностію, въ присутствіи Императорской фамиліи освященіе дворца ⁴⁾. Мы помнимъ также рѣчь Филарета въ высочайшемъ присутствіи, сказанную 9 апрѣля того же 1849 года при молебномъ пѣніи въ Георгіевской залѣ этого Императорскаго Кремлевскаго дворца. Кромѣ приведенныхъ изъ нея въ свое время и по иному случаю словъ, мы теперь должны обратить вниманіе на самое начало рѣчи: «Призывая теперь предстательство святаго Георгія, и

¹⁾ Соч. Ф. IV, 549. 550. Срав. *Моск. Вѣдом.* 1848 г. № 56.

²⁾ Соч. Ф. V, 11.

³⁾ Пасха въ 1849 г. была 3 апрѣля.

⁴⁾ См. описаніе торжества освященія въ *Моск. Вѣдом.* 1849 № 42.

вознося моленія къ Господу силъ, такъ начинается ее святитель-витія, мы исполняемъ благочестивую мысль Благочестивѣйшаго Самодержца нашего. Какая это мысль? Это вѣтъ многообъемлющей мысли, по которой державная рука создала, и въ самый сей часъ еще зиждетъ свои чертоги. Подобно людямъ обыкновеннымъ, и цари созидаютъ себѣ дома, чтобы имѣть жилище покойное, пріятное, соотвѣтственное сану и потребностямъ жизни общественной. Но сего не довольно было для нашего Царя. Любя жить не отдѣльною личною, но единою общею съ своимъ народомъ и царствомъ жизнью, Онъ благоволилъ, чтобы Его домъ былъ царскій и царственный, чтобы въ немъ ознаменовались и царь и царство, чтобы это была скрижаль, или каменная книга, въ которой можно читать и величіе настоящаго, и чтимую память прошедшаго, и назиданіе для будущаго ¹⁾. За этими общими соображеніями и слѣдуетъ раскрытіе значенія въ частности чертога Георгія Побѣдоносца, которое мы приводили раньше. Но какъ въ жизни человѣческой вообще, такъ въ частности и въ жизни Августѣйшаго семейства не могло обойтись безъ смѣны радостей печалами, часть которыхъ мы видѣли уже и раньше. Особенно же прискорбна была государю императору рановременная кончина его любимаго брата, и дѣятельнаго споспѣшника, великаго князя Михаила Павловича, скончавшагося въ томъ же 1849 году, въ Варшавѣ (28 августа ²⁾). Мы не забыли, конечно, нѣсколькихъ теплыхъ словъ одной изъ проповѣдей Филарета, въ память почившаго великаго князя, сказанныхъ въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній, подлежавшихъ общему завѣдыванію покойнаго. Но вскорѣ радость снова озарила царскую семью и смѣнила собою печаль. 2 ян-

¹⁾ Соч. Ф. V, 12. Описаніе дворца (и доселѣ красующагося въ Московскомъ Кремлѣ) съ объясненіемъ значенія каждой изъ залъ его и другихъ подробностей можно читать въ *Москов. Вѣд.* 1849 г. №№ 41, 44, 46 и 47. Строитель его архитекторъ К. А. Тонъ (№ 41).

²⁾ Исполненный глубокаго соболюзнованія Высочайшій манифестъ о семъ можно читать въ *Моск. Вѣдом.* 1849 г. № 107. 8 сентября того же года Филаретъ совершилъ соборне, въ присутствіи свѣтскихъ властей, въ Чудовѣ монастырѣ, первую панихиду по усопшемъ. См. тамъ же, № 108.

варя 1850 г. у наслѣдника престола цесаревича Александра Николаевича родился четвертый сынъ, великій князь Алексій Александровичъ. И радость о умноженіи числа сыновъ наслѣдника до числа сыновъ его Августѣйшаго родителя, государя императора, и самое имя высоконоворожденнаго, вызывавшее собою рядъ дорогихъ для царелюбивой души святителя Московскаго воспоминаній, побудили послѣдняго сказать по этому радостному случаю краткую бесѣду въ Чудовѣ монастырѣ 7-го января того же года. Вотъ важнѣйшія, касающіяся событія, мѣста этой замѣчательной въ своемъ родѣ бесѣды. Указавъ въ самомъ началѣ ея знаменіе благословенія Божія на человѣкъ въ благочадіи послѣдняго, съ ветхозавѣтной точки зрѣнія, выраженной въ словахъ Псалмопѣвца: *сынове твои, яко новосажденія масличная окрестъ трапезы твоя* и т. д. (Псал. 127, 4. 5), святитель-витія продолжаетъ: «видѣли мы, Россіяне, какъ *окрестъ трапезы* Царя нашего являлись умножаясь отъ дней до дней *сынове, яко новосажденія масличная*, и возрастали до того, чтобы приносить вождельный плодъ Царскому Семейству и Отечеству. Теперь видимъ, какъ и *окрестъ трапезы* первороднаго Сына Царева возникаютъ одинъ по другому *сынове*, и уже достигли того числа, какое окружаетъ трапезу державнаго Родителя Его¹⁾. Радостно видѣть благочадіе державнаго рода, какъ плодъ цвѣтущей природы: но еще радостнѣе вразумиться, что это есть благословеніе, сходящее свыше, *яко роса Аермонская, сходящая на горы Сионскія* (Псал. 132, 3). Благословеніе Царю и Его Наслѣднику есть благословеніе и Царству. Предметъ нынѣшняго торжества ознаменованъ особенными чертами, пріятно и назидательно вразумляющими. Вамъ извѣстно, что Государь Наслѣдникъ Всероссійскаго Престола родился въ семь древлепрестольномъ градѣ, подъ сѣнію молитвъ и благословенія святи-

¹⁾ Разумѣются, конечно, съ одной стороны: самъ наслѣдникъ цесаревичъ, Александръ Николаевичъ и Августѣйшіе братья его, великіе князья: Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, а съ другой—Августѣйшіе дѣти наслѣдника, великіе князья: Николай Александровичъ, скончавшійся въ 1865 г., Александръ Александровичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ и наконецъ великіе Князья Владимиръ и Алексій Александровичи.

теля Алексія, ядѣсь въ храмѣ сего святителя пріялъ святое крещеніе; и по крещеніи, положень былъ въ раку почивающаго святителя, мажъ бы на руки ему, мажъ бы въ объятія его. Нужно ли въяснять мысли и чувство, заключенныя въ сему знаменательномъ дѣйствию? Памятованіе о семъ въ ра-
 Благочестивѣйшихъ Родителей передала върѣ Благовѣрнаго Сына, между тѣмъ какъ въремя въ Немъ оправдало въру-
 лившихъ къ святому; То же чувство сообщилось и Его Благо-
 вѣрной Супругѣ. Въ дни прошедшей вѣвы, которые они про-
 вели подъ обнію святителя Алексія⁽¹⁾; и въ которые не одно-
 кратно пришекали къ святымъ мощамъ его, видно, благодать
 его, съ ихъ върою, особеннымъ образомъ встрѣтилась въ ихъ
 сердцахъ и вошь онѣ; къ богатей радости, встрѣчаются въ от-
 крытомъ сообщеніи. Новое благоденствіе свѣдѣніемъ имъ въ
 благополучномъ рожденіи. Была и въ то же время ихъ въра-
 и благодарности имъ святителю Алексію, и надежда на его мо-
 литвенную силу въ томъ, что, какъ знаменіе и залогъ благо-
 словенія его, они взяли его имя для своего Высоковорожден-
 наго. И далѣе дѣлаетъ поученіе о знаменіи нареченія имени
 дѣтямъ въ христианской Церкви, а въ заключеніе безѣды при-
 глашаетъ къ молитвѣ о Высоковорожденномъ, его Августѣй-
 шихъ родителей и о всели царствующемъ Демѣ⁽²⁾.
 Чрезъ годъ послѣ того сама Августѣйшая родительница сего Высо-
 коворожденнаго (государыня) цесаревна великая княгиня
 Марія Александровна, съ двумя царскими синоньными своими
 великими князьями Николаемъ Александровичемъ и князь Бла-
 гополучно царствующимъ Государемъ Александромъ (Алексан-
 дровичемъ)⁽³⁾, изволила подѣлать Монашу (и) Сергію Мавру.
 Въ сей подлѣней Филаретъ встрѣдилъ Ея Высочество 2 сеп-
 тября слѣдующею рѣчью: Ваше Императорское Высочество
 посѣщаете нынѣ обитель, уже Вамъ не незнакомую. Посему

⁽¹⁾ Разумѣется пребываніе Августѣйшей фамиліи въ Москвѣ въ 1849 году по случаю возобновленія Кремлевскихъ царскихъ палатъ и церкви.

⁽²⁾ Соч. Фил., У, 59—62.

⁽³⁾ Въ Бозѣ почившему цесаревичу великому князю Николаю Александровичу въ то время было 8 лѣтъ отъ роду, а нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Александру Александровичу всего лишь 6 лѣтъ съ половиною.

особенно разумѣемъ, что не отечественная достопамятность ея призываетъ Ваше вниманіе (впрочемъ, достойная вниманія), но преимущественно духъ благодати, вселившійся здѣсь съ избраннымъ подвижникомъ вѣры привлекаетъ Ваше сердце. Внимая слову Христову: *оставите отцы приходите ко Мнѣ*, и юныхъ Чадъ Вашихъ поспѣшаете приближать ко храму и святынь его. Вѣруемъ, что Онъ благословляетъ Васъ и Ихъ, при предстательствѣ Угодника своего, Который пять уже вѣковъ дѣйственно призываетъ благословеніе Господне на державный въ Россіи Родъ и на Россію» ¹⁾. Между тѣмъ Августѣйшій супругъ высокой посѣтительницы наслѣдникъ цесаревичъ и младшіе братья его великіе князья Николай и Михайль Николаевичи, по царственнымъ соображеніямъ Августѣйшаго родителя своего Государя Императора, еще въ 1850 г. лѣтомъ совершили продолжительное путешествіе по Россіи съ тѣми же цѣлями, съ какими совершалъ такое путешествіе государь наслѣдникъ въ 1837 г. Поэтому, и когда великіе князья 17 августа посѣтили Сергіеву Лавру: то ихъ святитель Московскій встрѣтилъ тамъ рѣчью, въ которой говорилъ имъ между прочимъ: «о томъ, что «мудрость» ихъ Августѣйшаго родителя «руководитъ» ихъ «теперь къ ближайшему ознакомленію съ Россією, дабы тѣмъ болѣе для нея была благотворна жизнь ихъ» ²⁾, и когда государь наслѣдникъ 10 ноября того же г., прибывъ въ Москву, вступалъ въ Успенскій соборъ, то Филаретъ встрѣтилъ его такую замѣчательною рѣчью: «Благовѣрный Государь! Изъ устъ Царя Пророка слышимъ молитву: *Боже, судъ Твой Царевнѣ даждь и правду Твою Сыну Цареву: да воспріимутъ горы миръ людямъ и холми правду* (Псал. 71, 1, 3). И намъ кажется, что это молитва о Царѣ Русскомъ и о Его Первенцѣ и что исполненіе сей молитвы—предъ нами. Твой Августѣйшій Родитель употребилъ Твое око, чтобы Царскими взорами объять отдаленные предѣлы необъятнаго царства: и Ты прошелъ край Кавказскій, и достигъ Арарата,— *да воспріимутъ горы миръ людямъ; и холми правду*, — чтобы Твое обозрѣніе

¹⁾ Стр. 524.

²⁾ Соч. Фил., V, 527.

принесло областямъ радость, и споспѣшествовало ихъ благу. Привѣтствуемъ Тебя съ совершеніемъ сего подвига и молимъ Бога, да будутъ какъ сей, такъ и всѣ Твои подвиги благоудны Царю-Отцу, благотворны странамъ и людямъ царства»¹⁾. Въ томъ же смыслѣ и когда въ слѣдующемъ 1851 году государыня императрица Александра Θεодоровна благоволила посѣтить Сергіеву Лавру, владыка Филаретъ 4 сентября встрѣтилъ ее тамъ слѣдующею рѣчью: «Благочестивѣйшая Государыня! Россія, видя въ сіе время Царя своего и Наслѣдника Его, путешествующихъ для исполненія Царственныхъ обязанностей; видитъ въ то же время Царицу свою, путешествующую, по влеченію сердца, къ Богу и святынь Его. И то и другое радостно и спасительно для Россіи. Царскими подвигами живетъ и возвышается царство. Царская усердная молитва привлекаетъ благодать Царя царствующихъ не только Царскому Дому; но и царству: Преподобный отецъ нашъ Сергій, толико кратъ благоприятно соединявшій молитву Свою съ молитвою державныхъ, будетъ предстательствовать и нынѣ, да дастъ Ти Господь по сердцу Твоему и весь советъ Твой исполнитъ»²⁾. Посѣщенія высочайшими особами Лавры Преподобнаго Сергія и Московскій святыни не прекращались и въ послѣдніе годы царствованія императора Николая Павловича; вызываемыя то различными политическими событіями, какова наиримѣръ была крымская война; а то просто благочестивымъ ихъ усердіемъ къ святынь. Такъ, въ маѣ 1852 года посѣщала Лавру великая княгиня Марія Николаевна; въ іюлѣ 1853 года государь наслѣдникъ цесаревичъ съ Августѣйшею супругою своею, при чемъ они принесли въ даръ Преподобному Сергію Евангеліе и Животворящій Крестъ; въ томъ же году посѣтила Лавру и Московскія святыя мѣста королева Нидерландская Анна Павловна, и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ святитель Филаретъ благословлялъ ихъ благочестивое усердіе и привѣтствовалъ его рѣчами, въ которыхъ, по свойственной

1) Стр 525—526. (О путешествіи наслѣдника цесаревича въ Закавказскій край въ октябрѣ 1850 г. см. *Моск. Вѣдом.* 1850 г. № 131).

2) *Соч. Фил.* V, 527—528.

ему находчивости, всегда открывалъ возможность сказать что-либо новое, особенно поучительное и мѣтко-характеристичное¹⁾. Если въ 1835 году, когда истекло первое десятилѣтїе царствованія Николая, Филаретъ находилъ достойнымъ и нужнымъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ съ церковной кафедры, то тѣмъ болѣе достойнымъ и нужнымъ считалъ онъ почти таковымъ словомъ исполнившееся въ 1850 году 25-лѣтїе этого славнаго царствованія. Но съ другой стороны, если въ 1835 году Филаретъ, въ отбытіемъ своимъ изъ Москвы и въ зиму 1835—1836 года изъ Москвы въ Петербургъ, могъ исполнить этотъ священный долгъ свой не въ день восшествія государя на престолъ 1835 года, какъ бы слѣдовало, но лишь по возвращеніи своемъ изъ Петербурга въ 1836 году, то, теперь, т. е. въ 1850 году, поелику святитель съ 1842 года безвыѣдно пребывалъ въ Москвѣ, уже ничто не мѣшало ему своевременно исполнить сей долгъ. И онъ исполнилъ его заблаговременно, приготовивъ и въ день восшествія на престолъ государя императора 22 ноября сказать въ Чудовѣ монастырѣ слово, въ которомъ орлинымъ, такъ сказать, въоромъ осматриваетъ все протекающее 25-лѣтїе царствованія императора, останавливаясь съ особеннымъ вниманіемъ на важнѣйшихъ моментахъ и событіяхъ этого царствованія. «Нынѣшній день, — такъ начинаетъ свое слово святитель проповѣдникъ, прежде проповѣдующаго, самъ говоритъ слово, которое отдается глубоко въ сердца Русскомъ, и возбуждаетъ думы: двадцать пять лѣтъ совершилось, какъ царствуетъ надъ нами Благочестивѣйшій Государь Императоръ Николай Павловичъ». И въ тѣмъ, прежде нежели приступить къ самому обзорѣню 25-лѣтія его царствованія, проповѣдникъ раскрываетъ смыслъ и значеніе самого 25-лѣтняго юбилейнаго торжества: «Времена, — говоритъ онъ, — нельзя было бы и считать, если бы ихъ не раздѣляли на круги, ограниченные извѣстными предѣлами. Посему Богъ, создалъ свѣтила, съ тою между прочимъ дѣлю, да будутъ въ знаменія, и во времена, и во дни, и во лѣта (Быт. 1, 14). Не довольствуясь естественнымъ раздѣленіемъ времени, Онъ далъ имъ

¹⁾ См. стр. 528—531 и дал.

разныя сочетанія, приспособленныя къ высшимъ, преимущественно нравственнымъ и духовнымъ цѣлямъ. Такъ образовалъ Онъ седмицу дней, а въ законѣ Моисеевомъ и седмицу лѣтъ, и седмицу семилѣтій; и поставилъ въ особенное вниманіе седмый день, седмый годъ и, по семи семилѣтіяхъ, пятидесятый годъ: дабы человекъ, прошедъ определенное поприще времени, особенно не краткое, остановился какъ бы на рубежѣ, осмотрѣлся, разсмотрѣлъ надъ своими путями пути Провидѣнія, воздалъ славу Небесному Водителю и Охранителю, изъ опытовъ прошедшаго извлекъ для себя наставленіе въ отношеніи къ будущему. Пятидесятилѣтній кругъ времени, который у евреевъ былъ законнымъ, церковнымъ и государственнымъ, у христіанъ вмѣстѣ съ прочими ветхозавѣтными обрядовыми учрежденіями, потерялъ силу закона: однако не совсѣмъ уничтожился, а перешелъ въ область обычаевъ; и когда, бывъ приспособленъ къ человеку ивнѣ, представился слишкомъ долгимъ для недолгой по естеству человеческой жизни, тогда понадобилось раздѣлить пятидесятилѣтній кругъ на два, и образовать двадцатипятилѣтній кругъ. Ибо и двадцатипятилѣтіе пребыванія, дѣятельности, подвиговъ, въ извѣстномъ состояніи жизни представляетъ такое поприще, которое пройти значитъ одержать не малую побѣду надъ всеизмѣняющею силою времени. Что же скажемъ, обращая теперь къ ближайшему торжеству 25-тилѣтія вѣтія:—о благополучномъ совершеніи двадцатипятилѣтія поприща: столь высокой дѣятельности; столь многотрудныхъ подвиговъ, какъ царствованіе надъ обширнымъ царствомъ, во времена особенно трудныя для царей и царствъ?—Не по примѣненію къ обычаю только, но по размысленію о истинномъ основаніи для обычая, говоримъ, что день, запечатлѣвающій двадцатипятилѣтіе благополучно продолжаемаго Царствованія, — день нынѣшній, есть особенно достойный благоговѣйнаго вниманія, достопамятный, благознаменательный». И далѣе дѣлаетъ общую характеристику 25-лѣтія царствованія Николая: «При разсмотрѣніи ознаменовавшихъ сіе двадцатипятилѣтіе Царскихъ дѣяній, можно близкими опытами повѣрять то, что древняя мудрость и Царская опытность внушили Царю-мудрецу написать: *егда Царь праведенъ на престолъ сядетъ, не противится*

предъ очима его ничтоже лукаво (Притч. 20, 8). Примѣтите, что есть *лукавое* въ царствѣ и праведнаго царя; потому что въ небесномъ только царствіи нѣтъ зла, ни порока, ни бѣды: но *лукавое* не имѣетъ силы *противиться* царю праведному». А послѣ того и представляетъ частную характеристику случаевъ и событій изъ 25-лѣтняго періода царствованія Николая, въ доказательство того, что *лукавое* не имѣло силы *противиться* царю Русскому. Именно, на первомъ мѣстѣ ставитъ онъ декабрьскую смуту 1825 года. Затѣмъ ссылается на войны Персидскую и Турецкую 1826—1830 г. Потомъ—на Польскій мятежъ 1830 г.; на законодательную дѣятельность, преодолевшую вѣковыя препятствія къ установленію законовъ правды и т. д. Окончивъ частную характеристику указанныхъ случаевъ, вѣтъ снова обращается къ общей характеристикѣ царствованія¹⁾. Слѣдя не только за русскими, но и за иностранными газетными сообщеніями своего времени, онъ еще отъ 1 ноября 1850 г. писалъ къ намѣстнику Лавры Антонію: «пріятно было прочесть, что англичане отдають справедливость политикѣ нашего Государя, прямодушной и умѣренной, и признають, что она даетъ Ему болѣе вѣса въ Европѣ, нежели какому другому правительству политика того или другого правительства»²⁾. И въ виду этого въ словѣ своемъ на 22 ноября означенную общую характеристику начинаетъ послѣ частной такъ: «Пріятно для вѣрныхъ сыновъ Россіи слышать, что и въ царствахъ, въ которыхъ на Россію привыкли смотрѣть только со страхомъ ея силы, и съ опасеніемъ ея усиленія, и сквозь туманъ собственныхъ мечтаній не могли ясно видѣть истинно высокаго духа Самодержца ея, наконецъ въ настоящее время раздаются громкія признанія правоты, твердости, умѣренности правилъ Самодержца Всероссійскаго въ отношеніи къ другимъ державамъ, и благотворной силы слова Его къ прекращенію опасныхъ несогласій между вѣкоторыми изъ нихъ³⁾. Прославимъ, Россіяне. Господа, *вс руитъ* Кото-

1) Соч. Фил. V, 105—108.

2) Письма Фил. къ Антонію III, 55—56. Здѣсь же на стр. 55 можно читать и сообщеніе самого Филарета о чтеніи имъ иностранныхъ вѣдомостей.

3) См. случай тамъ же, стр. 55.

раго власть земли, и Который *потребнаго воздвигаетъ во время на ней* (Сир. 10, 4). Воистину, благопотребнаго воздвигнулъ Онъ Благочестивѣйшаго Самодержца нашего Николая Павловича, — благопотребнаго для Россіи, чтобы твердою рукою держать бразды правленія обширнѣйшаго царства, чтобы любовью ко всему отечественному охранять чистоту Русскаго духа отъ чуждыхъ вліяній, — благопотребнаго для Православной Церкви, чтобы ревностію къ Православію споспѣшествовать распространенію предѣловъ ея, чтобы неослабною попечительностію возвышать благоустройство въ чинѣ служащихъ Церкви, чтобы благочестіемъ сообщать жизненную силу умственному и нравственному образованію народа, — благопотребнаго для многихъ царствъ и народовъ, чтобы силою правды и правдою силы и за предѣлами своей державы поддерживать законную власть, порядокъ, взаимную правду и миръ между царствами и народами, тогда какъ *родъ строптивъ и преогорчевая, родъ, иже не исправилъ сердца своего, и не увери съ Богомъ духа своего* (Псал. 77, 8) волнуется народы, когда *царства, раздѣльшіяся на ся*, колеблются, когда неправда домогается восхитить силу, а сила не довольно чтитъ правду, когда мечтаютъ на маетѣ основать законность, во всенародныхъ распряхъ найти источникъ общественнаго согласія, *имѣть свободное управленіе посредствомъ порабощеннаго правительства, когда безначаліе хочетъ быть началомъ, очевидно не еозидательнымъ, а разрушительнымъ*. Но по обзорѣніи 25-лѣтія царствованія Николая, общемъ и частномъ, святитель-проповѣдникъ не оставилъ слушателей и безъ необходимаго въ словѣ проповѣди наставленія. Соотвѣтственно случаю, подавшему поводъ къ проповѣди, и на основаніи главнаго текста ея (Притч. 20, 8), онъ дѣлаетъ наставленіе именно о необходимости для всѣхъ правды, и тѣмъ заканчиваетъ свою эту замѣчательную и богатую содержаніемъ проповѣдь ¹⁾. И такую проповѣдь святитель-вигія, какъ онъ самъ о себѣ скромно пишетъ, «не думалъ печатать»: но въ виду высокихъ достоинствъ ея—и внутреннихъ и внѣшнихъ,—его, по его же словамъ, «вынудили отдать ее»

¹⁾ Соч. Фил. V, 103—110.

для напечатанія сперва въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, а потомъ и въ *Твореніяхъ св. Отцевъ*, издаваемыхъ при Московской духовной академіи ¹⁾. Между тѣмъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно думать, что она обратила на себя благосклонное вниманіе и самого Августѣйшаго юбиляра. По крайней мѣрѣ вотъ что случилось далѣе. Торжественное празднованіе царскаго юбилея въ Москвѣ рѣшено было совершить въ слѣдующемъ 1851 году въ день коронаціи 22 августа. Въ этому времени должна была быть окончена постройкою Николаевская желѣзная дорога, соединяющая Петербургъ съ Москвою, дабы царская фамилія первая прибыла оттуда сюда по желѣзной дорогѣ (для публики послѣдняя открыта была лишь съ 1 ноября 1851 г.). Дѣло было и для Россіи вообще новое (до того времени открыта была лишь Царскосельская желѣзная дорога), а для москвичей и подавно. Понятно, по этому, съ какимъ заботливымъ чувствомъ царелюбивая душа святителя Московскаго, особенно туго относившагося ко всякаго рода нововведеніямъ, ожидала прибытія въ Москву императорскаго поѣзда въ августѣ 1851 года. Это заботливое ожиданіе разрѣшилось лишь около полуночи 19 августа, когда поѣздъ съ императорскою фамиліею благополучно прибылъ въ Москву, послѣ нѣкоторой задержки на пути ²⁾. «Не могу не сказать вамъ, — писалъ святитель Московскій намѣстнику Лавры Антонію отъ 23 августа, — что послѣ того, какъ 19 дня, по нездоровью, отказался я отъ праздника въ Донскомъ, и только у себя совершилъ священнослуженіе, думая о путешествующихъ; и послѣ того, какъ въ слѣдующую ночь провелъ нѣсколько тяжкихъ часовъ, долго послѣ предсказаннаго срока не слыша съ желѣзной дороги звука, возвѣщающаго прибытіе, — наконецъ получилъ извѣщеніе, что Государь Императоръ и Его Семейство прибыли благополучно, предъ полуночью, и прямо съ пути притекли на поклоненіе къ Божіей Матери въ Иверской часовнѣ, а потомъ къ святителю Алексію

¹⁾ Письма Ф. къ Алексію, стр. 76—77.

²⁾ Задержка имѣла причину своею то, что въ одномъ мѣстѣ на пути слѣдованія императорскаго поѣзда рабочіе простерли свое усердіе до того, что выкрасили масляною краскою не только перила моста, но и рельсы, отчего вагоны остановились при тихомъ движеніи поѣзда и долго не могли слѣдовать далѣе.

въ Чудовѣ. Съ тѣхъ поръ до нынѣ время милостию Божіею благословенное¹⁾. 20 августа Государь Императоръ, по обычаю, посѣтилъ и Успенскій соборъ, при чемъ встрѣченъ былъ отъ Филарета слѣдующею краткою рѣчью или «краткимъ привѣтствіемъ»: «Блапочестивѣйшій Государь! Срътая Тебя, притекающаго къ святынь сего храма, нынѣ особенно, проникнутыя мыслию, что въ немъ пріялы; Ты царскій прародительскій вѣнецъ и священное помазаніе, нами можемъ только благодарить, а не изъяснять воспоминанія и чувствованія, которыми теперь воспламеняются вѣрныя Тебѣ сердца. — Вѣруемъ, что немощь нашу, восполняютъ сильные Божемъ, древніе священныя начальники сего храма: Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ и слышимо Твоему духу духовно привѣтствуютъ Тебя словомъ благодати: *благословенъ родъ съ во имя Господне*»²⁾. Краткость рѣчи, объясняется предварительнымъ о томъ изъясненіи высочайшей воли, какъ о томъ пишетъ Филаретъ оберъ-прокурору графу Протасову отъ 23 августа того же 1851 года: «забылъ было сказать, что высочайшая воля относительно *краткого привѣтствія* исполнена была мною, какъ только могъ я уразумѣть оную, и могу думать, что Государь нашелъ оную исполненною. Потому въ донесеніи, которое изъ (даровыхъ) служащихъ подаютъ въ Синодальную канцлерію, я велелъ имъ (я *уничтожилъ* слово: *рѣчь*); и когда (поцѣлитель) университета (просилъ) просидѣть у меня (моей) рѣчи, я отвѣчала, что не говоришь рѣчи, а краткое привѣтствіе, которое не расцолпаюсь отдать для напечатанія; и именно просилъ не говорить въ вѣдомостяхъ, что я говорилъ рѣчь. Не знаю, почему на другой день (словот *рѣчь* въ вѣдомостяхъ явилось»³⁾. По произнесеніи Филаретомъ этого привѣтствія въ Успенскомъ соборѣ, при отбѣгѣ изъ послѣдняго государь императоръ милостиво объявилъ святителю, что 22 августа «будетъ слушать молебное пѣніе» въ семь же соборѣ. Между тѣмъ Филаретъ ко дню торжественнаго празд-

1) Письма Ф. къ Ант. III, 101; срав. письмо Филарета къ графу Протасову въ Русск. Архивъ 1876, III, 175 и въ Русск. Старинъ 1886, LI, 297.

2) Соч. Ф. V, 526.

3) Русск. Арх. 1876, III, 175—176; см. Русск. Стар. 1886, LI, 297—298.

нованія 25-лѣтія царствованія Николая Павловича приготовилъ Государю что называется сюрпризъ: золотую дарохрани- тельницу въ видѣ голубя (символъ Св. Духа) съ император- скою поверхъ его короною и скипетромъ, а внизу съ хартією, съ вырѣзанными на ней молитвенными словами, и рѣшилъ под- нести ее государю отъ лица Московскаго духовенства въ Успен- скомъ соборѣ: «Мысль о дарохрани- тельницѣ, — писалъ Фила- ретъ къ тому же графу Протасову, — пришла мнѣ. Я сообщилъ ее старшему духовенству и благочиннымъ и спросилъ, жела- ютъ ли, чтобы она исполнена была отъ общаго нашего име- ни, отъ имени Московскаго духовенства. Они обрадовались и изъявили жаркое желаніе. Я отвѣчалъ, что сего для меня до- вольно: мнѣ только и нужно было узнать общее желаніе; о средствахъ исполнить оное, моя забота; пусть узнаютъ о семъ прочіе и присоединятся къ сему желанію, въ чемъ и не сом- нѣваюсь. Такъ поступилъ я, и не открылъ подписки для при- ношеній и не принялъ никакихъ приношеній (хотя совершен- но увѣренъ былъ въ готовности на сіе духовенства мнѣ вѣр- ннаго) по той причинѣ, что сомнѣвался, имѣю ли право открыть подписку и принять приношенія безъ вышеописаннаго разрѣшенія, а разрѣшенія испрашивать не было уже времени. Мысль мнѣ пришла не рано, и едва оставалось довольно вре- мени для работы, и я получилъ дарохрани- тельницу отъ ма- стера ¹⁾ уже 20-го дня, почему ранѣе 21-го и всеподданнѣй- шаго письма не могъ представить» ²⁾ Вотъ содержаніе этого письма: «Благочестивѣйшій Государь! Вѣрноподданное духо- венство Московской церкви, признавая со всѣми вѣрнопод- данными благодѣянія Провидѣнія Божія, низпосланныя чрезъ Ваше Императорское Величество въ совершившееся двадцати- пятилѣтіе Вашего Царствованія, принося предъ величество Божіе благодарность свою въ молитвахъ, возымѣло при томъ желаніе ознаменовать оную приношеніемъ въ храмъ Царскаго вѣнчанія и священнаго помазанія, и при томъ такъ, чтобы

¹⁾ Московскаго фабриканта Сазикова.

²⁾ *Русск. Арх.* 1876, III, 177; *Русск. Стар.* 1886, LI, 299. Срав. *Письма Ф. къ Акт.* III, 102.

приношеніе сіе было и памятникомъ вѣрноподданническихъ чувствованій для потомства.—Въ сихъ мысляхъ Московское духовенство приносить въ соборный храмъ Пресвятыя Богородицы, честнаго Ея Успенія, златую дарохранительницу, устроенную въ образѣ голубя (каковая была и прежде, но утрачена въ бѣдственные дни), дабы она видима была въ олтартѣ надъ престоломъ, какъ знаменіе присутствія Святаго и Освящающаго Духа.—Качество же памятника сообщаетъ сей утвари Императорскій вверху вѣнецъ и скипетръ, и на хартии молитва: *Господи, благословивый двадцатипятилѣтіе Помазанника Твоего Николая Перваго, благослови и грядущая лѣта Ело, къ миру Церкви Твоея, ко спасенію людей Твоихъ.* Въ увѣренности, что изъясненіе вѣрноподданническихъ чувствованій есть невозбранно, приготовленіе сдѣлано. Впрочемъ вѣрноподданное Московское духовенство, на внесеніе сей утвари во храмъ всемирно и всеподданнѣйше, дерзаетъ испрашивать Всемилостивѣйшаго, Вашего Императорскаго Величества соизволенія. *Благочестивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій Филаретъ, митрополитъ Московскій, со вѣреннымъ духовенствомъ. Августа 21 дня, 1851 года*¹⁾. Представленіе этого всеподданнѣйшаго письма Государю Императору состоялось днемъ 21 августа. Но такъ какъ въ тотъ же годъ исполнилось ровно 30 лѣтъ служенія Филарета на Московской кафедрѣ и 25 лѣтъ служенія его въ санѣ митрополита, то и всемилостивѣйшій монархъ удостоилъ святителя Филарета неожиданною для послѣдняго (тѣмъ болѣе, что онъ только въ 1849 году получилъ послѣднюю высокую награду) наградю, заранѣе приготовленною, а объявленною ему на всенощномъ богослуженіи того же 21 августа 1851 года, при высочайшемъ рескриптѣ, въ коемъ сказано, что святитель «за долговременное служеніе церкви и отечеству, при отличныхъ дарованіяхъ, украшаемое непрерывными подвигами благочестивой ревности объ утверженіи въ сердцахъ святыя православныя вѣры, и по случаю исполнившагося тридцатилѣтія архипастырской дѣятельности и двадцатипятилѣтія въ санѣ

¹⁾ Письма Ф. къ Алексію, стр. 85—86; см. Русск. Стар. 1886, LI, 295—296.

митрополита*, Всемилоствѣйше пожалованъ осыпанною алмазами панагією. А за принесеніе дарохранительницы на имя Филарета послѣдовалъ новый, не менѣ лестный, высочайшій рескриптъ отъ 22 августа, который врученъ былъ митрополиту во время литургии въ сей самый день (день коронаціи), когда онъ, во время чтенія Апостола возсѣдалъ на горнемъ мѣстѣ. Въ тотъ же день святитель Филаретъ получилъ поздравленіе по случаю своего юбилея и отъ графа Протасова, бывшаго въ то время въ Петербургѣ. Частію отдавая графу какъ бы отчетъ въ томъ, что самимъ имъ совершено и что вообще въ Москвѣ совершилось по случаю юбилея царскаго, а частію выражая благодарность за это поздравленіе, святитель съ обычною скромностію писалъ ему между прочимъ: «Не думалъ я, чтобы удостоилось воспоминаія мое неможное двадцатипятилѣтіе, отъ котораго не знаю, есть ли какой плодъ церкви Московской. Но когда не думанное сдѣлалось, искренно благодарю ваше сіятельство за милостивое ко мнѣ расположеніе^{*)}. Но безъ сомнѣнія, не только государь императоръ, всегда цѣнившій высокія достоинства святителя, а и графъ Протасовъ довольно долго не цѣнившій ихъ, знали хорошо, что значило это двадцатипятилѣтіе не только для церкви Московской, но и Россійской, не только для церкви, но и для отечества». Съ своей стороны Филаретъ, какъ бы не довольствуясь тѣмъ, что сказано было имъ съ церковной кафедры и сдѣлано по случаю царскаго юбилея, касается этого юбилея еще въ своемъ словѣ на день рожденія государя императора 25 іюня 1852 года. Въ этомъ словѣ своемъ нашъ святитель-витія, исходя отъ текста: *приблизжи ко Господу тала твоя и утвердятся помышленія твоя* (Притч. 16, 3) и говоря о пользѣ благочестія, о необходимости относить къ Богу, а не къ себѣ, успѣхъ всѣхъ нашихъ дѣлъ, продолжаетъ: «се послѣднее значеніе и примѣненіе притчи Соломоновой нынѣ особенно, къ утѣшенію и назиданію мы можемъ видѣть въ живомъ, величественномъ дѣйствіи. Отъ начинающагося нынѣ новаго лѣта жизни Благочестивѣйшаго Самодержца нашего обращаясь къ лѣту прошед-

* Русск. Арх., 1876, III, 176; см. Русск. Стар., 1886, LI, 298.

шему, тамъ видимъ мы день, на который съ ожиданіемъ смотрѣли дни предшествовавшіе, на который съ благоговѣніемъ смотрятъ и смотрѣть будутъ дни послѣдующіе. Это день, въ который совершилось Его двадцатипятилѣтіе въ качествѣ Богомъ вѣнчаннаго и помазаннаго Царя. Сколько воспоминаній приносилъ Ему сей день о подвигахъ и достопамятныхъ дѣлахъ, которыя Онъ совершилъ во благо Церкви и царства, въ войнѣ и мирѣ, въ законодательствѣ и управленіи, въ возвышеніи благоустройства вваній и состояній, въ изліяніи милостей и щедротъ, въ призрѣніи страждущаго и безпомощнаго человѣчества, въ облегченіи неотразимыхъ человѣческою силою частныхъ и общественныхъ бѣдствій, въ укрощеніи бурь и волненія моря народовъ, иногда единственно Своею личною непоколебимостию и силою духа. Какъ же торжествовалъ Онъ сей день? Чѣмъ ознаменовалъ сіи воспоминанія? Духъ Его вознесся превыше (всякой) торжественности земной: Онъ *приблизился ко Господу дѣла Свои*. Съ совѣщанною супругою и соборомъ втораго и третяго рода Своего Семейства, на крилахъ огня ¹⁾, Онъ перенесся изъ Своей новой въ Свою древнюю столицу единственно для того, чтобы принести Богу еиміамъ благоговѣющаго и благодарнаго сердца въ томъ самомъ храмѣ, въ которомъ пріялъ отъ Него священное вѣщаніе и помазаніе. Торжество безспорно, самое высокое! потому что *восходитъ непосредственно къ Богу!* Торжество въ высшей степени радостно! потому что *радость въ немъ небесная!* Праведно, Россія, ~~да~~ заключаетъ свое слово вѣтія; — ты нарицаешь Царя своего благочестивѣйшимъ. Радуйся о семъ, и храни для себя свою радость, непрестанно подвизаясь и сама быть достойною наименованія, которымъ Его украшаешь. Подвизайся быть и пребыть дѣятельно благочестивою, *приближая ко Господу дѣла* твоя живую вѣрою и неуклоннымъ послѣдованіемъ заповѣдямъ Его. да возможешь съ твердою надеждою взывать къ Нему пророческимъ гласомъ: *тогда не постыжуся, не поколеблюся, утверждуся въ силѣ и славѣ, вегда призрѣти ми на вся за-*

¹⁾ Разумѣется вышеописанная поѣздка по Николаевской желѣзной дорогѣ.

повѣди Твоя (Псал. 118, 6). Аминь¹⁾). Такъ кончился юбилей царствованія Николая Павловича, счастливо совпавшій съ юбилеемъ служенія самого святителя-проповѣдника въ высшей іерархической степени; и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что послѣднее сказанное по случаю царскаго юбилея слово нашего святителя, насколько живо изображаетъ необходимыя дополнительныя черты этого юбилея, настолько же яркими, заключительными, такъ сказать, чертами живописуетъ отношенія святителя-проповѣдника къ особамъ императорской Фамилии; оно же наконецъ, въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ, характерно и для заключительнаго изображенія внутренней политики, внутренняго состоянія, внутреннихъ событій Всероссійской Имперіи вообще въ разсматриваемое царствованіе, славное во всѣхъ отношеніяхъ и безъ всякаго сомнѣнія. Но и всякая слава земная не вѣчна; и земной славѣ царя земного бываетъ конецъ, хотя бы то при концѣ его жизни. Слава эта тогда переходитъ уже въ исторію прошедшаго. Мы помнимъ, какъ не долго спустя послѣ произнесенія сейчасъ приведенной проповѣди Филарета началась несчастная Крымская война, въ самый разгаръ которой много огорченный широкими размѣрами и бѣдственными послѣдствіями ея столько же, сколько и несправедливостію многочисленныхъ враговъ государь императоръ Николай Павловичъ, далеко не внушавшій доселѣ опасеній за свою жизнь, скончался. Истинно христіанская, какъ и вся жизнь, кончина его послѣдовала 18 февраля 1855 года въ двадцать минутъ перваго часа по полудни²⁾; а 19 февраля было востпествіе на престолъ новаго Государя Императора, бывшаго наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Не имѣя на настоящій разъ такого же случая въ проповѣднической дѣятельности Филарета, какой по особымъ обстоятельствамъ кончины императора Александра Благословеннаго оказался въ концѣ царствованія послѣдняго, разу-

1) *Соч. Фил.* V, 157—158.

2) За мѣсяць до сего скончался и оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Н. А. Протасовъ, «по болѣзни, продолжавшейся, какъ говорятъ, только нѣсколько часовъ». *Письма Ф. къ Ант.* III, 312 (письмо отъ 19 января 1855 года). Онъ умеръ «отъ нервическаго удара». *Русск. Архивъ* 1888, III, 252.

мѣемъ перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившаго императора Александра I чрезъ Москву и проповѣдь Филарета при семъ, мы не считаемъ себя въ правѣ входить въ такое же подробное описаніе кончины императора Николая, какое сдѣлали въ отношеніи къ кончинѣ императора Александра I. Скажемъ о семъ лишь то, что сказаль о томъ же святитель Филаретъ въ нѣкоторыхъ частныхъ письмахъ своихъ, и тѣмъ заключимъ настоящій отдѣлъ нашего изслѣдованія. «Не много дней не писалъ я къ вамъ, читаемъ въ письмѣ святителя Филарета къ намѣстнику Антонію отъ 4 марта 1855 года,—и какъ будто вѣкъ прешель въ сіе время. Вотъ уже другое царствованіе. Гласомъ силы возгремѣ Господь надъ Россією. Но мы, какъ сопутники Павла къ Дамаску, поражены слышаніемъ гласа, и не разумѣемъ, что онъ глаголетъ. Не соединитъ ли Господь съ пораженіемъ и нѣкоторое исцѣленіе? Много раздражали Европу, взводя вину раздоровъ лично на покойнаго Государя ¹⁾: нынѣшній приходитъ невинною душею, и противъ него нечего сказать. Не опомнятся ли народы, и не подумаютъ ли, что напрасно разоряютъ сами себя? Но сомнительно. Давно видны примѣты, что готовится общій заговоръ Европы противъ Россіи; онъ успѣваетъ медленно, но не останавливается. Новая примѣта въ томъ, что Англія и Франція не хотятъ ясно сказать, какъ разумѣютъ предварительные пункты мира. Не признакъ ли это, что готовятся дать имъ, какъ можно, злое толкованіе? Обрати ны, Господи, и обратимся, и помолимся, и спасемъ. Утѣшительны послѣдніе часы (жизни) покойнаго Государя. Напечатанное о семъ вѣрно ²⁾.

¹⁾ Говорятъ, императоръ французовъ Наполеонъ III войною Крымскою мстилъ императору Николаю за то, что послѣдній въ сношеніяхъ съ нимъ не называлъ его братомъ.

²⁾ Кромѣ официальныхъ и неофициальныхъ сообщений о послѣднихъ дняхъ и часахъ жизни покойнаго императора въ русской и иностранной печати того времени, напечатано было и нѣсколько стихотвореній разныхъ лицъ по тому же случаю. Въ одномъ изъ нихъ вотъ что между прочимъ о немъ читаемъ:

„Онъ палъ; но палъ какъ жилъ: мгновенья

„Не оробѣлъ предъ смертью Онъ.

„Покоренъ волю Провидѣнья,

„Презрѣвши боль, сдавивши стонъ,

Мнѣ случилось слышать отъ бывшихъ въ сіе время во дворцѣ. Не помню, напечатано ли, что, когда Государю подали письмо отъ Великихъ Князей, онъ не взялъ и сказалъ: *отдайте матери; я уже не принадлежу къ сему міру; слава Богу, что они живы*. Трудно было мнѣ въ сіе время по моему здоровью и по затруднительности распоряженій. Вы видѣли въ соборѣ частицу сихъ затрудненій. Указъ о панихидѣ былъ полученъ; а указа о манифестѣ и о возшествіи на престолъ не получено. И я на указѣ о панихидѣ долженъ былъ сдѣлать распоряженіе о присягѣ. И въ Петербургѣ и въ Москвѣ говорятъ, зачѣмъ я не просился въ Петербургъ къ погребенію, и, вѣроятно, обвинять меня въ семъ. Но и владыка Платонъ не поступалъ такъ ¹⁾. А что вѣрнѣе, и что меня успокоиваетъ, я не чувствую себя въ силахъ доѣхать до Петербурга ²⁾. До Государынь Императрицъ дошло мое письмо писанное не къ нимъ, и Онѣ изволили сказать, что ждутъ отъ меня писемъ. Посему я написалъ, не принявъ сего на себя прежде. Чудно, какъ хранилъ Господь здоровье вдовствующей Императрицы, за которое такъ часто боялись. Господи, спаси Царя и домъ Его ³⁾. А вотъ упоминаемья въ приведенномъ сейчасъ письмѣ письма Филарета къ обѣимъ императрицамъ. Письмо къ вдовствующей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ было писано отъ 25 февраля рокового для Россіи 1855 года и содержитъ въ себѣ слѣдующія мысли и чувства: «Благочестивѣйшая Государыня! Не знаю, извинительно ли дерзновеніе, которое пріемлю, и потому медленно рѣшаюсь; однако, наконецъ, рѣшаюсь предстать предъ

„Преемнику бразды правленья

„Спокойной, твердою рукою

„Одну вручилъ онъ за другою“. См. *Русск. Архивъ* 1888, III, 264.

¹⁾ Разумѣется тотъ случай въ жизни митрополита Платона (Левшина), когда онъ, подобно Филарету, лишь въ Москвѣ молился за упокой души царственнаго ученика своего императора Павла I въ 1801 году.

²⁾ Филарету въ то время шель уже 73-й годъ отъ рожденія, а по желѣзной дорогѣ онъ не любилъ и по здоровью своему не чувствовалъ для себя удобнымъ ѣхать, о чемъ см. нашу статью по случаю 25-лѣтія Ярославской (Троицкой) желѣзной дороги, помѣщенную въ 10-й кн. *Русскаго Архива* за 1887 годъ.

³⁾ *Письма Ф. къ Акт.* III, 320—321. Срав. *Письма Ф. къ А. Н. Мурав.* 465—466.

Вашимъ Величествомъ смиреннымъ словомъ. Но что скажу о великомъ лишеніи, которымъ неисповѣдимый въ судьбахъ своихъ Богъ такъ внезапно посѣтилъ Россію? Всѣми и каждымъ оно чувствуется: но удобнѣе и свойственнѣе выражается не словами, а воздыханіями, слезами и глубокимъ безмолвіемъ прозенныхъ печалію и, съ тѣмъ вмѣстѣ, покорныхъ судьбамъ Божиимъ сердце. Твою *душу* первѣе всѣхъ *пройде сіе оружіе*. Разумѣемъ, что великости Твоей печали ничто не можетъ быть равно, какъ только великость любви, соединявшей Твою душу съ душою Твоего Державнаго Супруга. И съ молитвою печали о Царѣ, въ Бозѣ почившемъ, съ молитвою утѣшенія и надежды о Царѣ, отъ Бога намъ дарованномъ, и о Супругѣ Его, и о наслѣдникѣ Его, соединяемъ особенную молитву о Тебѣ, *Благочестивѣйшая Государыня, да услышитъ Тя Господь въ день печали* и, осѣнивъ Твою душу своимъ благодатнымъ миромъ, даруетъ Тебѣ возможность рещи къ Нему: *по множеству болѣзней моихъ въ сердце моемъ утѣшенія твоя возвеселиша душу мою*. По истинѣ, Матерь благословенно воцарившагося Царя, Праматерь Наслѣдника царева! Въ сихъ наименованіяхъ не заключается ли для Тебя утѣшеніе, такъ же праведное и сильное, какъ твоя печаль?— Да утѣшаетъ Тебя воспоминаніе, что Твой Державный Супругъ, во все продолженіе царствованія, среди неутомимыхъ трудовъ и въ часы скорбей или огорченій, всегда своимъ любящимъ сердцемъ находилъ вѣрное успокоеніе близъ Твоего любящаго сердца. Храня Его спокойствіе, Ты хранила сокровище Россіи. Да утѣшаетъ Тебя воспоминаніе, какъ знаменательно Господь благословилъ Его жизнь въ Его послѣднихъ дняхъ и часахъ, въ которые свѣтлыя черты Царя и Отца семейства, христіанина, не смотря на изнеможеніе вѣшняго человѣка, сіяли такъ сильно, такъ назидательно и благотворно. Твоя молитва соединилась съ Его послѣднею молитвою. Надъ симъ союзомъ не имѣетъ власти смерть: онъ простирается отъ времени въ вѣчность. Молитва приближаетъ къ Богу; и близъ сего средоточія существъ и міровъ не различено то, что является разлученнымъ въ мірѣ перемѣнъ. Молитвою вѣры и упованія *возверзи на Господа печаль твою*.

Съ утѣшеніемъ помышляемъ, что и твоя любовь къ твоему державному Сыну побуждаетъ Тебя умѣрять Твою печаль, чтобы ею не увеличивалась тягота души Его, тогда какъ Онъ взялъ на свои рамена великое бремя—Россію. Если позволено мнѣ сказать нѣчто и о себѣ: лишаюсь послѣдняго утѣшенія въ близости принести послѣдній долгъ въ Бозѣ почившему Государю, который малое мое служеніе удостоивалъ вниманія, и милостями своими далеко выше моего достоинства ущедрялъ меня, и на мои недостатки снисходительно взиралъ. Но я долженъ покориться двоякой необходимости: мой служебный долгъ привязываетъ меня къ мѣсту, а моя ветхость лишаетъ меня надежды перепести дальній путь¹⁾. Это письмо святитель Филаретъ препроводилъ по назначенію чрезъ князя С. М. Голицына, отправлявшагося въ Петербургъ на погребеніе въ Бозѣ почившаго государя, при чемъ, прося князя о передачѣ сего письма, святитель между прочимъ писалъ ему: «Къ Государю Императору²⁾ вознести слово не дерзаю. Возьмите меня съ собою мысленно, и повергните къ стопамъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, который толико выше моего достоинства милостями своими меня ущедрялъ, и на недостатки мои снисходительно взиралъ³⁾. Такъ писалъ князю святитель отъ 26 февраля. А отъ 28 числа того же мѣсяца и года онъ же писалъ и государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ письмо слѣдующаго содержанія: «Благочестивѣйшая Государыня! Какъ внезапный ударъ грома, разразилась надъ сынами отечества вѣсть о великомъ лишеніи, понесенномъ Россією. Но съ тѣмъ вмѣстѣ христіанскому оку открылись свѣтлыя черты Царя-христіанина, благоговѣнно готовящагося прейти къ Богу, и въ неизмѣнномъ величіи духа благословляющаго своего Преемника и Наслѣдника его. Вслѣдъ за тѣмъ также величественно явился свѣтъ восходящаго на престоль Царя. Собранный сиклитъ въ первыхъ

1) *Собр. мѣтій и отзыв. Филар. IV*, 2—4. Москва, 1886. См. также въ *Чтен. въ Общ. мѣб. дух. просв.* 1871 г. № 9, стр. 33—34.

2) Александру Николаевичу.

3) *Письма Фил. къ кн. С. М. Голицыну*, стр. 99; срав. стр. 98.

взорахъ и словахъ Его усмотрѣлъ и ощутилъ, что родительское на Немъ благословеніе утверждено свыше, и что *Духъ Владычній* почилъ на Немъ¹⁾. Въ сихъ обстоятельствахъ предъ сильными и разнообразными чувствованіями изнемогаетъ слово. И не дерзнулъ бы я и теперь предстать вниманію Вашего Императорскаго Величества, если бы Вашему свисхожденію не благоугодно было отверсть дверь моему смиренному слову. Въ сердцахъ вѣрноподданныхъ печаль о Царѣ, въ Бозѣ почившемъ, утѣшительно растворяется надеждою на Царя, Богомъ дарованнаго. Но есть для насъ еще глубокая печаль при мысли о глубокой печали Августѣйшаго Семейства. Какъ рано и въ какое время воззвалъ отъ насъ Господь незабвеннаго Государя Императора Николая Павловича! Что речемъ на сіе? *кто разумъ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть* (Римл. 11, 34)? Но мы знаемъ, что совѣтъ Господень всегда премудръ и благъ. Преклонимся смиренно предъ Его непостижимостію, и принесемъ жертву послушанія святой волѣ Его. *Въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго воздвигнетъ во время на ней*, говоритъ Премудрый (Сир. 10, 4). Не очевидно ли было какъ благопотребнаго въ свое время воздвигъ Господь Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая I, который въ первый день своего царствованія спасъ Россію отъ опасности внутренней? И нынѣ, при вѣдѣнныхъ враждебныхъ покушеніяхъ противъ Россіи, да вѣруемъ и уповаемъ, что благопотребнаго во время воздвигъ Господь Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра II. Наипаче же самъ Господь обращенныя къ Нему сердца державнаго супруга Вашего и Ваше да осѣнитъ и исполнитъ своимъ благодатнымъ миромъ и, по царскому же слову, да *предваритъ Васъ благословеніемъ благодѣтельными и положитъ на главу Вашей вѣнецъ отъ камени честна* (Пс. 20, 4). О семъ мы смиренные служители Церкви, подъ ея руководствомъ, *миромъ Господу молимся, уповающе молимся*²⁾. Таковы частныя пись-

1) И въ приведенномъ письмѣ къ Антонію отъ 4 марта святитель пишетъ: «утѣшительны также вѣсти о новомъ Государѣ, какъ Онъ въ первые часы явилъ Себя Царемъ въ полной силѣ и мудрости». *Письма Фил. къ Акт.* III, 321.

2) *Собр. мн. и отв. Фил.* IV, 4—5.

ма святителя Московскаго Филарета по занимающему насъ теперь предмету. Прочитавъ ихъ, всякій согласится, что они вполне стодятъ любой проповѣди или рѣчи, и потому приводя ихъ, мы, надѣемся, не далеко отступили отъ ближайшей задачи нашего изслѣдованія. Въ проповѣди же собственно лишь одинъ не вполне ясный намекъ на кончину императора Николая Павловича можно находить уже за время царствованія Александра II, при обозрѣнїи котораго мы и приведемъ эту проповѣдь. «Объ Государыни Императрицы, — писалъ Филаретъ Антонію отъ 17 марта того же 1855 года. — удостоили меня милостиваго отвѣта на мои письма» ¹⁾. Вотъ слова одного изъ этихъ Высочайшихъ рескриптовъ въ отвѣтъ на его письма, именно слова рескрипта императрицы Александры Феодоровны, имѣющаго ближайшее для нашей цѣли значеніе. «Письмо Вашего Преосвященства отъ 25 февраля дошло до Меня на сихъ дняхъ. Спѣшу благодарить Васъ отъ всего сердца, проникнутаго горестію невыразимою, но глубоко тронутаго Вашими словами утѣшенія. Такъ можетъ утѣшать, такъ можетъ говорить одна Религія чрезъ своихъ проповѣдниковъ. Она одна, показывая намъ свѣтъ во тьмѣ бѣдствій, коихъ цѣль для насъ непостижима, увѣряя насъ въ необходимости и спасительности самыхъ болѣзненныхъ испытаній, имѣетъ власть повелѣвать намъ и давать силу жить для исполненія долга. Но то же завѣщалъ Мнѣ и Супругъ Мною оплакиваемый. На одрѣ смертномъ, почти въ часъ кончины, равно ознаменованной умиленными чувствами Христіанина и спокойною твердостію Царя, Онъ еще просилъ Меня беречь Мою жизнь для Семейства, — для тѣхъ, которыхъ Онъ конечно не перестаетъ любить и нынѣ. Семействомъ Своимъ Онъ называлъ всю Россію; и, при послѣднемъ прощаніи съ Наслѣдникомъ Престола Своего, сказалъ, что идетъ молиться за нее и за Насъ. Смѣемъ думать, что сей обѣтъ Его уже совершается, что Богъ правды и милости принялъ въ Отеческія Свои объятія исполненную благихъ и чистыхъ намѣреній душу Его. Оканчиваю отвѣтъ Мой Вашему Высокопреосвящен-

¹⁾ Письма Фил. къ Ант. III, 324.

ству изъявленіемъ сердечнаго желанія Нашего видѣть и просить Вашего Архипастырскаго благословенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сожалѣнія, что сему препятствуютъ обстоятельства и состояніе Вашего здоровья. Пребываю всегда благосклонная къ Вамъ Александра¹⁾. Этотъ рескриптъ, служа наилучшимъ отвѣтомъ на письмо-проповѣдь Филарета, въ то же время служить наилучшимъ и наивѣрнѣйшимъ источникомъ дополнительныхъ къ вышеприведеннымъ свѣдѣній о послѣднихъ часахъ жизни въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Копія съ рескрипта въ рукописномъ видѣ хранится въ библиотекѣ Моск. дух. академіи.

ЗАМѢТКИ О ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

(Продолженіе *).

Англійское Общество Церковнаго Единства, сколько можно судить по отчету о его послѣднемъ митингѣ, преслѣдуетъ задачу внѣшняго объединенія англичанъ подъ главенствомъ господствующей церкви, заботится о нравственномъ развитіи членовъ этой церкви. Но англичане далеко не всѣ принадлежатъ къ господствующей церкви; между ними существуетъ множество такъ называемыхъ нонконформистовъ. Религіозно-нравственныя убѣжденія этихъ послѣднихъ конечно не могутъ быть предметомъ заботливости Общества Церковнаго Единства; нонконформисты сами основали множество самыхъ разнохарактерныхъ религіозно-нравственныхъ союзовъ. Въ настоящее время мы займемся однимъ изъ такихъ союзовъ, который извѣстенъ подъ именемъ Арміи Спасенія.

Въ ряду англійскихъ нонконформистовъ видное мѣсто занимаетъ секта методистовъ. Въ предыдущихъ замѣткахъ мы говорили о Валлисѣ, главномъ мѣстопребываніи методистовъ; мы говорили также, что по своимъ политическимъ убѣжденіямъ методисты главнымъ образомъ принадлежатъ къ радикаламъ. Въ «Pall Mall Gazette» помѣщены любопытныя статистическія данныя по этому вопросу. Методистскій проповѣдникъ Кеттери, секретарь главнаго церковно-политическаго союза методистовъ, пишетъ въ названной газетѣ: «Въ Лондонѣ существуютъ 100 нашихъ общинъ; между ними едва ли

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 8.

найдется 50 человекъ, которые были бы противъ основныхъ пунктовъ программы лондонскихъ радикаловъ; у насъ есть 1000 проповѣдниковъ, изъ которыхъ не найдется и 30-ти, которые бы не были послѣдовательными либералами; мы имѣемъ до 6000 церквей и капеллъ съ 500,000 прихожанъ и я думаю, что нельзя набрать и 1000 человекъ, которые бы не согласились поддержать каждое мѣропріятіе, клонящееся къ улучшенію положенія народныхъ массъ». Такое глубокое сочувствіе радикальной программѣ среди методистовъ не можетъ не отразиться на ихъ религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ. Мы говорили въ предыдущихъ замѣткахъ о сущности радикальной доктрины и указывали отношеніе радикаловъ къ церкви и религіи, отношеніе, ясно отразившееся на внесенномъ ими проектѣ реформы народнаго образованія. Теперь мы посмотримъ, имѣютъ ли методисты какую-нибудь возможность охранить себя отъ антирелигіозныхъ и антицерковныхъ тенденцій радикаловъ, какое значеніе имѣетъ для нихъ Армія Спасенія, основатели которой принадлежали къ ихъ сектѣ. Армія Спасенія основана въ 1865 г. методистскимъ проповѣдникомъ Буттомъ (Booth). Пока число членовъ этого общества было незначительно, Армія Спасенія сохраняла тѣсныя связи съ методистской сектой. Но число членовъ Арміи быстро возрастало и Буттъ въ концѣ концовъ отдѣлился отъ методизма, давъ обществу своеобразное устройство. «Единственная цѣль общества», говорится въ катехизисѣ общества, «война противъ грѣха и діавола. По законамъ разума должно отдать предпочтеніе въ организациі общества той формѣ, которая вообще считается самой удобной и дѣйствительной въ войнѣ». Отсюда и названіе и военная организациа общества. Буттъ сдѣлался генераломъ Арміи, его жена, сыновья и дочери—штабъ и оберъ-офицерами. Члены общества имѣютъ опредѣленный мундиръ: мужчины носятъ и зимою, и лѣтомъ черныя сюртуки съ двойнымъ S на воротникахъ, темную шапку съ красной кокардой, гдѣ вышита надпись Salvation Army (Армія Спасенія); женщины носятъ простыя темносинія платья и соломенные шляпы, украшенныя красной лентой съ вышитой надписью: Salvation Army. Общество устраиваетъ парады съ му-

зыкой, гимнами, знаменами и прочими воинскими церемоніями. Декоративная обстановка Арміи, фанатическое пѣніе дѣйствуютъ очень сильно на низшіе классы общества. «Да», хвалится Армія, «большинство въ нашихъ полкахъ состоитъ изъ людей грубыхъ, погибшихъ; но мы впервые привели ихъ къ познанію истины и покаянію; теперь они увѣрены въ своемъ спасеніи». Армія Спасенія имѣла громадный успѣхъ. Въ теченіе 25 лѣтъ ея существованія возникло 2518 корпусовъ съ 6663 офицерами мужскаго и женскаго пола; въ Арміи считается 150,000 полковъ, состоящихъ преимущественно изъ женщинъ; члены Арміи дѣйствуютъ въ 30 округахъ и колоніяхъ, разсыпанныхъ по разнымъ странамъ свѣта. Главная германская квартира Арміи находится въ Штудтгардѣ. Центральное управленіе Арміи сосредоточивается въ главномъ штабѣ генерала Бута, въ Англіи. Дѣйствія Бута возбудили серьезныя неудовольствія въ офицерахъ Арміи. По ихъ описаніямъ Бутъ—честолюбивый и своекорыстный человѣкъ; громадныя суммы общественныхъ денегъ (около 8 милл. рублей) и всю недвижимую собственность Арміи онъ перевелъ на свое имя и никому не даетъ отчетовъ о расходованіи этихъ средствъ. Изъ бѣдной жизни методистскаго проповѣдника онъ переселился въ роскошный дворецъ, предпринимаетъ дорогія путешествія, окружаетъ свою семью роскошью и блескомъ; все это, конечно, оплачивается изъ кассы Арміи. Сумасбродныя финансовыя предпріятія Бута, въ которыхъ сказываются ростовщическія привычки его молодости, возбуждаютъ серьезныя опасенія за цѣлость общественной кассы. Злоупотребленія Бута идутъ далѣе финансовыхъ дѣлъ общества, онъ посягаетъ и на нравственныя богатства Арміи. Младшіе члены Арміи Спасенія—«кадеты»—во время своего искуса должны исповѣдывать грѣхи свои предъ духовниками; духовники заносятъ грѣхи въ установленныя для этого книги; книга запирается, но духовники очень нерѣдко забываютъ ключи въ замкахъ и генераль пользуется подобной забывчивостью для своихъ цѣлей. Святость исповѣди колеблется, а вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и нравственное вліяніе духовниковъ. Всѣ безпорядки во внутреннихъ дѣлахъ общества привели корреспондента Evang.

luth. Kirch. z. къ заключенію, что общество уже перешло кульминаціонную точку своего развитія; его дальнѣйшая исторія будетъ исторіей его паденія. Поэтому методизмъ долженъ позаботиться о новыхъ средствахъ къ борьбѣ съ анти-религіозными теоріями своихъ политическихъ друзей.

Армія Спасенія преслѣдовала цѣли нравственнаго развитія и совершенствованія не въ одномъ только методистскомъ обществѣ; она принимала въ свои ряды членовъ съ самыми разнообразными религіозными убѣжденіями, не затрогивая сущности этихъ убѣжденій. Ея цѣли не шли далѣе практической дѣятельности человѣка. Но исправлять поведеніе человѣка, оставивъ безъ вниманія его теоретическія убѣжденія, не значитъ ли трудиться безъ надежды на успѣхъ? Общеизвѣстный психологическій фактъ—нравственно-практическая дѣятельность человѣка въ значительной степени подчинена его теоретическимъ убѣжденіямъ. Германцы, теоретики по преимуществу, и привимаютъ въ расчетъ этотъ психологическій фактъ, опредѣляя принципы для дѣятельности общества, подобныхъ Арміи Спасенія по своимъ цѣлямъ.

Недавно подъ протекторатомъ герцога Веймарскаго образовалось общество для распространенія въ народной массѣ полезныхъ книгъ. Теперь это общество считаетъ уже около 6,000 членовъ и имѣетъ свои отдѣленія. Его цѣль—поднять уровень народной нравственности путемъ противодѣйствія изданію сенсаціонныхъ романовъ. Въ послѣднее время въ Германіи появилось множество романовъ, гдѣ преступники выставляются жертвами существующаго порядка. Такія книги выдерживаютъ колоссальное число изданій и расходятся въ народной массѣ въ милліонахъ экземпляровъ, возбуждая сочувствіе къ преступникамъ и даже подраженіе имъ. Такъ, романъ объ убійствѣ Шенка выдержалъ 125 изданій и въ количествѣ 200,000 экземпляровъ приобрѣтенъ бѣднѣйшимъ классомъ народа. Основанное веймарцами общество имѣетъ въ виду дать народу такое чтеніе, которое бы изгладило впечатлѣніе сенсаціонныхъ романовъ и воспитало въ немъ чувство долга, любовь къ труду и добродѣтели. Чтобы успѣшно конкурировать съ издателями сенсаціонныхъ романовъ въ деше-

визнѣ книгъ, общество собрало около $\frac{1}{4}$ милл. марокъ, подыскало авторовъ и издателей, которые согласились противо-дѣйствовать безнравственной литературѣ.

Германская свобода слова и печати вызываетъ въ религіозно-нравственной жизни народа такія явленія, которыя сильно беспокоятъ евангелическое духовенство. Мы разумѣемъ здѣсь успѣхи различныхъ религіозныхъ сектъ. По извѣстіямъ *Evang. luth. kirch. zeit* новоцерковное (сведенборгіанское) общество въ Берлинѣ признано правительствомъ. Въ Берлинѣ же живетъ и главный проповѣдникъ сведенборгіанъ Артонё; отсюда онъ руководитъ обществомъ своихъ единомышленниковъ въ Швеціи и Австріи. Берлинская сведенборгіанская капелла лишена всякихъ украшеній; оттуда вынесены даже кафедра и алтарь; только органъ еще оставленъ. Газета молчитъ о числѣ послѣдователей Артонё; но самый фактъ правительственнаго признанія секты и то обстоятельство, что главный проповѣдникъ секты живетъ въ Берлинѣ, краснорѣчивѣе цифръ говорятъ о значительномъ вліяніи секты на общество. Не меньшимъ вліяніемъ пользуется секта ирвингіанъ въ Брауншвейгѣ. Ея проповѣдники имѣютъ такой серьезный успѣхъ среди подгородняго населенія, что протестантское духовенство было вынуждено принять предохранительныя мѣры противъ ирвингіанъ; иначе оно рисковало потерять свою паству. Мало того. Корреспондентъ названной газеты жалуется на появленіе въ самомъ протестантизмѣ проповѣдниковъ не зрѣлыхъ, съ узкимъ кругозоромъ. Эти проповѣдники хотя и заявляютъ, что они не имѣютъ никакого желанія отторгать своихъ послѣдователей отъ лоно господствующей церкви, на самомъ же дѣлѣ весь смыслъ ихъ секретныхъ проповѣдей сводится къ тому, чтобы организовать новое общество и порвать всякія связи съ церковію.

Сектантство, отлившееся уже въ опредѣленныя формы, и сепаратистскія стремленія, скрывающіяся въ глубинѣ самого протестантизма, породили идею внутренней миссіи, т. е. стремленія охранить послѣдователей евангелической церкви отъ всевозможныхъ сектаторовъ и, если окажется возможнымъ, возвратитъ на лоно протестантизма тѣхъ лицъ, которыя уже отъ

него отторгнуты. Въ настоящее время высшія сферы протестантскаго духовенства въ Пруссіи заняты проектомъ устройства проповѣдническихъ семинарій, которыя должны образовать контингентъ пасторовъ, способныхъ понять и выполнить идею внутренней миссіи. Предположено начать устройство такихъ семинарій съ провинціи Гессенъ-Нассау; потому эти семинаріи будутъ открыты въ каждомъ главномъ городѣ прусскихъ провинцій; въ будущемъ году проектировано открыть уже три семинаріи. *Evang. luth. Kirch. z.* нѣсколько знакомить насъ съ задачами этихъ семинарій. Мысль Госнера, пишетъ Брандербургскій корреспондентъ названной газеты, учредить проповѣдническія семинаріи возбудила сочувствіе среди всего евангелическаго духовенства, среди всѣхъ, преданныхъ интересамъ евангелической церкви. Давно признано, что непосредственный переходъ изъ университетскихъ аудиторій на пасторскую кафедру не сопровождается благопріятными послѣдствіями для прихода. Проповѣдническая семинарія должна служить переходнымъ пунктомъ, гдѣ могли бы укрѣпиться духовныя силы будущаго пастора, пунктомъ тѣмъ болѣе необходимымъ теперь, когда духовенство мало-по-малу утрачиваетъ свое вліяніе на воспитаніе юношества въ университетахъ. Въ 40-хъ годахъ, когда впервые появилась такая семинарія въ Вюртембергскомъ королевствѣ, имѣли въ виду углубить научныя познанія будущаго пастора и ознакомить его съ пасторскою практикою; но теорія тогда перевѣшывала практику. Студенту семинарія приходилось составить двѣ проповѣди въ семестръ да раза два участвовать въ катехизаціи. Но конечно этого не достаточно для приготовленія къ пасторскому служенію. При томъ кафедра и алтарь не исчерпываютъ пасторской практики во всей ея совокупности. Умѣнье сказать проповѣдь и знаніе богослужебнаго порядка необходимы для пастора, какъ знаніе дѣлопроизводства для юриста и анатомія для врача. Однако и юристъ и врачъ до вступленія на дѣйствительную службу проходятъ серьезную практическую школу: первый въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ страны, послѣдній въ многочисленныхъ клиникахъ и анатомическихъ кабинетахъ. Только теологъ, на кото-

ромъ будутъ въ послѣдствіи лежать обязанности духовнаго врача и духовнаго судіи, не имѣлъ мѣста для практическихъ занятій, не имѣлъ возможности пріобрѣсти опытность и тактъ, необходимый для прохожденія священническихъ обязанностей. Семинарія и должна руководить будущаго пастора во всѣхъ основныхъ моментахъ его общественнаго служенія. Студенты ея должны имѣть возможность говорить не только проповѣди, но и вести благочестивыя собесѣдованія, изучать миссіонерскую практику, организацію учебныхъ и благотворительныхъ заведеній. Распространеніе Св. Писанія въ низшихъ слояхъ общества, посѣщеніе тюремъ, больницъ, присутствіе у одра смерти—все это должно быть практически знакомо кандидату на священство, и всѣмъ этимъ запасомъ практическихъ знаній теологъ долженъ овладѣть во время своего пребыванія въ проповѣднической семинаріи. Католическія семинаріи въ такомъ именно порядкѣ и ведутъ свое дѣло; потому патеры обладаютъ тактомъ въ обращеніи съ людьми всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній. Католическія семинаріи развиваютъ въ своихъ питомцахъ духъ братства и высокой нравственной солидарности. Совмѣстная жизнь кандидатовъ на пасторство въ проповѣдническихъ семинаріяхъ должна повести къ такимъ же послѣдствіямъ; а это уже само по себѣ достаточно сильная опора противъ сепаратизма. Сепаратизмъ—больное мѣсто въ современномъ протестантизмѣ. Борьба съ нимъ привлекаетъ вниманіе не только прусскихъ протестантовъ, но жителей Баваріи. Въ *Protest. K. Zeit.* обнародованъ статутъ «Общества либеральныхъ протестантовъ». Въ этомъ статутѣ между прочимъ сказано: «союзъ Баварскихъ протестантовъ поставилъ своею задачей устроеніе баварской протестантской церкви въ духѣ евангелической истины и протестантской свободы». Но это общая задача союза; статутъ перечисляетъ и частныя цѣли общества, достиженіемъ которыхъ обусловливается выполненіе общей задачи союза. Союзъ имѣетъ въ виду а) возбудить чистое евангелическое сознаніе въ своихъ сочленахъ и стремленіе къ строгой христіанской жизни; б) возбудить охоту къ изученію евангелической истины, изученію, свободному отъ вліянія не-протестантскаго

іерархическаго авторитета; с) установить духовное единеніе отдѣльныхъ церковныхъ общинъ, духовенства и мірянъ для совмѣстной нравственно-христіанской дѣятельности; d) оживить духовную связь Баварской мѣстной церкви съ нѣмецкимъ протестантизмомъ; e) вкоренить христіанскую снисходительность и уваженіе къ различнымъ исповѣданіямъ. Статутъ показываетъ, такимъ образомъ, что Баварское общество задалось цѣлію достигнуть высшей формы церковно-общественной организаціи, полной духовной и нравственной солидарности между всѣми членами протестантской церкви. Въ основу этой формы общество положило принципъ, лишенный формы—это абсолютная протестантская свобода мысли и изслѣдованія. Исторія протестантизма уже осудила этотъ принципъ; вскорѣ послѣ отдѣленія отъ римской церкви протестантизмъ распалось на множество сектъ, враждебныхъ одна другой; о свободѣ мысли и изслѣдованія перестали думать. Это показываетъ, что задачи Баварскаго общества, руководящагося такимъ неопредѣленнымъ принципомъ, едва ли осуществятся. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли ожидать въ заключеніи того, чего нѣтъ въ посылкахъ? Если принципъ дѣятельности лишень определенной конкретной формы, то и самая дѣятельность неминуемо расплывется въ противорѣчіяхъ.

Параллельно съ организаціей внутренней миссіи западноевропейскіе христіане заняты организаціей миссіи внѣшней,—заботами о проповѣди Евангелія среди евреевъ и язычниковъ.

Положеніе евреевъ въ западной Европѣ внушаетъ миссіонерамъ надежду распространить между ними ученіе Христова. Одинъ путешественникъ по Венгріи присматривался къ жизни евреевъ и сдѣлалъ такія наблюденія. Опора еврейства—низшія школы, распространенныя по всей Венгріи; каждая изъ этихъ школъ заключаетъ въ себѣ до 70 человекъ воспитанниковъ; отсюда и течетъ живая вода еврейства; если удастся замѣнить мутныя еврейскія традиціи чистымъ ученіемъ христіанства, то тѣ же низшія школы явятся первыми разсадниками христіанскихъ общинъ въ еврействѣ; но пока маленькіе евреи получаютъ понятіе о христіанствѣ изъ каррика-

турь. Ближе къ христіанству стоитъ реформированное іудейство, центръ котораго въ Буда-Пештѣ. Здѣсь замѣчается сильная мадьяризація еврейства. Въ нѣкоторыхъ синагогахъ общественное богослуженіе совершается на чистомъ венгерскомъ языкѣ; семейная жизнь, костюмы, нравы, обычаи будапештскихъ евреевъ очень походятъ на мадьярскіе. Нѣкоторые евреи прямо называютъ себя мадьярами. За этимъ движеніемъ къ націонализаціи идутъ и строгіе евреи, хотя они ревностно оберегаютъ свой богослужебный языкъ и нравы. Путешественникъ опредѣленно не говоритъ о германизаціи евреевъ; но параллель, которую онъ проводитъ между германскимъ и мадьярскимъ вліяніемъ на евреевъ, показываетъ, что и въ нѣмецкихъ евреяхъ замѣчается движеніе къ ассимиляціи съ господствующимъ племенемъ. Подобныя движенія всего лучше обезпечиваютъ успѣхъ христіанской проповѣди въ еврействѣ. Для иллюстраціи этого взгляда путешественникъ приводитъ исторію христіанскихъ симпатій одного раввина. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ раввинъ издалъ три брошюры, гдѣ призываетъ своихъ единовѣрцевъ къ признанію Христа Мессіей. Эти брошюры собственно и заставили познакомиться путешественника съ раввиномъ, который откровенно рассказалъ ему перипетіи своей духовной борьбы. Наблюдая надъ жизнью евреевъ, раввинъ замѣчалъ, какъ евреи, получившіе европейское образованіе, мало-по-малу отклонялись отъ вѣры отцевъ, но примыкали не къ религіознымъ обществамъ христіанскимъ, а становились въ ряды матеріалистовъ и атеистовъ. Когда 3 сына самого раввина, богато одаренные юноши, пошли въ университеты, отецъ оказался безсильнымъ удержать ихъ на лонѣ іудейства. И вотъ начинается борьба въ душѣ отца, — много бессонныхъ ночей провелъ несчастный раввинъ, придумывая, какъ удержать дѣтей отъ паденія въ ту нравственную пропасть, на краю которой они стояли. Единственное средство раввинъ нашель въ ученіи Евангелія; только оно одно, по мнѣнію раввина, можетъ спасти и его дѣтей и все іудейство отъ гибели въ волнахъ антирелигіозныхъ доктринъ, которыя разлились по всей западной Европѣ. Но понимая высокое значеніе христіанства въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія че-

ловѣка, раввинъ не думалъ оставлять іудейства, онъ хотѣлъ сохранить свой постъ, хотѣлъ дѣйствовать на своихъ единомышленниковъ съ раввинской кафедры. Для него христіанство и іудейство—одно и то же; если законъ іудейскій получаетъ въ христіанствѣ надлежащее освѣщеніе, то и христіанство вполне зависитъ отъ іудейства; поэтому можно быть и христіаниномъ и сохранять законъ іудейскій, понимая его такъ, какъ объяснилъ Христосъ въ Евангеліи. Семья раввина раздѣляла его убѣжденія. Послѣ изданія своихъ брошюръ раввинъ получилъ сочувственныя письма отъ своихъ сослуживцевъ. Когда въ раввинѣ приняла участіе англійская миссія, когда о немъ заговорили миссіонерскія газеты, евреи испугались того, что раввинъ опубликуетъ письма симпатизирующихъ ему членовъ еврейской общины. Прошла молва, что раввина подкупили за 50 тысячъ флориновъ, заставили издать чужія брошюры подъ своимъ именемъ и т. п. Его лишили мѣста, у него отняли кредитъ; но это не заставило раввина ни отступить отъ своихъ убѣжденій, ни перейти въ христіанство, принявъ крещеніе. По его словамъ многіе раввины держатся подобныхъ же убѣжденій и должно ожидать, что когда-нибудь эти убѣжденія съ неодолимою силою вторгнутся въ еврейскую жизнь. (Ew. luth. Kirch. Zeit. №№ 6—7, 1890 г.).

Трудно рѣшить вопросъ, въ какомъ отношеніи стоятъ христіанскія симпатіи евреевъ къ ихъ стремленіямъ ассимилироваться съ населеніемъ Европы путемъ усвоенія европейской культуры. Стремленія евреевъ къ ассимиляціи съ тѣмъ племенемъ, гдѣ они живутъ, были отмѣчены даже въ беллетристикѣ въ началѣ 80-хъ годовъ. Они ли породили христіанскія симпатіи, или, наоборотъ, самыя стремленія къ ассимиляціи вышли изъ недовольства евреевъ своимъ религіознымъ міросозерцаніемъ, изъ ихъ желанія усвоить себѣ научное міровоззрѣніе, созданное христіанскими народами—рѣшать не беремъ. Важно отмѣтить фактъ, что въ еврействѣ существуютъ признаки религіознаго броженія, что тамъ обнаруживается такъ или иначе тяготѣніе къ христіанству. Протестанты пошли на встрѣчу этому тяготѣнію. Въ Лейпцигѣ суще-

ствуешь семинарія (при Institutum Judaicum), специальное назначеніе которой готовить проповѣдниковъ евангелія среди евреевъ. Изъ ея воспитанниковъ вышли уже замѣчательные и энергичные миссіонеры. Одинъ изъ нихъ — Эмилиѣ Бургеръ, получившій общее богословское образованіе въ Лазаннѣ, управляетъ дѣлами Парижскаго «Общества распространенія христіанства среди евреевъ». Благодаря его энергіи, дѣятельность общества поставлена на прочныхъ основаніяхъ. Въ rue Vivagues Общество открыло залъ для собесѣдованія съ евреями и положило основаніе миссіонерской библіотекѣ. Интересъ къ миссіонерской дѣятельности среди евреевъ вызвалъ изданіе журнала Reveil Israël, который читается далеко за предѣлами Франціи и признается однимъ изъ лучшихъ миссіонерскихъ изданій. Воспитанники Лейпцигской семинаріи дѣйствуютъ и за предѣлами Европы. Фладъ—ветеранъ еврейской миссіи въ Абиссиніи, обогатилъ мѣстную литературу цѣнными переводами, между которыми видное мѣсто занимаетъ переводъ евангелія изъ Bibelwerk'a Гарлаха. Фладъ вызвалъ къ дѣятельности и мѣстныя миссіонерскія силы; между абиссинскими миссіонерами изъ евреевъ замѣчательны Аргавъ (Argaw). Въ Триполиѣ миссіонерствуетъ другой воспитанникъ Лейпцигской семинаріи Павелъ Лаубъ. Онъ остановился пока въ прибрежномъ городѣ Триполи. Изъ его письма въ Ev. luth. Kirch, Zeit. видно, что въ Триполи отъ 8—10 тысячъ евреевъ. Еврейская община управляется раввинами, которыхъ тамъ называютъ хаханами. Вліяніе раввиновъ громадно: раввинъ можетъ арестовать еврея и подвергнуть его тяжелому денежному штрафу. «Что значитъ восточная таможня», пишетъ Лаубъ, «мы узнали только теперь; цѣлый день понадобился, чтобы выручить оттуда книги и экземпляры Новаго Завѣта. Дѣло не обошлось безъ помощи австрійскаго и германскаго консуловъ; тотъ и другой еврей. Мы проповѣдывали евангеліе на улицахъ въ еврейскихъ кварталахъ, въ синагогахъ, заходили въ дома, проникли даже въ домъ главнаго раввина. Скоро, впрочемъ; евреямъ запретили слушать наши проповѣди. Но мы не переставали проповѣдывать на улицахъ и еврей охотно слушали насъ, пока не приближался раввинъ;

завидѣвъ его, евреи разбѣгались. Хотя раввины и запретили евреямъ покупать или брать у насъ книги, все-таки евреи толпами приходили къ намъ по вечерамъ и выпрашивали Новый Заветъ или брошюры. Такое же вниманіе къ нашей проповѣди оказали и евреи подгородніе. Въ окрестныхъ деревняхъ число евреевъ доходитъ до 800 человѣкъ. Всѣ они жалки и бѣдны: ихъ кузнечный промыслъ плохо оплачивается» «Погибшій народъ! Онъ настоятельно нуждается въ проповѣди о Христѣ», замѣчаетъ Лаубъ въ концѣ своего письма.

О миссіяхъ среди язычниковъ можно нѣсколько судить по отчету Базельскаго миссіонерскаго общества. Число всѣхъ членовъ общества доходитъ до 21,062 лицъ. Наличный составъ дѣйствующаго миссіонерскаго братства простирается до 2,087 лицъ. Кромѣ того, изъ обращенныхъ язычниковъ принимало участіе въ миссіонерскихъ трудахъ 6 человѣкъ въ качествѣ миссіонеровъ, 34 въ званіи пасторовъ, 215 учителей, и 63 учительницы. Въ отчетномъ году 1037 язычниковъ приняли св. крещеніе. Доходы общества простираются до 1.046.610 фр.; дефицитъ доходитъ до 19,133 фр. Дефицитъ объясняется уменьшеніемъ доходовъ общества какъ разъ въ то время, когда оно расширило свои операціи. Дѣятельность Базельскаго общества сосредоточивается въ 4 пунктахъ—въ Индіи, въ Китаѣ, на Золотомъ берегу и въ Каммеруни. Наибольшихъ успѣховъ общество достигло на Золотомъ берегу, гдѣ 629 новокрещенныхъ увеличили число христіанъ до 8224 лицъ.

Въ современной миссіонерской дѣятельности католической церкви можно отмѣтить назначеніе спеціальной миссіи въ Бразилію. Миссіонеры принадлежатъ къ ордену францисканцевъ. Это назначеніе стоитъ въ тѣсной связи съ дѣятельностію временнаго бразильскаго правительства. Недавно газеты сообщали о декретѣ, которымъ вводится въ Бразиліи гражданскій бракъ. Въ послѣднемъ изъ дошедшихъ до насъ номеровъ *Ev. luth. Kirchs.* отпечатанъ декретъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Сущность декрета заключается въ томъ, что правительство запрещаетъ государственнымъ учрежденіямъ вмѣшиваться въ дѣла церкви (п. 1-й); объявляется свобода вѣроисповѣданій (п. 2-й); имущественныя права религіозныхъ

общинъ приравняются къ правамъ всѣхъ гражданъ; церковныя имущества не секвеструются (п. 5-й); вмѣстѣ съ этимъ правительство запрещаетъ тратить государственныя суммы на поддержку богослуженія въ той или другой религіозной общинѣ (п. 1); наличному персоналу католическаго духовенства правительство союза обеспечиваетъ уплату жалованья; на одинъ годъ оно принимаетъ на себя также и расходы по содержанию семинарій. Декретъ былъ сообщенъ по телеграфу, при чемъ правительство объявило, что оно не можетъ теперь имѣть своего представителя въ Ватиканѣ, но въ интересахъ бразильскихъ католиковъ оно постарается сохранить возможно лучшія отношенія къ Ватикану.

N.

ГРЕЧЕСКІЕ ТРАГИКИ И СОФИСТЫ.

(Литературно-философское движеніе въ Аѣинахъ послѣ Персидскихъ войнъ).

Въ предыдущемъ очеркѣ мы успѣшили перейти отъ Пифагорейцевъ къ *идеямъ и діалектикѣ* Платона, не остановившись на софистахъ и Сократѣ. Это мы сдѣлали съ тою цѣлію, чтобы наша классификація философскихъ направленій, указывающая движеніе философской мысли въ исторіи, отчетливо была понята читателемъ: ученіе Платона объ идеяхъ стоитъ въ тѣсной связи съ ученіемъ Пифагорейцевъ о числахъ и одно другое дополняетъ и поясняетъ. Теперь мы позволимъ себѣ вернуться назадъ и занять вниманіе читателя краткимъ обзорѣніемъ литературно-философскаго движенія въ Аѣинахъ, начавшагося тотчасъ послѣ Персидскихъ войнъ. Исторія этого движенія вообще поучительна и въ частности необходима для насъ, такъ какъ безъ предварительнаго ознакомленія съ этимъ движеніемъ философская дѣятельность Сократа и діалоги Платона не всегда могутъ быть понаты надлежащимъ образомъ.

Битва при Саламинѣ, доставившая свободу Греціи и гегемонію Аѣинамъ, была такимъ великимъ историческимъ событіемъ, что нелегко опредѣлить всѣ послѣдствія этого событія. Не даромъ говорятъ, что здѣсь совершилась побѣда Запада надъ Востокомъ, Европы надъ Азією, ума надъ физическою силою. Въ Греціи началось новое умственное движеніе и Аѣины сдѣлались центромъ этого движенія. Всякому образован-

ному человѣку извѣстно, какой блестящій періодъ цивилизаціи въ Греціи насталь вскорѣ послѣ Персидскихъ войнъ. Во главѣ этой цивилизаціи стояли опять-таки Аѣины.

Въ это время на первомъ планѣ мы встрѣчаемся съ новымъ литературнымъ движеніемъ въ Аѣинахъ,—съ трагедіями знаменитыхъ въ древности трагиковъ: *Эсхила*, *Софокла* и *Еврипида*.

Эсхилъ. Появленіе трагедій Эсхила тѣсно связано съ окончаніемъ Персидскихъ войнъ. Его извѣстная трагедія: «Персы» поставлена на сценѣ Аѣинскаго театра не позже, какъ чрезъ 8 лѣтъ послѣ Саламинской битвы, и какъ разъ изображала это событіе. Остановимся на этой трагедіи.

Прежде всего, конечно, патріотическое чувство служило стимуломъ къ созданію названной трагедіи Эсхиломъ. Онъ былъ воиномъ и участвовалъ въ двухъ знаменитыхъ битвахъ грековъ съ персами — при Мараѣонѣ и Саламинѣ. Такимъ образомъ, онъ, какъ очевидецъ, изобразилъ въ трагедіи: «Персы» Саламинскую битву. «Первымъ, говоритъ въ трагедіи персидскій вѣстникъ, со стороны грековъ шло правое крыло — спокойно, въ порядкѣ; затѣмъ тронулся весь остальной флотъ. Слышны были громкіе и дружные крики: о, дѣти эллиновъ, идите спасать отчизну, спасайте дѣтей, женъ, жилище дѣдовскихъ боговъ, гробницы предковъ; теперь предстоитъ намъ за все сразиться. Мигомъ сцѣпились корабль съ кораблемъ; началъ же нападеніе эллинскій корабль и сшибъ всѣ верхушки на финикійскомъ; потомъ сцѣпились другіе. Сперва персидское войско еще выдерживало; но когда сцѣпились въ узкомъ проходѣ, то тутъ уже взаимной помощи нельзя было подавать; сами же корабли другъ друга разили носами и ломали весла. Эллины же поумнѣе распорядились и всюду насъ колотили. Корабли опрокидывались кверху дномъ. Море до того наполнилось обломками и трупами, что даже не видать его было. Полны также были трупами берега и скалы. Тутъ сколько ни было кораблей въ варварскомъ войскѣ, всѣ въ безпорядкѣ въ бѣгство обратились. А эллины обломками весель и кораблей били нашихъ (т. е. персовъ) словно тунцовъ или другую рыбу. Воплями и ликованіями до тѣхъ

поръ оглашались волны, пока не пощадила персовъ темная ночь» и т. д.

Такое живое и блестящее описаніе битвы автора-очевидца приводило зрителей въ восторгъ.—тѣмъ болѣе, что память о славной битвѣ, какъ говоритъ Ордынскій (перев. трагедіи на русскій языкъ), была свѣжа. Между зрителями было много такихъ, которые лично участвовали въ ней; были, безъ сомнѣнія, Аристокъ и Фемистокль; присутствовали старики и женщины, не забывшіе, конечно, еще того печальнаго времени, когда они, тѣснимые персами, принуждены были выселиться изъ Аѳинъ въ Трезену, Эвбею и Эгину; присутствовала, наконецъ, молодежь, выросшая въ этихъ опасностяхъ. Театръ былъ устроенъ такъ, что изъ него открывался видъ даже на море и потому самыя мѣста напоминали зрителямъ объ этомъ славномъ времени: передъ глазами ихъ были разоренные Ксерксомъ храмы,—поправить ихъ еще не успѣли; разстлалось море—поприще ихъ доблести; видѣнъ былъ островъ Пенталія, на которомъ перебитъ былъ цвѣтъ персидскаго войска; видна была гора Эгалий, гдѣ стоялъ тотъ серебряный тронъ Ксеркса, сидя на которомъ онъ наблюдалъ за ходомъ битвы (Предислов.). Патриотическое чувство было такъ сильно возбуждено, что, по словамъ комика—Аристофона, Эсхиль «заохотилъ зрителей всюду побѣждать враговъ».

Но для насъ важна другая сторона трагедіи Эсхила: «Персы». Въ ней Эсхиль является мыслителемъ, объясняющимъ такое великое событіе, какъ побѣда грековъ надъ персами, *съ высшей точки зрѣнія*. Неожиданное спасеніе грековъ отъ безчисленныхъ персидскихъ полчищъ не могло не показаться грекамъ удивительнымъ и превышающимъ человѣческія силы. Въ большинствѣ случаевъ народъ, повидимому, простодушно вѣрилъ въ то, что въ рядахъ греческаго войска сражались герои Троянской войны; не исключалось при этомъ и участіе отечественныхъ боговъ (Геродотъ). Эсхиль также находилъ данное событіе выходящимъ изъ предѣловъ человѣческихъ силъ; но въ своихъ религіозныхъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ онъ стоялъ выше толпы: не герои Троянской войны и даже не боги погубили Ксеркса съ его громаднымъ войскомъ и

спасли Грецію, а всеправосудная *Судьба* (*моїра*). «Кто изъ смертныхъ уклонится отъ коварнаго обмана Судьбы? Кто коварною ногою, легкимъ скачкомъ убѣжитъ отъ нея?» говоритъ хоръ персидскихъ старцевъ, когда неизвѣстность относительно положенія Ксеркса и его войска начала беспокоить оставшихся дома.

Великое историческое событіе представлено въ трагедіи Эсхила въ такомъ видѣ: Ксерксъ, персидскій царь, задумалъ силою подавить Грецію; для этого онъ собралъ войско изъ всѣхъ подвластныхъ ему странъ. Въ началѣ трагедіи хоръ на цѣлой страницѣ перечисляетъ лишь имена народовъ и племенъ, откуда собрано было войско для похода на Грецію, — главныхъ военачальниковъ, которые отправились, предводительствуя войсками, въ Грецію. «Всѣ ушли, говоритъ хоръ, покинувъ Сузы, Экбатаны, и древнюю крѣпость Киссіеву; одни — на коняхъ, другіе — на корабляхъ, третьи — на сушѣ, образуя военные полки». Царь и войско проникнуты гордымъ сознаніемъ, что никто не можетъ противостоять персамъ и ничто не можетъ удержать ихъ. «Нѣтъ никого, кто устоялъ бы противъ великаго потока мужей, кто крѣпкими плотинами сдержалъ бы необоримую волну моря». Послѣ этого каково же было трагическое положеніе царя и войска, когда всемогущая и всеправосудная *Судьба* обрушилась противъ гордаго властелина съ его надменными военачальниками! Мы видѣли, какъ греки били персовъ веслами и обломками кораблей. «Гибло, говоритъ персидскій вѣстникъ, войско персидское и на морѣ и на сушѣ, гибло въ бѣгствѣ — въ Доридѣ, въ землѣ Ахейской, въ городахъ Тессалійскихъ. Но всего множества золъ я не рассказалъ бы, хотъ десять дней рассказывай».

Греческій *политеизмъ* получилъ достаточно опредѣленную и совершенную форму у Гомера и Гезіода. Когда явилась философія въ Греціи, то она не могла итти рука объ руку съ *антропоморфическою* религіею грековъ, гдѣ различные невидимые личные агенты господствуютъ надъ различными областями міра и производятъ каждый въ своей области различныя міровыя явленія: громъ, молнію, землетрясеніе, наводне-

ніе, моровую язву и т. д. Философія съ самаго начала своего появленія стремилась уразумѣть міръ въ его единствѣ: отыскивала или единое начало, какъ основаніе міра, или единство мірового порядка и законовъ, дѣйствующихъ въ мірѣ и производящихъ міровыя явленія; поэтому, она или игнорировала народныхъ боговъ, или относилась къ нимъ критически, какъ это мы видимъ у Ксенофана. Но нашелся пунктъ въ теологіи Гомера, который ассимилировался и съ философіею; по крайней мѣрѣ — у нѣкоторыхъ философовъ. Это — ученіе Гомера о *Судьбѣ*.

Нельзя сказать, чтобы понятіе Гомера о *Судьбѣ* было вполне ясно и опредѣленно. Вотъ что достаточно ясно у Гомера относительно Судьбы: не только участь человѣка и цѣлыхъ народовъ находится въ рукахъ *Судьбы*, но и сами боги, не исключая и Зевса, находятся въ зависимости отъ нея; она выше боговъ. Она представляетъ собою *неизбѣжность* и *необходимость*. Какъ понимать эту необходимость и неизбѣжность, едва ли мы найдемъ у Гомера отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но самая эта недосказанность въ понятіи о *Судьбѣ* давала возможность развиваться этому понятію. Этотъ терминъ встрѣчается у нѣкоторыхъ философовъ. Но понятіе философовъ о *Судьбѣ* получаетъ болѣе опредѣленный, глубоко-философскій смыслъ. У Гераклита, напр., подъ *судьбою* (*εἰμαρμένη*) разумѣется, *общеміровой порядокъ*, *міровая необходимость* въ смыслѣ *необходимыхъ законовъ природы* (*παντα δὲ κατ' εἰμαρμένην, τὴν δ' αὐτὴν ὑπάρχειν ἀνάγκην*. — Stob. Eclog. 1.178). Такимъ образомъ, *Судьба*, по Гераклиту, существуетъ не внѣ и не подлѣ міра; она составляетъ необходимые законы *видимаго міра*. Эту судьбу человѣкъ можетъ познавать даннымъ ему разумомъ, такъ какъ необходимый *общеміровой порядокъ* носитъ на себѣ отпечатокъ разума (*Ἡράκλειτος οὐσία* εἰμαρμένης ἀπεφύρατο λόγον, τὸν διὰ οὐσίας τοῦ παντός διήκοντα. — Ibid.). Умѣстно указать здѣсь на «введеніе» въ поэму: «О природѣ» Парменида, гдѣ говорится, что душа, несомая конями и сопровождаемая дѣвами, отправляется въ жилище *Дики* (*Δίκη*), которая обѣщаетъ «открыть ей и непоколебимое сердце легко убѣждающей истины и мнѣнія смертныхъ, не имѣющія не-

сомнѣнности». *Судьба и Дика* нерѣдко отождествляются. Подъ *Дика* разумѣется «право», «справедливость»; но у Парменида, повидимому, подъ нею разумѣется «истина». Впрочемъ, одно другому не противорѣчить: справедливость возможна тамъ, гдѣ есть истина; если говорить: «на вѣсахъ справедливости», то этимъ символомъ хотятъ выразить точность, приближающуюся къ математической точности, дальше которой истина не можетъ идти. Здѣсь разумѣется истина объективная въ смыслѣ необходимыхъ законовъ природы. Гераклитъ также употребляетъ терминъ: *Дика*. Она съ своими слугами—Эриніями есть хранительница законовъ природы. «Солнце, говорится у Гераклита, не переступитъ своей мѣры; если бы это случилось, то Эриніи, помощницы Дики, нашли бы его» (εἰ δὲ μή, Ἐρινυες μὲν δίχης ἐπιχούροι ἐξουρήσουσιν.—Plutarch. De exil. c. II).

По нашему мнѣнію, этимъ путемъ философія повліяла на развитіе Греческой религіи и возвышеніе религіознаго міровоззрѣнія лучшихъ умовъ. Къ послѣднимъ относится и Эсхиль. Мы видимъ, что онъ глубоко убѣжденъ въ существованіи общемірового порядка, проникнуть вѣрою въ общеміровую справедливость (*δίχην*), хранительницу общемірового порядка. Судьба въ смыслѣ всеильной и всеправосудной справедливости не могла допустить, чтобы малый греческій народъ погибъ отъ руки сильнаго персидскаго царя; такая гибель была бы нарушеніемъ господствующаго въ мірѣ порядка. Персидскій царь самъ заслужилъ наказаніе. Въ своемъ гордомъ самомнѣніи онъ возмечталъ идти противъ законовъ природы и переступить предѣлы, положенные человеческой волѣ; а именно: онъ посягнулъ на могущественный Босфоръ—божественныя струи Посейдона, и на священный Геллеспонтъ, сковавши его желѣзными цѣпями, какъ раба.

Трагедіи Эсхила, какъ религіознаго мыслителя, представляютъ собою съ этой стороны особенный интересъ. Съ одной стороны онъ стоитъ на почвѣ народной религіи, какъ чловѣкъ религіозный; съ другой,—ему не чужды стремленія философскихъ умовъ—уразумѣть міръ въ его единствѣ, познать общеміровой порядокъ, найти единую высшую силу, правящую

міромъ. Можно сказать, что Эсхиль идетъ дальше указанныхъ нами философовъ. Тѣ по преимуществу рѣшали вопросы «о природѣ» (περί φύσεως) и почти не занимались вопросами нравственными и общественными. Эсхиль жаждетъ уразумѣть такой міровой порядокъ, который простирается и на человѣческія общества и которымъ должны опредѣляться жизнь и поведеніе каждаго человѣка. Поэтому, если *Судьба* у Гераклита олицетворяетъ собою необходимые законы природы, то *Судьба* у Эсхила есть воплощеніе царствующей въ мірѣ справедливости и носитъ моральный характеръ. Какъ поэтъ, стоящій на почвѣ народной религіи, Эсхиль не могъ удовлетвориться абстрактнымъ понятіемъ *Судьбы*; онъ воплощаетъ ее въ личнаго агента: всемогущая и всеправосудная сила, управляющая міромъ, есть Зевсъ. Зевсъ Эсхила не есть уже Зевсъ Гомера; онъ не есть *primus inter pares* и не зависитъ отъ *Судьбы*, какъ у Гомера. Не даромъ замѣчаютъ, что послѣ Персидскихъ войнъ «мысль о единомъ, вездѣсущемъ, во всемъ проявляющемся, связующемъ въ стройное цѣлое, божественномъ началѣ является преобладающею въ Греческомъ обществѣ» (*Деревицкій*. — «Изъ исторіи греческой этики»).

Въ настоящемъ нашемъ очеркѣ мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ религіозно-нравственныхъ представленій Эсхила, какъ онѣ выразились въ его трагедіяхъ. Въ этомъ нѣтъ необходимости, такъ какъ г. Деревіцкій въ указанной нами статьѣ: «Изъ исторіи греческой этики», напечатанной въ журналѣ: «Вѣра и разумъ» (за 1886 годъ), съ особенною любовію и увлеченіемъ изложилъ эти религіозно-нравственныя представленія Эсхила въ достаточной полнотѣ. (См. также Dronke.—Die religiösen und Sittlichen Vorstellungen des Aeschilos und Sophocles). Перейдемъ къ трагедіямъ Софокла.

Софокл. На трагедіяхъ Софокла мы намѣрены остановиться нѣсколько больше, чѣмъ остановились на трагедіяхъ Эсхила, — по разнымъ причинамъ: а) трагедіи Софокла признаются наиболѣе совершенными среди трагедій Эсхила и Еврипида; б) его трагедіи по преимуществу совпадаютъ съ блестящею эпохою Перикла и до извѣстной степени служатъ выраженіемъ ея, а равно — выраженіемъ направленія

лучшихъ умовъ того времени; в) онѣ по духу и направленію солидарны той философiи, которую развивали Сократъ и Платонъ; г) нашъ взглядъ на основныя идеи трагедiй Софокла не совпадаетъ со взглядомъ нѣкоторыхъ писателей.

Въ статьѣ г. Деревицкаго приведены взгляды нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей (Дронке, Гюнтера) на трагедіи Софокла. По одному изъ этихъ взглядовъ (Дронке), Софокль проникнутъ сознаниемъ слабости, безсилія и ограниченности человѣка болѣе, нежели какой бы то ни былъ другой поэтъ древности, такъ что въ этой чертѣ авторъ усматриваетъ коренную и существенную особенность, такъ сказать, ядро религиозно-нравственныхъ представленій Софокла. Другой (Гюнтеръ) стоитъ на томъ, что у Софокла проповѣдуется неизбежность судьбы для человѣка. Самъ г. Деревицкій говоритъ о Софоклѣ, что онъ скорѣе заявляетъ себя фаталистомъ, между тѣмъ какъ Эсхиль болѣе или менѣе явно склоняется на сторону индетерминизма. Дронке договорился даже до того, что будто бы, по Софоклу, смертный иногда по волѣ боговъ подвергается неза заслуженному страданію. Конечно, съ нашей стороны смѣло не соглашаться съ специалистами, тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ разсматривать трагедіи Софокла съ иной точки зрѣнія.

Извѣстно, что Сократъ и самъ почиталъ и другихъ убѣждалъ почитать отечественныхъ боговъ; напротивъ, порицалъ философовъ метафизиковъ за то, что они желаютъ познать и уразумѣть тайну, скрытую богами отъ людей. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы человѣкъ стремился къ познанію «самого себя» (γινῶσι σεαυτὸν), считая это знаніе полезнымъ какъ для самого познающаго, такъ и для другихъ. Чрезъ это онъ названъ философомъ, который «свелъ философію съ неба на землю». По нашему мнѣнію, существуетъ солидарность между Сократомъ и Софокломъ. Послѣдній сдѣлалъ въ области поэзіи то же, что сдѣлалъ Сократъ въ области философiи, т. е. свелъ поэзію съ неба на землю. Онъ по преимуществу сосредоточилъ вниманіе на изученіи людскихъ характеровъ, не дѣлая попытки къ реформированію народной религіи, какъ это дѣлалъ Эсхиль, и не усиливаясь проникнуть въ планы и пред-

начертанія боговъ по отношенію къ человѣческимъ обществамъ и къ каждому человѣку въ отдѣльности. «Волю боговъ, говорится въ одномъ изъ фрагментовъ, если они скрываютъ ее, не узнать тебѣ никогда, хотя бы ты изслѣдовалъ всю вселенную» (650 fr. *Деревницкій* 43 стр.). Если такъ, то этимъ объясняется отношеніе Софокла къ народной эллинской религіи. Эта религія удерживается Софокломъ во всей ея цѣлости, какъ и Сократъ не затрогиваетъ ее. Въ трагедіяхъ Софокла всюду дѣйствуютъ боги, Судьба и т. д. Хоръ поетъ гимны въ честь боговъ, въ которыхъ дѣлаетъ обращеніе къ правосудному Зевсу, къ Аѳинѣ, дочери великаго Зевса, къ Аполлону, далеко мечущему свои стрѣлы, къ Вакху и т. д. Совершенно вѣрно полагаютъ, что Софоклъ въ своихъ трагедіяхъ есть болѣе вѣрный выразитель религіозныхъ, народно - Эллинскихъ воззрѣній, чѣмъ Эсхилъ. Но еще вопросъ: держался ли простодушно самъ Софоклъ этихъ народныхъ вѣрованій и воззрѣній? Мы полагаемъ, что религіозныя воззрѣнія Софокла были болѣе идеальны и возвышенны, чѣмъ вѣрованія толпы, какъ и воззрѣнія Сократа, который тѣмъ не менѣе передъ смертію напомнилъ Критону: мы обязаны пѣтухомъ Эскулапу. Нельзя думать, чтобы великій трагикъ - мыслитель, жившій въ блестящій періодъ просвѣщенія, искренно вѣрилъ въ богиню, которая въ его трагедіи говоритъ Одиссею: «а издѣваться надъ врагомъ не пріятно ли?» (*Аяхъ* 79 ст.). Скорѣе можно думать противное. Вся сцена между Одиссеемъ, Аѳиною и Аяксомъ представляетъ Аѳину не въ благовидномъ свѣтѣ, такъ что, повидимому, самъ Одиссей былъ противъ того, чтобы издѣваться надъ врагомъ (что онъ и показалъ въ концѣ трагедіи), не смотря на то, что Одиссей, какимъ онъ является въ трагедіяхъ Софокла, не всегда удерживается въ предѣлахъ принятой нравственности. Вообще приведенный примѣръ скорѣе сближаетъ Софокла во взглядахъ на народную религію съ Еврипидомъ. То же нужно сказать и относительно вѣрованія Софокла въ *Судьбу*, истребляющую поголовно весь родъ тяжкаго преступника—до третьяго и четвертаго поколѣнія. Вѣдь у Софокла Исмена—дочь Эдипа не погибаетъ отъ ударовъ *Судьбы*; по крайней мѣрѣ, изъ трагедій

Софокла не видно этого. Не погибаетъ отъ неумолимой *Судьбы* и Электра—дочь Агамемнона, а равно и сестра ея—Хрисоемида и братъ ея—Орестъ. Самъ Эдипъ, величайшій, хотя и безсознательный и невольный, преступникъ, не погибаетъ отъ *Судьбы*, напротивъ: подъ конецъ своей жизни онъ является излюбленнымъ богами. Въ трагедіи: «Эдипъ въ Колонѣ» онъ заявляетъ, что «боги снова возстановляютъ его», а Исмена говоритъ, что, по изреченію оракула, судьба другихъ зависитъ отъ него (392 ст.). Все это противорѣчитъ народному вѣрованію въ *Судьбу* и, повидимому, было несогласно съ народнымъ преданіемъ относительно послѣдней участи Эдипа; по крайней мѣрѣ, въ другой трагедіи Софокла Исмена высказываетъ: «отецъ нашъ умеръ подъ бременемъ проклятія и позора» (*Antigon.* 48—9 ст.), что болѣе согласно съ преданіемъ.

Софоклъ принадлежалъ къ другому поколѣнію, чѣмъ Эсхиль, который выросъ и воспитался въ прежнихъ традиціяхъ, господствовавшихъ до Персидскихъ войнъ. Онъ былъ юнымъ, когда совершались празднества послѣ Саламинской битвы, и выступилъ съ своими трагедіями при Периклѣ. Едва ли можно отвергать вліяніе на него философіи Анаксагора; по крайней мѣрѣ, трагедіи Софокла, по нашему мнѣнію, носятъ на себѣ отпечатокъ этого вліянія.

Главная заслуга Анаксагора состояла не въ томъ, что имъ высказано ученіе объ умѣ (*νοῦς*), а въ томъ, что онъ отдѣлилъ умъ отъ матеріи; такимъ образомъ, онъ первый изъ греческихъ философовъ, сколько намъ извѣстно, заявился *дуалистомъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова. Это не могло не отразиться и на психологіи. Мы видимъ, дѣйствительно, что дуализмъ проведенъ былъ и въ ученіе о душѣ: въ человѣкѣ находится душа *разумная* и душа *животная*: послѣдняя, т. е. животная душа, въ дальнѣйшемъ анализѣ распалась на душу *желательную*, или животную въ тѣсномъ смыслѣ, и душу *страстную* (*διμοειδής*); страстная душа занимаетъ среднее мѣсто между разумною и желательною душою. Чисто идеальнымъ, духовнымъ, неизмѣннымъ, *безстрастнымъ* (*ἀπαθής*) остается всегда при всѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ одинъ только умъ (*νοῦς*). Ему принадлежитъ господство надъ страстями; онъ выше всего (*νοῦς ἐστὶ πάντων ἀρχή; αὐτοκρατής, rex sui*).

Вотъ этотъ-то психологическій *дуализмъ* и ученіе объ умѣ, какъ единомъ безстрастномъ и господствующемъ въ душѣ началѣ, и было, по нашему мнѣнію, руководительнымъ началомъ для Софокла при составленіи трагедій. Душа *разумная* и душа *страстная* въ человѣкѣ не всегда находятся въ гармоніи между собою: или та или другая беретъ перевѣсъ; чаще страстная душа преобладаетъ, между тѣмъ какъ господство должно принадлежать уму. Но страсть имѣетъ свойство постепенно возрастать и тогда она дѣлается опасною для человѣка: на высшей ступени она затемняетъ умъ человѣка и приводитъ его къ гибели. Вотъ это-то и есть собственно та судьба, которая губитъ человѣка; по крайней мѣрѣ, это слѣдуетъ признать, если, не заходя далеко, судить съ точки зрѣнія житейскаго опыта. Но отъ этой судьбы есть вѣрное спасеніе; оно заключается въ умѣ, который можетъ и долженъ остававливать развитіе страстей, дабы онѣ не доводили насъ до гибели. Софоклъ въ своихъ трагедіяхъ обыкновенно ставитъ себѣ задачу *психологическую* — показать зрителямъ, какъ извѣстная страсть, овладѣвшая человѣкомъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ растетъ и постепенно затемняетъ разумъ, — какъ въ слѣдствіе этого человѣкъ начинаетъ дѣлать промахи и глупости, которыя въ свою очередь усиливаютъ страстное состояніе, осложняя его новыми чувствами, и какъ, наконецъ, наступаетъ такое безвыходное положеніе человѣка, за которымъ большею частію слѣдуетъ или самоубійство, или самоистязаніе (Эдицъ), или другія сильныя страданія. Обратимся къ самымъ трагедіямъ.

Начнемъ съ трагедіи: «Аяксъ». Краткое содержаніе этой трагедіи таково: Аяксъ, герой Троянской войны, заспорилъ съ Одиссеемъ объ оружіи Ахиллеса и по приговору совѣта вождей оружіе досталось Одиссею. Въ чувствѣ оскорбленнаго самолюбія и гнѣва Аяксъ замышляетъ отомстить Одиссею и прочимъ вождямъ, которыхъ считалъ своими врагами. Богиня Аэлла, покровительница Одиссея, помрачаетъ умъ Аякса и онъ въ темную ночь, выйдя изъ лагеря и встрѣтивъ стадо животныхъ, напалъ на это стадо и сталъ поражать животныхъ — въ той мысли, что онъ поражаетъ своихъ враговъ.

Когда затѣмъ опомнившись, онъ созналъ свой поступокъ, то въ досадѣ на неудавшуюся месть и преслѣдуемый мыслию о томъ, какому осмѣянію онъ послѣ этого подвергнется, онъ не хочетъ болѣе жить, выходить въ поле, бросается на мечъ и умираетъ.

Повидимому, трагедія: «Аяксъ» вторитъ народному вѣрованію: Аякса доводитъ до гибели богиня Аѣина за то, что онъ возмечталъ о себѣ и своей храбрости слишкомъ много и пересталъ почитать боговъ. Вѣстникъ передаетъ, что онъ однажды сказалъ своему отцу: «отецъ, съ богами-то и ничтожный смертный можетъ одержать побѣду; а я и безъ помощи ихъ надѣюсь пріобрѣсти эту славу» (767 ст.). Сама богиня Аѣина была лично оскорблена гордымъ Аяксомъ, когда онъ, по словамъ того же вѣстника, однажды отвѣчалъ ей, побуждавшей его выйти на войну, слѣдующее: «богиня, другимъ Аргивянамъ помогай; а мы сами постоимъ за себя» (774—5). Но мы уже высказали свое мнѣніе о томъ, могъ ли самъ Софокль, жившій въ вѣкъ философіи, простодушно и чистосердечно вѣрить тѣмъ баснямъ о дѣйствіяхъ богини, которыя онъ вводитъ въ трагедію. Значить, причина гибели Аякса—не дѣйствія богини Аѣины. По признанію критиковъ, хоръ представляетъ собою въ трагедіяхъ Софокла «идеальнаго зрителя». Мы въ правѣ думать, что устами хора Софокль, по крайней мѣрѣ—въ большинствѣ случаевъ, если не вездѣ, высказываетъ свои мысли и свои взгляды на поступки дѣйствующихъ лицъ. Этотъ-то хоръ вотъ что говоритъ Аяксу: «наконецъ, несчастный, упорствомъ своимъ достигъ ты злой судьбы безчисленныхъ твоихъ подвиговъ» (925—7 ст.). Нужно знать, кто были герои Троянской войны, чтобы имѣть надлежащее понятіе о характерѣ и душевномъ состояніи Аякса. Прежде всего это были люди знаменитыхъ родовъ и знатнаго происхожденія. Аяксъ высказываетъ, что «долгъ благороднаго (εὐγενής) жить такъ, чтобы онъ могъ сказать отцу, что ни разу не посрамилъ своего рода» (473) и что если нельзя жить такъ, то умереть согласно съ достоинствомъ (ἢ καλῶς ζῆν, ἢ καλῶς τεθνῆκέναι.—479 ст.). Этотъ знатный по происхожденію мужъ не менѣе того извѣстенъ еще своими многочисленными

военными подвигами (слова хора). Конечно, для такого человека, какъ Аяксъ, оскорбленіе было слишкомъ мучительно и жажда мести была слишкомъ сильна. Это и довело его до умопомѣшательства. Такимъ образомъ, причина гибели Аякса была естественная, *психологическая*.

Типъ, подобный Аяксу, выведенъ Софокломъ въ другой трагедіи: «Филоктетъ». Онъ также считалъ себя оскорбленнымъ Одиссеемъ, по совѣту котораго онъ былъ оставленъ одинъ на пустынномъ островѣ—Лемносѣ, когда онъ такъ выражалъ свои страданія отъ раны, что сдѣлался невыносимымъ на кораблѣ, плывшемъ подъ Трою. Здѣсь онъ пробылъ продолжительное время, перенося въ одиночествѣ сильныя страданія и большія лишения. Хоръ—«идеальный зритель» и ему также высказываетъ: «самъ ты пожелалъ этого, а не другимъ сильнѣйшимъ; вовлеченъ ты въ эту пропасть» (1096). И Нептолемъ высказываетъ Филоктету совѣтъ, который соответствуетъ взгляду Софокла: «научись не ожесточаться бѣдствіями» (1385 ст.).

Въ той и другой трагедіи играетъ видную роль умный, ловкій, хитрый Одиссей. Въ Аяксѣ онъ является между прочимъ примирителемъ между Агамемнономъ и Тевкромъ—братомъ умершаго Аякса. Здѣсь онъ въ великодушіи и доблести превосходитъ героевъ Троянской войны, среди которыхъ обращается и дѣйствуетъ. Онъ убѣждаетъ Агамемнона не препятствовать хоронити того, кто при жизни былъ влѣйшимъ его (Одиссея) врагомъ, т. е. Аякса, и самъ участвуетъ при похоронахъ. Въ Филоктетѣ онъ, повидимому, не всегда остается въ границахъ должной честности; но это онъ допускаетъ (напр. обманъ) не ради собственныхъ интересовъ и выгоды, а для пользы отечества и блага грековъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Софокль симпатизируетъ Одиссею и если не считаетъ его своимъ идеаломъ, то во всякомъ случаѣ считаетъ его обладателемъ практическаго ума и житейской мудрости. У него Одиссей говоритъ о себѣ: «какимъ гдѣ нужно быть, такимъ я и бываю» (Philoct. 1049). Особенно черта всепримиряющаго практическаго ума выдвинута Софокломъ въ Одиссея, что составляетъ какъ бы противовѣсъ крайне эгоистическимъ чувствамъ героевъ Троянской войны.

Труднѣе, повидимому, было Софоклу справиться съ его точки зрѣнія съ еивскимъ миеомъ, изображавшимъ судьбу рода Лаобдакова, прославившагося въ древности бѣдствіями и преслѣдованіями неумолимой *Судьбы* за тяжкія преступленія. Сюда относятся трагедіи Софокла: «Эдипъ царь», «Антигона», «Эдипъ въ Колонѣ». Въ самомъ дѣлѣ, Эдипъ по характеру—не таковъ, какъ указанные нами герои Троянской войны—съ ихъ непомерною гордостію, упрямствомъ, крайнимъ самолюбіемъ, чѣмъ они сами себя доводили до гибели. У Софокла Эдипъ представляется добрымъ и мудрымъ царемъ, любящимъ свой народъ и заботящимся объ его благѣ. Въ миеѣ, который положенъ въ основаніе первой изъ указанныхъ трагедій, представляется дѣло такъ, что Эдипъ пострадалъ за то, что убилъ своего отца—Лая и женился на своей матери. Но Эдипъ и послѣ того, какъ совершилось наказаніе за преступленіе, не могъ помириться съ тою мыслию, что онъ дѣйствительно виновенъ въ убійствѣ отца и кровосмѣшеніи съ матерію, какъ по крайней мѣрѣ онъ высказывается въ трагедіи Софокла. «Мои дѣйствія, говоритъ онъ, если только я смѣю сказать правду относительно матери и моего отца, были дѣйствіями болѣе страдающаго, нежели дѣйствующаго; это я достовѣрно знаю» («Эдипъ въ Колонѣ» 266—9 ст.). Антигона—дочь Эдипа, какъ женщина, еще далѣе отстоитъ отъ Гомеровскихъ героевъ. Скажемъ сначала о трагедіи: «Эдипъ царь».

Въ началѣ трагедіи Эдипъ высказываетъ еивскому народу, собравшемуся ко дворцу по случаю моровой язвы въ городѣ, что онъ былъ бы безжалостенъ, если бы такое положеніе города не трогало его, что страданіями народа онъ занятъ болѣе, чѣмъ собственною жизнію. Посылая къ оракулу Аполлона, онъ говоритъ, что онъ готовъ сдѣлать все, чтобы отыскать убійцу Лая и наказать, если того требуетъ спасеніе города отъ моровой язвы. Высказываясь такимъ образомъ, Эдипъ говорилъ искренно, съ убѣжденіемъ, что исполнить то, что обѣщаетъ народу. Но что же мы видимъ послѣ? Какимъ является Эдипъ потомъ, когда, возвратившись отъ оракула, Креонъ и Терезій первоначально не хотѣли сообщить ему отвѣтъ оракула? Тѣмъ болѣе, какъ онъ поступаетъ съ Креономъ и

представителемъ боговъ—Терезіемъ, когда встрѣчаетъ намѣкъ на то, что онъ-то и есть виновникъ страданій народа отъ моровой язвы и убійца Лая? Въмѣсто того, чтобы приступить къ разслѣдованію дѣла, какъ онъ обѣщаль народу, онъ заподозриваетъ Креона—своего родственника въ покушеніи на его царскій тронъ, а Терезія—въ сообщничествѣ съ нимъ. Онъ готовъ обрушиться на нихъ всею своею царскою властію. Тотъ же «идеальный зритель», т. е. хоръ и здѣсь говоритъ: «сколько они могутъ понять, имъ кажется, что его (Эдипа) рѣчи внушены ему *инвома* и что теперь не такое время, а надлежитъ, какъ лучшее, исполнить велѣніе бога» (404—7 ст.). Оивскій мудрецъ въ своей излишней ревности къ своей царской власти дошелъ до умственного ослѣпленія и, забывши о страданіи народа, занялся исключительно своею личностію, не смотря на напоминаніе хора, что теперь не такое время... Такимъ образомъ, неблагопріятныя обстоятельства явились для Эдипа пробнымъ камнемъ и снова вызвали въ немъ ту запальчивость натуры, по которой, конечно, совершилось и убійство отца; онъ явился снова на пути къ тому, чтобы въ гнѣвѣ и запальчивости совершить новое преступленіе. Каково же было его положеніе, когда все раскрылось и онъ увидѣлъ себя великимъ преступникомъ? *Дивленіе* глазъ, которое онъ вырвалъ у себя собственными руками, и удаленіе въ пустыню были *естественными* слѣдствіемъ этого положенія.

Не касаясь пока трагедіи: «Антигона», скажемъ о трагедіи «Эдипъ въ Колонѣ». Эта трагедія своеобразна среди другихъ трагедій Софокла. Собственно говоря, «Эдипъ въ Колонѣ» нельзя назвать трагедіею въ тѣсномъ смыслѣ слова: въ ней не усматривается того, что принято называть трагическимъ. Она своеобразна и въ другомъ отношеніи. Всѣ другія трагедіи по содержанію примыкаютъ или къ эпосу Гомера или къ оивскому миѳу; трагикъ или строго держится того, что ему даетъ эпосъ или миѳъ, развивая на этой почвѣ характеры и дѣйствія въ драматической формѣ, или располагаетъ заимствованнымъ содержаніемъ свободно, согласно своимъ цѣлямъ и планамъ, оставаясь вѣрнымъ эпосу или миѳу лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Хотя въ указанной трагедіи является

на сцену тотъ же Эдипъ съ другими лицами ѳивскаго мѳеа съ прибавленіемъ Тезея, царя аѳинскаго; но содержаніе трагедіи вообще чуждо ѳивскому мѳеу; оно самостоятельно создано поэтомъ. Содержаніе этой трагедіи въ общихъ чертахъ— слѣдующее. Эдипъ, изгнанный изъ ѳивъ сыновьями, какъ самъ онъ говоритъ, послѣ долгаго скитальчества подъ водительствою дочери своей—Антигоны въ нищетѣ и бѣдности, приходитъ, наконецъ, въ предѣлы Аттики. Ему предсказано Аполлономъ, что въ Аѳинахъ у святилища богинь—Евменидъ (Еринія тоже) онъ долженъ кончить свою жизнь. Тезей, аѳинскій царь, принимаетъ его весьма благосклонно. Здѣсь послѣ сцены съ Креономъ, ѳивскимъ царемъ, который хочетъ или хитростію или силою увлечь Эдипа къ ѳивскимъ предѣламъ, что ему нужно было въ борьбѣ съ Полиникомъ, такъ какъ предсказано оракуломъ, что побѣда останется за тѣмъ, на чьей сторонѣ будетъ Эдипъ,—послѣ сцены съ сыномъ своимъ—Полиникомъ, который также домогается того, чтобы склонить отца на свою сторону, по знаку небеснаго грома Эдипъ оставляетъ этотъ мѳръ, невидимый никѣмъ, кромѣ Тезея, которому вмѣстѣ съ городомъ Аѳинами передаетъ свое пророческое благожеланіе.

Трагедія: «Эдипъ въ Колонѣ» написана Софокломъ, какъ признаютъ, въ глубокой старости. Нѣкоторые говорятъ, что поводомъ къ составленію этой трагедіи послужило нѣкоторое несогласіе и даже ссора между Софокломъ и сыномъ его—Іофонтомъ. Какъ бы въ назиданіе сыну, что слѣдуетъ съ уваженіемъ относиться къ престарѣлому отцу, Софоклъ написалъ указанную трагедію. Другіе говорятъ, что Софоклъ этою трагедіею желалъ прославить Аѳины и свою родину—Колофонъ, лежащій близъ города Аѳинъ, гдѣ находилась священная роща богини Аѳины и храмъ Евменидъ. Для насъ несущественно знать, какой былъ внѣшній поводъ къ составленію данной трагедіи. Мы обращаемъ вниманіе читателя на самостоятельно созданное поэтомъ содержаніе трагедіи, на духъ и направленіе, господствующіе въ ней. То и другое не соотвѣтствовало вѣрованіямъ и исторически сложившимся воззрѣніямъ грековъ. Мы привели уже слова Исмены—дочери Эдипа,

гдѣ говорится, что «отецъ ихъ умеръ подъ бременемъ проклятія и позора». Иначе и не могъ думать грекъ, твердо убѣжденный, что такой тяжкій преступникъ, какъ Эдипъ, долженъ понести и соотвѣтствующее преступленію наказаніе. Самъ Эдипъ говоритъ, что «было время, когда ему сладко было бы умереть или быть побиту камнями» (Эдипъ въ Кол. 433—5 ст.). Этого тяжкаго преступника Софокль выводитъ на сцену, какъ излюбленнаго богами; о немъ оракулъ заявляетъ, что будетъ благоденствовать та страна, которая приметъ тѣло умершаго Эдипа; у опозореннаго и проклятаго теперь ищутъ благосклонности владѣтели странъ. Грекъ не могъ со всѣмъ этимъ помириться. Не могъ онъ помириться и съ тѣмъ, чтобы сила заключалась въ дряхломъ старикѣ. Онъ привыкъ высоко ставить силу и красоту *физическую* и къ старости относился, какъ ко злу и бѣдствію. «Наконецъ, говоритъ хоръ въ трагедіи: «Эдипъ въ Колонѣ», приходитъ ненавистная, немощная, угрюмая, друзьями оставленная, старость и съ нею поселяются всякія бѣдствія одни другихъ тяжелѣе» (1236 ст.). Тотъ старикъ, котораго вывелъ на сцену передъ зрителями Софокль, въ особенности не представлялъ собою и тѣни какого-либо величія: одѣтаго въ бѣдное рубище, дряхлаго, усталого, измученнаго невѣждами и лишениями Эдипа-вѣка дочь Антигона. Но по показанію трагика этотъ старикъ бодръ духомъ и богатъ мудростію. «Страданія, долготѣіе и благородство души умудрили его» по его собственнымъ словамъ. Креонъ пустилъ въ ходъ передъ нимъ все свое краснорѣчіе, чтобы склонить его на свою сторону; но старикъ остался непоколебимъ и высказалъ, какъ умудренный опытомъ: «я не знаю праваго человѣка, который говорилъ бы обо всемъ краснорѣчиво» (806—7 ст.). Вотъ въ чемъ сила старика: это—мудрость, сила ума. Она—непоколебима; ей не страшны козни и нападки *Судьбы*; страсти побѣждены; восстановлено полное внутреннее равновѣсіе и гармонія подъ главенствомъ ума и пріобрѣтенной мудрости. Сами Ериніи даютъ ему мѣсто около своего храма для вѣчнаго покоя.

Нужно ли еще продолжать выписывать мѣста изъ трагедій Софокла и приводить примѣры въ подтвержденіе нашего взгляда

да на основныя идеи, проводимыя Софокломъ чрезъ трагедіи въ массу зрителей? И Электрѣ, оплакивающей своего отца, убитаго ея матерью—Клитемнестрою, хоръ намекаетъ на безполезность излишней грусти въ ея безпомощномъ положеніи, указывая вмѣстѣ на вредъ, отсюда происходящій. И Антигонѣ хоръ не разъ высказываетъ неодобреніе. Напр., въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «кажется, эта дѣва наслѣдовала *упорный духъ* упорнаго отца и не хочетъ уступить бѣдствіямъ» (471—2 ст.). Въ другомъ мѣстѣ хоръ рѣзко высказывается о поступкѣ Антигоны: «далеко ты въ *дерзости* зашла и о высокій правды тронъ толкнулась ты дитя; видно, искупаешь грѣхъ отцовскій» (852—5 ст.). И еще: «тебя погубила *гордость* самоуправная» (875 ст.). «Правда не можетъ быть на сторонѣ тѣхъ, которые переступаютъ предѣлы, положенные чело-вѣческой волѣ» (873 ст.). Какъ въ «Электрѣ» характеръ одной сестры противопоставленъ характеру другой, такъ и въ «Антигонѣ» Исмена представляетъ противоположность сестрѣ своей Антигонѣ; симпатіи поэта, повидимому, на сторонѣ Хрисо-емиды и Исмены—болѣе спокойныхъ и разсудительныхъ, чѣмъ Электра и Антигона. Въ этомъ случаѣ поэтъ былъ послѣдователенъ. Въ поклоненіи уму и благоразумію (*εὖ φρονεῖν*) онъ былъ послѣдователенъ даже болѣе, чѣмъ, можетъ быть, слѣдовало бы. Съ его точки зрѣнія хитрость и даже обманъ, повидимому, не только не предосудительны, но даже позволительны, *если за ними слѣдуетъ общая польза и общее благо* (*δοκῶ μὲν οὐδὲν ῥήμα σὺν κέρδει κακόν*. Electr. 61 ст. Смолтр. *Lübker Die Sophocleische Theologie und Ethik. Zweite Hälfte* 58 стр.).

Въ заключеніе не можемъ не выписать того мѣста изъ трагедіи: «Антигона», гдѣ хоръ съ поэтическимъ восторгомъ воспѣваетъ могущество чело-вѣка, одареннаго умомъ.

Много могучаго въ свѣтѣ:
 Но что чело-вѣка могутѣй?
 Онъ и при Нотѣ венастномъ
 Моря сѣдую пучину
 Смѣло пройдетъ, не страшася
 Волнъ отовсюду шумящихъ.
 Онъ истощаетъ богиню,
 Высшую, вѣчно живую,

Неутошимую землю,
 Плагомъ, кружащимъ съ конями,
 Что годъ ея бороздя.
 Въ сѣти завлечь онъ умѣетъ
 Птиць легковѣрное племя,—
 Дикихъ звѣрей; хитроумный,
 Онъ уловляетъ искусно
 Рыбъ, обитательницъ водныхъ,
 Неводомъ, тканымъ изъ вервий.
 Онъ укрощаетъ искусствомъ
 Хищнаго, горваго звѣря;
 Конь густогривый и дикій
 Волю подъ ярмомъ ему служить.
 Слово и умъ легкокрылый
 И общежитія законы
 Созданы имъ; ухитрился
 Онъ избѣгать отъ воздушныхъ
 Стрѣлъ дождевыхъ и отъ жлада.
 Путь ко всему онъ отыщетъ,
 Что ни замыслить; отъ смерти
 Только не знаетъ спасенья;
 Но и въ труднѣйшихъ болѣзняхъ
 Помощь доставить сумѣетъ.

(Антиг. 333—364 ст. перев. Водовозова).

Конечно, есть и общее въ трагедіяхъ Эсхила и Софокла. Напримѣръ, и у Эсхила Орестъ не погибаетъ отъ неумолимой Судьбы; и у Эсхила человѣкъ подъ вліяніемъ умственнаго ослѣпленія переходитъ отъ одного преступленія въ другіе и потомъ уже погибаетъ. Но у Эсхила умственное ослѣпленіе навѣвается дѣйствительно демоническою силою, дѣйствующей *отъвне*, чего мы, по крайней мѣрѣ, не усматриваемъ у Софокла. Чтобы Орестъ — убійца матери, остался живъ, для этого у Эсхила потребовалось вмѣшательство боговъ и очищеніе при храмѣ; такимъ образомъ и здѣсь спасеніе отъ Судьбы приходитъ *отъвне*; иного же спасенія отъ Судьбы Эсхиль не находитъ. Софокль рѣшаетъ, по нашему мнѣнію, всѣ такого рода вопросы, не выходя изъ предѣловъ этого міра, — на почвѣ человѣческихъ страстей и человѣческаго разума, дѣйствующихъ по законамъ, присущимъ ихъ природѣ. Побѣжденный въ состязаніи съ Софокломъ (*δράμα πρὸς δράμα ἀγώνιστορδαί*), Эсхиль удалился изъ Аѳинъ, такъ какъ, вѣроятно,

чувствовалъ, что въ Аѣинахъ началось новое вѣяніе и новое направленіе умовъ, которому удовлетворяли трагедіи Софокла.

Одинъ изъ древнихъ писателей говоритъ: «сначала Богъ училъ древніе роды отъ Пріама и Лая; потомъ сдѣлались учителями народа *трагикки*» (Libanius). И Аристофанъ въ одной изъ своихъ комедій (Лягушки) говоритъ: «мальчиковъ учить учитель, а взрослыхъ — поэтъ». Если — такъ, то немалый переворотъ въ воспитаніи и обученіи аѣинскихъ гражданъ задумалъ совершить Софокль при помощи своихъ трагедій. Развѣнчивая Гомеровскихъ героевъ, выставя на видъ передъ аѣинскими зрителями ихъ эгоизмъ, непомѣрное самолюбіе, заносчивость, кичливость родомъ и происхожденіемъ, горделивое самохвальство физической силою, накопецъ, — упорство, противъ котораго безсильны всѣ доводы и убѣжденія разума (Аякъ, Филоктетъ, Менелай, Агамемнонъ), Софокль тѣмъ самымъ ясно указывалъ зрителямъ, что эти типы, на подражаніи которымъ воспитывались греки, устарѣли, и для аѣинскаго демократическаго общества неудобны. Время исключительнаго физическаго развитія прошло; требуется еще и несравненно въ большей степени *развитіе ума*. Это ясно показала война съ персами, въ особенности битва при Саламинѣ. Не заходя далеко, слѣдуетъ согласиться, что побѣда при Саламинѣ досталась грекамъ благодаря уму и сообразительностиThemistocles. Умъ одного съ слабыми сравнительно физическими силами беретъ перевѣсъ надъ громадными полчищами. Герои Троянской войны не могли бы этого сдѣлать одною физической силою, которою они гордились. Кромѣ Themistocles на глазахъ у всѣхъ была другая умственная сила, которая крѣпко держала Аѣины въ рукахъ. Это — Периклъ. Такимъ образомъ, другой примѣръ показывалъ воочію, что время и обстоятельства измѣнились. Прежде, какъ говоритъ Аристотель, власть захватывалась силою и поддерживалась ею: демагогами были предводители войскъ; а послѣ этими демагогами дѣлались ораторы, увлекающіе народъ своими рѣчами. Такимъ демагогамъ не нужна была физическая сила, чтобы удерживать власть въ своихъ рукахъ: народъ слушался ихъ добровольно, побуждаемый къ тому убѣдительными рѣчами. Такова сила ума!

Еврипидъ. Въ то время, какъ Софокль проповѣдывалъ силу и власть ума ($\nu\omicron\delta\varsigma \epsilon\sigma\tau\iota \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu \acute{\alpha}\rho\chi\eta$) и необходимость новаго направленія въ воспитаніи, готовился выступить на поприще трагедіи новый поэтъ—мыслитель и, удаляясь, по преданію, въ пещеру на Саламинѣ, погружался въ думу, размышляя о положеніи людей и ихъ жизни (эту пещеру на Саламинѣ показывали еще при Гелліѣ, какъ уединеніе поэта - трагика). То былъ *Еврипидъ*. О немъ положительно говорятъ, что онъ увлекался философіею вообще и въ частности—философіею Анаксагора. Послѣдняя повліяла на него, какъ можно полагать, другою стороною, чѣмъ на Софокла; онъ увлекался естественными законами природы, не требующими вмѣшательства боговъ; поэтому онъ открыто возсталъ въ своихъ трагедіяхъ противъ Гомеровскихъ боговъ. Его дѣятельность, какъ трагика, совпадаетъ уже съ періодомъ появленія *софистовъ*. Нѣсколько мыслей, высказанныхъ имъ въ трагедіяхъ, которыя имѣютъ общее съ мыслями, высказываемыми въ то время софистами, послужили къ тому, что его стали считать солидарнымъ этимъ послѣднимъ. Указываютъ и на Сократа, въ обществѣ котораго обращался Еврипидъ. Но наибольшее вліяніе на Еврипида, конечно, имѣлъ Софокль своими трагедіями.

Когда говорятъ объ отношеніи между двумя трагиками—Софокломъ и Еврипидомъ, то остаются по преимуществу на томъ различіи, которое существуетъ между ними. Но мы сначала уважемъ на сходство между ними, а затѣмъ перейдемъ къ различію: Еврипидъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ продолжалъ развивать лишь то, что намѣчено было Софокломъ.

Сказано нами, что Еврипидъ открыто выступилъ противъ Гомеровскихъ боговъ. Мы имѣли случай убѣдиться, что уже Софокль въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ рисовалъ ихъ въ неприглядномъ свѣтѣ. Если читатель познакомится, на примѣръ, съ трагедіею Еврипида: «Ипполитъ», то въ способѣ представленія здѣсь богини Афродиты найдетъ общее съ представленіемъ Аѳины въ «Аяксѣ» Софокла. Кажется, нѣтъ необходимости приписывать вліянію софистовъ то, что Еврипидъ усвоилъ себѣ манеру представлять Гомеровскихъ боговъ съ такими

нравственными качествами и дѣйствіями, какія позорны и для человѣка; эта манера проглядываетъ уже у Софокла. Правда, Еврипидъ въ данномъ случаѣ пошелъ дальше Софокла. Гдѣ Софоклъ ограничился представленіемъ конкретныхъ образовъ, тамъ Еврипидъ дѣлаетъ обобщенія, выражаемыя имъ въ отвлеченной формѣ, какъ положенія. Напримѣръ, онъ говоритъ: «если боги дѣлаютъ зло, то они уже—не боги» (fragm. 294 Dindorf). «Справедливо ли, если боги, начертавшіе намъ законы, первые становятся ихъ нарушителями». «За что обвинять людей, если они подражаютъ порокамъ боговъ, которые подають имъ столь пагубные примѣры?» За такія-то отрицательнаго характера положенія и считаютъ Еврипида солидарнымъ софистомъ и атеистомъ. Но отрицать Гомеровскихъ боговъ для Еврипида не значило еще быть атеистомъ. И мы не рѣшаемся сдѣлать такой приговоръ по отношенію къ религіознымъ воззрѣніямъ Еврипида, что онъ былъ атеистомъ, иначе пришлось бы многихъ изъ древнихъ философовъ причислить къ разряду атеистовъ, начиная съ Ксенофана и Гераклита, которые также и на томъ же основаніи отвергали Гомеровскихъ боговъ, какъ и Еврипидъ. Онъ былъ ученикомъ Анаксагора и обращался въ обществѣ Сократа; ни того ни другого мы не назовемъ атеистами. Въ одномъ мѣстѣ (fragm. 223. 224). Еврипидъ говоритъ: среди насъ живетъ *Дика*, медленная дочь времени, и казнить насъ за преступленія.

Вслѣдъ за Софокломъ Еврипидъ не признаетъ также и Гомеровскихъ героевъ образцами, достойными подражанія,—такъ, чтобы молодое поколѣніе могло нравственно воспитываться на этихъ образцахъ. Говоря о трагедіяхъ Софокла, мы останавливались не на всѣхъ герояхъ Троянской войны, которые выведены Софокломъ въ трагедіяхъ; напр., мы не остановились на Менелай и Агамемнонъ, какими они представлены въ трагедіи: «Аяксъ». Это—два мелкихъ заносчивыхъ честолюбца, желавшіе преслѣдовать Аякса и послѣ его смерти. Тевкръ—братъ умершаго Аякса, достаточно раскрываетъ здѣсь и ихъ родословную и ихъ дѣйствія, вытекающія изъ дурныхъ намѣреній и цѣлей. Еврипидъ по преимуществу выводитъ своихъ героевъ такими, каковы Менелай и Агамем-

нонъ у Софокла, такъ: Менелай у него представленъ ничтожнымъ эгоистомъ, Агамемнонъ—мелкимъ честолюбцемъ. Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что какъ Софокль, такъ и Еврипидъ въ лицѣ этихъ двухъ героев желали выразить свою ненависть и презрѣніе къ враждебной Аѣинамъ Спартѣ. Не отрицая этого въ данномъ случаѣ, мы указываемъ вмѣстѣ на то, что и другіе типы, выведенные Еврипидомъ въ трагедіяхъ, характеризуются съ подобной же стороны; напр., Язонъ есть не что иное, какъ жалкій софистъ, Пентей — хвастунъ, Адметъ—эгоистъ и честолюбецъ. Это ли образцы, на которыхъ слѣдуетъ воспитывать молодое поколѣніе? Правда, мы не настаиваемъ на томъ, что, выводя такими героями Троянской войны и другихъ, которыхъ миѣи и поэзія выдвинули, какъ славныхъ представителей древности, Еврипидъ руководился лишь однимъ, указаннымъ нами, мотивомъ. Но нельзя отрицать того, что и Еврипидъ также, какъ Софокль, желалъ разрушить обаяніе древностію, дабы вызвать въ зрителяхъ сознаніе необходимости новаго направленія въ воспитаніи сообразно съ духомъ времени и новыми требованіями жизни. Дѣйствительно, Еврипидъ, сообразуясь съ новымъ положеніемъ вещей въ Аѣинахъ, выставляетъ, напр., Тезея, аѣинскаго царя (въ трагедіи «Присяжіе немощи»), не какъ полновластнаго царя, а какъ исполнителя народной воли; и вообще устами Тезея развиваетъ политическую теорію правленія Перикла.

Но особенно выдвинуты въ трагедіяхъ Еврипида *женскіе* типы. На это обращено было вниманіе еще древнихъ писателей; на это указываютъ и современные критики. Одни называютъ Еврипида ненавистникомъ женщинъ, такъ какъ онъ приписываетъ имъ ложь, обманъ, хитрость, жестокость и другія дурныя качества. Другіе, напротивъ, восторгаются тѣми женскими типами трагедій Еврипида, гдѣ женщины обнаруживаютъ высокія нравственныя свойства, напр., неуклонное исполненіе долга, безграничную любовь къ дѣтямъ и т. д. Но есть общее между тѣми и другими женщинами трагедій Еврипида; это-то, что женщины являются по преимуществу *страдающими*; страданіе есть какъ бы удѣлъ женщины. Есть и у

Софокла женскіе типы и также представлены страдающими, исключая Исмены и Хрисоэемиды. Особенно Антигона обращает на себя вниманіе. Она страдает и умираетъ, повидимому, только потому, что безгранично любить своего брата и желаетъ, во что бы то ни стало, исполнить божественный законъ. Но Софокль, выводя этотъ типъ женщины, не имѣлъ другой цѣли, кромѣ общей, на которую мы въ своемъ мѣстѣ указали, т. е. показать, что человѣкъ, будетъ ли то мужчина или женщина, одинаково гибнетъ, если даетъ волю развитію страсти, какова бы ни была эта страсть и куда бы она ни направлялась. Еврипидъ занять судьбою и положеніемъ женщины, какъ женщины. Для примѣра возьмемъ извѣстную трагедію Еврипида: «Медея».

Язонъ, одинъ изъ героевъ похода Аргонавтовъ, вывезъ изъ этого похода Медею, дочь царя Колхиды, которая, влюбившись въ него, бѣжала съ нимъ, оставивъ отца и родину; при чемъ не обошлось безъ преступленія съ ея стороны для наиболѣе успѣшнаго побѣга. Въ Коринѣ Язонъ надумалъ жениться на царской дочери, не смотря на тѣ жертвы, которыя Медея принесла ради его, и не смотря на то, что они имѣли двоихъ дѣтей. Такимъ образомъ Медея, оставленная своимъ мужемъ, оскорбленная и униженная, страдаетъ въ своемъ несчастномъ, безвыходномъ положеніи, сознавая безсиліе и безправность безпомощной женщины, брошенной собственнымъ мужемъ въ чужой странѣ. Въ этомъ положеніи Медея придумываетъ мечь своему измѣннику-мужу. Посредствомъ отравленнаго ядомъ убора, который она, прикинувшись примерной и согласившейся на бракъ мужа съ другою женою, послала къ невѣстѣ мужа, убила послѣднюю, тотчасъ надѣвшую на себя этотъ уборъ. Она убила и собственныхъ дѣтей изъ той же мести мужу и безопасная въ колесницѣ своего родоначальника Геліоса проѣхала мимо мужа съ убитыми дѣтьми.

Женщина у Еврипида страдаетъ часто не по своей собственной винѣ, а вслѣдствіе того положенія, въ которое она поставлена; она не рѣдко страдаетъ отъ произвола сильнаго, отъ котораго (произвола) она не ограждена законами. О по-

ложеніи женщины въ Греціи мы не будемъ здѣсь распространяться; оно извѣстно и достаточно видно изъ указанной сейчасъ трагедіи, гдѣ мужъ безнаказанно бросаетъ жену, чтобы жениться на другой и т. д. Въ одной изъ трагедій Еврипида (не помнимъ гдѣ) говорится: «какая брань позорнѣе этого имени (т. е. женщины). По нашему мнѣнію, Еврипидъ не былъ ненавистникомъ женщинъ, а, напротивъ, ихъ защитникомъ, раскрывая передъ зрителями ихъ положеніе и страданія. Безправное положеніе женщины онъ представилъ въ трагедіи: «Ифигенія въ Авлидѣ»; несчастное положеніе женщинъ, доведенныхъ до рабства, онъ выставилъ въ трагедіи: «Троянки». Такое же развитіе страсти, соединенное съ мщеніемъ, какъ въ «Медеѣ», представлено Еврипидомъ въ трагедіи: «Ипполитъ». «Мы, женщины, на добро неспособны», говоритъ Медея; но зло изобрѣтать мы очень мудры» (107—9 ст.). Такимъ образомъ, страшные по своимъ послѣдствіямъ замыслы, созрѣваютъ иногда въ душѣ женщины; но это—естественно въ ея безправномъ положеніи, когда насидѣемъ и произволомъ сильнаго безнаказанно оскорбляются самыя священныя ея права. На это-то и желалъ указать Еврипидъ зрителямъ.

Здѣсь Еврипидъ выступаетъ на самостоятельный путь. Софокль своимъ ученіемъ объ умѣ, оберегающемъ человека отъ гибели и несчастій, и доставляющемъ ему спокойствіе и счастливую, насколько возможно, мирную жизнь, не рѣшилъ всей задачи, которую ставитъ жизнь, или—рѣшилъ ее односторонне; средство, предлагаемое имъ для устройства жизни, не для всѣхъ пригодно въ силу положенія нѣкоторыхъ, котораго индивидуальныи умъ измѣнить къ лучшему не можетъ и въ которомъ «страсть, по словамъ Медеи, дѣлается сильнѣе сознанія благихъ намѣреній» (1049 ст.). Эта страсть направляетъ человека не къ собственной гибели, какъ у Софокла, а къ гибели другихъ; самый разумъ она дѣлаетъ своимъ орудіемъ для злодѣянія и дѣлается опасною. Съ другой стороны, та же страсть въ другихъ случаяхъ бываетъ источникомъ великихъ подвиговъ, движетъ къ самопожертвованію для блага другихъ (Алкеста). Словомъ, Еврипидъ заступаетъ за права женщинъ и за права чувства.

Трудно, сказали мы, опредѣлить всѣ послѣдствія—хорошія и дурныя Саламинской битвы. Послѣ нея всюду въ Греціи пробудилось стремленіе къ свободѣ. Въ этомъ направленіи двигалась жизнь; *въ этомъ же направленіи работала и мысль*. Въ особенности въ Аѣинахъ сильно было указанное движеніе. *Трагедія вообще служитъ выраженіемъ этого движенія*. Эсхиль прославляетъ спасеніе отъ внѣшняго врага и, проповѣдуя вѣру во всеправосудную Судьбу, которая господствуетъ надъ богами и людьми, и—во всесильнаго, премудраго и справедливаго Зевса—олицетвореніе Судьбы, полагаетъ начало освобожденію отъ случайнаго произвола Гомеровскихъ боговъ: высшая разумная, царствующая въ мірѣ, справедливость есть гарантія свободы для справедливаго и честно живущаго человѣка. Это освобожденіе отъ произвола Гомеровскихъ боговъ продолжаютъ проповѣдывать Софокль и Еврипидъ. Софокль проповѣдуетъ свободу и независимость отъ самой Судьбы, губящей человѣка, перенеся эту судьбу въ самого человѣка и разумья подъ нею страсти человѣка. Источникъ и гарантія свободы заключается въ *умѣ*, который есть *rex sui*. Тотъ—рабъ, кто даетъ волю своимъ страстямъ. Здѣсь—въ *страстной природѣ* человѣка заключается источникъ крайняго эгоизма, непомернаго самолюбія, которые порождаютъ произволь и тираннію, пагубныя для людей. Еврипидъ перенесъ проповѣдь объ *освободительныхъ началахъ* непосредственно въ социальную область. Онъ требуетъ прежде всего измѣненія положенія женщинъ въ смыслѣ свободы и огражденія ея правъ отъ произвола сильнаго, каковымъ является мужчина. Вступаясь за права женщинъ, онъ является далѣе защитникомъ слабыхъ вообще; напр., онъ указываетъ зрителямъ, какъ страдаетъ бѣдный отъ притѣсненій богатаго и какъ вообще богатый находится въ почетѣ, а бѣдный—въ презрѣніи, хотя бы послѣдній по душевнымъ качествамъ стоялъ выше богатаго (fragm., 329. Въ своей проповѣди о свободѣ Еврипидъ посягнулъ даже на освященный всею древностію институтъ рабства; по крайней мѣрѣ онъ дерзнулъ указать въ рабѣ благородныя качества души, которыя не всегда имѣетъ свободный (напр. въ «Электрѣ»). Такова логика освободительныхъ началъ въ социальной области.

При такой постановкѣ дѣла необходимо затрогивались существующіе законы и возникалъ вопросъ о законахъ вообще. Вопросъ о законахъ поднять былъ еще Софокломъ въ трагедіяхъ: «Антигона» и «Аяксъ». Въ той и другой трагедіи дѣло представлено въ такомъ видѣ, что законъ власти на землѣ сталъ въ противорѣчіе съ закономъ божественнымъ. Это противорѣчіе ставитъ Антигону въ самое трагическое положеніе. Съ одной стороны, нельзя не исполнить человѣческаго закона, т. е. закона власти, иначе угрожаетъ казнь за преступленіе; съ другой, — нельзя не исполнить и закона божественнаго, иначе впереди угрожаетъ еще большее наказаніе. Въ такомъ случаѣ расшатывается скорѣе вѣра въ справедливость человѣческаго закона, чѣмъ въ справедливость божественнаго закона. «Если, говоритъ Антигона, боги одобряютъ то, что постановляютъ люди, то я сознаюсь, что заслуженно несу наказаніе, а если послѣдніе, ошибаются» (925—7). И въ другомъ мѣстѣ на слова Креона: «ты знала (объ изданіи закона) и дерзнула нарушить его» Антигона отвѣчаетъ: «не Зевсъ его мнѣ возвѣстилъ и не богиня правды, живущая съ подземными богами. Не думала я видѣть столько силы въ твоихъ предписаніяхъ, чтобы, смертный, могъ ты ими потиратъ боговъ законы; неписаны, незыблемы они, явились не вчера и не сегодня, но жили прежде и всегда; начало ихъ никому невѣдомо» (450 ст. и слѣд.). Само собою разумѣется, что и Еврипидъ не могъ не затронуть вопроса о законахъ, если онъ выступилъ съ своею проповѣдію о соціальныхъ реформахъ. Но критики указываютъ на двойственность во взглядѣ Еврипида на законы. Съ одной стороны, онъ говоритъ, что всякій грекъ долженъ чтить законы Эллады; (fragm. 219); съ другой, — онъ высказываетъ, что не слѣдуетъ почитать закона, *исполненнаго стѣсняющей необходимости* (fr. 436). Не думаемъ, чтобы Еврипидъ, дѣйствительно, оставался при раздвоенности взгляда на столь важный вопросъ. По духу и направленію трагедій Еврипида можно судить, что онъ требовалъ реформы нѣкоторыхъ существующихъ законовъ во имя освободительныхъ началъ: но чтобы онъ проповѣдывалъ неповиновеніе законамъ вообще, съ этимъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться: нельзя приписывать

Еврипиду всѣ тѣ мнѣнія, которыя высказываютъ его герои. Не слѣдуетъ забывать замѣчанія Аристофана, высказаннаго Еврипиду въ видѣ порицанія, что не дѣло трагедіи представлять людей, *каковы они есть*, «что вообще поэтъ не все, что есть или было въ дѣйствительности, долженъ выводить въ своихъ произведеніяхъ. Худое слѣдуетъ ему скрывать, а не выводить на сцену» (Лягушки, 1055 ст.). Выводя на сцену людей нравственно-испорченныхъ, Еврипидъ заставлялъ говорить ихъ то, что согласно съ ихъ характеромъ и нравственною природою. Видно, что испорченность нравовъ проникла уже въ аѣинское общество, когда Еврипидъ писалъ свои трагедіи. Какъ обыкновенно бываетъ въ жизни, самое лучшее извращается и дѣлается худшимъ (*Corruptio optimi pessima est.*). То же постигло и освободительныя начала, проповѣдуемыя трагиками. Какое направленіе приняли они въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, увидимъ дальше. Переходимъ къ *софистамъ*.

Θ. Зеленогорскій.

(Окончаніе будетъ).

О ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ЗНАВІЯ

И

ОТНОШЕНІИ ЕГО КЪ БЫТІЮ ОБЪЕКТИВНОМУ.

(Изъ чтеній профессора Казанской Духовной Академіи, В. А. Снегирева).

(Продолженіе *).

II.

Объ отношеніи человѣческаго знанія къ бытію объективному.

Разложеніе знанія, взятаго въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ теперь въ цивилизованной части человѣчества, т. е. въ высшемъ пунктѣ своего развитія, взятаго, затѣмъ, въ любую изъ прежнихъ эпохъ его развитія, наконецъ, въ одномъ даже индивидуумѣ,—приводитъ къ выводу, что существуетъ три—и только три—его источника, три пути, чрезъ которые входитъ въ душу человѣческую то, что составляетъ его содержаніе. Это, во-первыхъ, чувство внѣшнее, открывающее духу человѣческому міръ физическихъ явленій; во-вторыхъ, чувство внутреннее, открывающее внутренній составъ и содержаніе самого духа, а въ немъ и чрезъ него сверхчувственное, духовное бытіе во всей вселенной; въ-третьихъ, чувство религіозное, въ тѣсной связи съ нравственнымъ и отчасти эстетическимъ, открывающее человѣку безконечное, всесовершенное существо, нравственный порядокъ и, вообще, порядокъ міроуправленія. Этимъ тремъ органамъ воспріятія реально-сущаго, психическое строеніе которыхъ весьма сложно, соотвѣтствуютъ три рода воспріятія, или опыта: внѣшній, внутренній и религіозный. Опытъ внѣшній состоитъ изъ испыта-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1890 г., № 8.

танія впечатлѣній и образованія изъ нихъ идей внѣшнихъ предметовъ, явленій и отношеній; опытъ внутренній слагается изъ испытанія впечатлѣній и образованія по нимъ идей душевныхъ состояній и идеи самой души, какъ основы ихъ, наконецъ, опытъ религiозный состоитъ изъ испытанія впечатлѣній отъ божественнаго и всесовершеннаго. Цѣльно и полно развитымъ человѣкомъ эти впечатлѣнiя испытываются ежедневно и даже ежеминутно,—первыя, когда онъ видитъ, слышитъ, осязаетъ и пр., вторыя, когда онъ представляетъ свои состоянiя, идеи, чувства, дѣйствiя, третьи, когда онъ чувствуетъ потребность молиться и молится. Являясь состоянiемъ одного и того же субъекта, всѣ эти три рода опытовъ встрѣчаются вмѣстѣ, объединяются по законамъ ассоціаціи идей и образуютъ сложную идею—воспріятіе міра, какъ единого цѣлаго, упорядоченнаго и организованнаго, создавая, такимъ образомъ, добавочный опытъ—воспріятіе, впрочемъ, не самостоятельный, какъ три предыдущіе, а зависящій отъ нихъ и изъ нихъ слагающійся. Въ средніе вѣка и затѣмъ въ новое время, подъ вліянiемъ философіи Декарта, образовалось ученіе еще объ особомъ, спеціальному источникѣ знанiя, рядомъ съ перечисленными, изъ коихъ большинство мыслителей, занимавшихся этимъ вопросомъ, признаютъ только два коренными, а нѣкоторые даже одинъ. Этотъ особый источникъ есть совокупность прирожденныхъ, готовыхъ, Богомъ данныхъ и вложенныхъ въ душу человѣка, идей. Но это ученіе оказывается въ противорѣчiи со всѣмъ, что извѣстно о ходѣ душевнаго развитiя. Мало того, оно заключаетъ само въ себѣ противорѣчiе въ самомъ понятiи «готовая идея»... Ученіе это есть невѣрное и искусственное истолкованіе факта образованія нѣкоторыхъ идей—Бога, души, добра и зла, космоса—слишкомъ быстраго и необъяснимаго изъ опыта внѣшняго и внутренняго. Оно устраняется простымъ признанiемъ предрасположенія и существованія особыхъ средствъ въ духѣ человѣческомъ для образованія этихъ идей, что можетъ быть подтверждено прямыми наблюденiями.

Итакъ, человѣкъ обладаетъ тремя главными источниками и средствами добыванія познавательнаго матеріала, изъ котораго образуется все его знаніе,—опытъ внѣшній, опытъ вну-

тренній и религіозное чувство. Вслѣдствіе особенности объекта, открывающагося въ послѣднемъ,—всесовершеннаго, необъятнаго, непостижимаго, непознаваемаго по природѣ, въ связи съ естественнымъ воспріятіемъ Его, является необходимость сообщеній Его о самомъ себѣ, необходимость откровенія положительнаго. Отсюда, религіозное чувство—воспріятіе и опытъ, какъ источникъ знанія, замѣняется откровеніемъ. Такимъ образомъ, источниками знанія являются: опытъ внѣшній и внутренній и Откровеніе божественное. Прибавивъ къ этому, хотя производный и зависящій отъ другихъ источниковъ философскаго знанія—чувство и идею цѣлаго и объединивъ два опыта, внѣшній и внутренній, какъ воспріятіе явленій,—мы получимъ опять три источника—опытъ, откровеніе и созерцаніе цѣлаго, дающіе начало тремъ великимъ областямъ и органамъ знанія, которые являлись въ разное время, преобладающими другъ надъ другомъ: опытную науку о явленіяхъ, теологію и философію—метафизику.

Эти источники знанія, взятые сами въ себѣ, изолированно, даютъ только ряды возбужденій внутреннихъ, душевныхъ, превращающихся немедленно въ идеи, представленія ихъ постоянныхъ производителей. Это сырой матеріаль знанія, который, являясь самъ собою, навязываясь (невольно) можетъ накапливаться и произвольно, можетъ быть собираемъ разными способами. Въ началѣ знанія преобладаетъ пассивное накопленіе воспріятій, представленій и опытовъ, позднѣе является преобладающимъ активное собираніе. Особенною отчетливостію и опредѣленностію отличается матеріаль въ области внѣшняго воспріятія физическаго міра съ безчисленнымъ множествомъ, составляющихъ его, предметовъ и явленій; самое воспріятіе, при этомъ, отличается простотою и несложностью, сравнительно съ другими его родами. Воспріятія внутреннія, возбуждаемая жизнью самого воспріемлющаго существа, по количеству равны воспріятіямъ внѣшнимъ, потому что каждое воспріятіе и представленіе внѣшняго можетъ быть и бываетъ объектомъ и воспріятія внутренняго; но оно менѣе опредѣленно и ясно, чѣмъ внѣшнее, является какъ бы добавкою къ нему и съ нимъ сливается, требуя для выдѣленія особыхъ усилій и особенно сильнаго сосредоточенія вниманія. Воспріятіе

тія, лежація въ основѣ знанія религіознаго и философскаго, еще менѣе опредѣленны и отчетливы, въ силу особенныхъ свойствъ ихъ объектовъ безконечной, всесовершенной личности и цѣлаго міра. Весь этотъ матеріалъ самъ по себѣ не составляетъ знанія; это послѣднее является результатомъ внутренней переработки его особою дѣятельностію духа, которая называется мышленіемъ.

Что такое этотъ новый факторъ?

Дѣятельность мышленія, или мышленіе, какъ это подробно объясняется въ психологіи, есть процессъ очень сложный. Начинаясь съ запоминанія и сочетанія, въ порядкѣ смежности воспріятій-представленій и съ образованія изъ нихъ новыхъ творческихъ комбинацій, такъ называемыхъ образовъ фантазіи, не соотвѣтствующихъ въ цѣломъ ничему реальному,—мышленіе, собственно, есть, во-первыхъ, группировка, какъ бы сортированіе и приведеніе въ порядокъ воспріятій и представленій, путемъ отождествленія и различенія ихъ, результатомъ чего являются такъ называемыя понятія, или общія идеи и затѣмъ сужденія единичныя, частныя и общія; во-вторыхъ, мышленіе есть опредѣленіе по извѣстному и данному въ воспріятіяхъ—представленіяхъ, затѣмъ въ понятіяхъ и сужденіяхъ не даннаго непосредственно и неизвѣстнаго, иначе—выводъ, или умозаключеніе; въ-третьихъ, мышленіе есть разложеніе, или анализъ всего даннаго въ воспріятіяхъ, представленіяхъ, понятіяхъ, сужденіяхъ и выводахъ, умозаключеніяхъ, опредѣленіе состава производителей, или причинъ всякаго предмета и явленія, всякой ихъ группы, всякаго отношенія ихъ между собою, иначе—объясненіе и толкованіе всего. Значить, мышленіе есть группировка впечатлѣній—представленій и предметовъ, имъ соотвѣтствующихъ, установленіе отношеній или свойствъ, выводъ и объясненіе, или опредѣленіе состава и причинъ. Каждый воспринимаемый и представляемый предметъ познается только проходя чрезъ всѣ эти инстанціи, и процессъ этого перехода, переработки, даетъ то, что называется знаніемъ. Процессъ этотъ можетъ совершаться быстро и медленно, плохо и хорошо, и результатъ его—знаніе—будетъ плохимъ или хорошимъ, соотвѣтственно этому. Но внѣ этого процесса знанія не существуетъ въ предѣлахъ человѣческаго вос-

пріятія—опыта. Всякое воспріятіе и представленіе предмета или явленія становится знаніемъ, когда объектъ его включенъ въ опредѣленную группу сходныхъ съ нимъ и отличенъ отъ несходныхъ, когда извѣстны его свойства или отношенія съ ихъ послѣдствіями, извѣстны его составъ и причины. Мышленіе можетъ сосредоточиваться по преимуществу на одной изъ входящихъ въ его составъ дѣятельствъ непроизвольно и произвольно, но оно всегда стремится само собой пройти всѣ ступени, какъ бы усиливаясь скорѣе достигнуть своей цѣли—объясненія, пониманія всякаго предмета. И тѣмъ менѣе зависитъ оно отъ воли, тѣмъ, слѣдовательно, менѣе развито и дисциплинировано, тѣмъ скорѣе и прямѣе приходитъ къ своей конечной цѣли—объясненію, едва останавливаясь на обуславливающихъ его дѣятеляхъ предыдущихъ. Объясненіе въ этомъ случаѣ начинается какъ бы прежде изслѣдованія и становится необходимо преобладающимъ. Едва включивши въ какую-нибудь группу предметъ воспринятый, установивши нѣкоторыя свойства и отношенія, нѣкоторые выводы, мышленіе, умъ, сосредоточивается на объясненіи. Здѣсь находится причина того, почему знаніе во всѣхъ областяхъ начинается въ человѣческомъ родѣ съ объясненій и гипотезъ, съ представленія такого или другого производителя предметовъ и явленій, и сначала состоитъ изъ предположеній, часто вполне нелѣпыхъ, но удовлетворяющихъ потребности объясненія и заканчивающихся такъ или иначе мыслительный актъ. Это свойство мышленія, впрочемъ, сохраняется и на самыхъ высшихъ ступеняхъ развитія его и знанія, имъ добываемаго. Самый развитой человѣкъ, даже спеціалистъ—изслѣдователь, воспринимая какой-нибудь предметъ или явленіе, не можетъ удержаться отъ предположенія его причины и дѣятелей—производителей: онъ, такимъ образомъ, быстро и какъ бы начерно, въ эскизѣ, совершаетъ всю работу мысли по отношенію къ данному объекту во всѣхъ ея главныхъ и существенныхъ моментахъ, и только послѣ этого начинается изслѣдованіе методическое и подробное, приходя иногда этимъ путемъ къ объясненіямъ противоположнымъ первоначальному предположенію. Въ виду этого, образованіе предположеній лежитъ въ самой природѣ и строѣ человѣческаго мышленія, и есть его

постоянное свойство. Въ силу этого, процессъ познанія въ цѣломъ родѣ человѣческомъ и въ индивидуумахъ познающихъ не представляетъ собою правильнаго движенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ хорошаго и точно познаннаго къ недоступному непосредственно, отъ тщательнаго накопленія матеріала къ его послѣдовательной переработкѣ. Оно, скорѣе, идетъ обратнымъ путемъ: начинается съ неизвѣстнаго, недоступнаго, таинственнаго и отъ него возвращается къ извѣстному и непосредственно данному, чтобы съ новымъ запасомъ фактическаго знанія приступить къ неизвѣстному, не данному непосредственно, опять возвратиться къ фактамъ и т. д. Въ цѣломъ своемъ ходѣ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ познанія предмета или явленія знаніе состоитъ какъ бы изъ ряда эскизовъ, попытокъ сразу схватить объектъ со всѣхъ сторонъ и затѣмъ постоянныхъ поправокъ и измѣненій въ этихъ наброскахъ, пока не получится живое, законченное цѣлое, исчерпывающее объектъ со всѣхъ сторонъ и стоящее въ близкомъ согласіи съ его дѣйствительнымъ бытіемъ, составомъ и отношеніями, — пока не получается дѣйствительное знаніе. Это какъ бы работа художника-скульптора и живописца, дающаго своему произведенію сначала грубыя, общія очертанія и постепенно создающаго цѣлостный, законченный образъ изображаемаго имъ предмета.

Изъ всего этого становится очевиднымъ, что мышленіе не есть какое-то произведеніе опыта, нѣчто родящееся изъ самаго матеріала познанія, служащее добавкою къ нему, какъ думаютъ чистые эмпирики. Оно есть самостоятельная, живая, творческая сила существенно активная, а не пассивная. Мышленіе — умъ человѣческій создаетъ знаніе, извлекаетъ его изъ матеріала собственною дѣятельностію, а не регистрируетъ только даваемаго впечатлѣніями и опытомъ вообще, не прибавляя ничего своего, составляя только, такъ сказать, протоколы. Этою творческою природою мышленія въ достаточной степени объясняется то, на первый взглядъ странное и непонятное, явленіе, что ростъ знанія начинается не съ переработки самаго богатаго и самаго совершеннаго по своей опредѣленности и отчетливости, какъ и по легкости добыванія, матеріала, даннаго въ чувственномъ воспріятіи — опытѣ,

не съ развитія опытныхъ знаній и точной науки. Напротивъ, образовавшись въ зародышѣ въ смутной и неопредѣленной формѣ, оно направляется къ самому таинственному, трудному но существенному—изслѣдованію Божества и міра цѣлаго -- въ религіозной и философской дѣятельности человѣческой мысли. Только послѣ многихъ попытокъ прямо объяснить міръ и себя, безъ кропотливаго изученія мелкихъ фактовъ, оно, наконецъ, погружается въ эти факты, въ настоящее особенно время, дѣлаетъ то, съ чего бы оно должно начать, если бы построено было по плану чистыхъ эмпириковъ, но должно, по самому существу своему, возвратиться съ инымъ запасомъ силъ и средствъ къ тому, что составляетъ цѣль и конецъ знанія—къ религіи и философіи. Но и здѣсь, въ этомъ погруженіи въ частности и мелочи опыта внѣшняго и внутренняго опять обнаружилась его творческая природа. Научный современный опытъ съ его разнообразными и сложными приспособленіями и орудіями есть созданіе, творческое построеніе мысли, обнаруженіе внутреннихъ, самостоятельныхъ ея силъ.

Будучи существенно творческою дѣятельностію, начиная съ переработки познавательнаго матеріала, бѣднаго по содержанію и самаго неопредѣленнаго, мышленіе естественно и необходимо выразилось вначалѣ въ чисто творческихъ построеніяхъ фантазіи, которая, не встрѣчая противодѣйствія въ знаніи фактовъ, дѣйствовала вполне свободно и необузданно, комбинируя ничтожную долю опытовъ въ самыя разнообразныя и причудливыя сочетанія. Замѣняя дѣйствительный опытъ и воспріятіе, — образы фантазіи возбуждали вѣру въ свою реальность, становились, естественно, на мѣстѣ опытовъ и переполняли сначала религіозное, а потомъ и философское вѣдѣніе. въ его началѣ, фикціями, несоотвѣтствующими ничему дѣйствительному, нарушающими законы природы. Только мало-по-малу и постепенно мышленіе освобождается отъ этого балласта и возвращается къ дѣйствительности. Это возвращеніе совершается подъ вліяніемъ другой его дѣятельности, всегда входящей въ его составъ. Эта дѣятельность, возникающая изъ постоянного различенія идей и дѣйствительности, присутствующаго человѣку на всѣхъ ступеняхъ развитія, и чувства со-

гласія или несогласія ихъ между собою,—критика знанія. Она связана съ особымъ актомъ самосознанія, обращенія мысли на саму себя.

Дѣятельность эта возникаетъ сама собою изъ самой природы знанія, какъ идеальнаго отображенія дѣйствительности, и изъ природы мышленія, какъ дѣятельности, преимущественно сравнивающей. Въ силу такого характера знанія и мышленія, въ каждомъ познавательномъ - мыслительномъ актѣ, въ каждой такъ называемой мысли,—понятіи, сужденіи, умозаключеніи, объясненіи, — данъ нѣкоторый объектъ, независимый отъ мысли, и самая мысль, отображающая въ себѣ этотъ объектъ въ субъективныхъ чисто и идеальныхъ формахъ. Противолежа другъ другу, какъ два собственно различные факта бытія.—какъ бытіе въ идеѣ и бытіе въ дѣйствительности, они сравниваются между собою необходимо, тѣмъ болѣе, что они прямо сознаются, какъ двѣ формы одного и того-же бытія, и ихъ сходство и различіе предполагаются въ самомъ актѣ. Дѣятельность сравненія въ этомъ направленіи возбуждается еще, присущимъ мыслящему существу, непосредственнымъ сознаниемъ конечной цѣли знанія и мышленія. Цѣль эта, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы получить согласіе, сходство съ дѣйствительностью ея отображенія въ мышленіи, согласіе, называемое, обыкновенно, истиною. Всякій непосредственно знаетъ эту цѣль, и потому стремленіе къ истинѣ, и самая идея ея существуетъ у каждого мыслящаго существа и познающаго уже потому, что оно мыслить и познаетъ, и стремленіе это вполне вѣрно почитается прирожденнымъ. Мысль какъ бы сама собою стремится быть похожею на дѣйствительное бытіе, полно и точно отображать его въ себѣ, или, что то же, достигнуть истины. Она, потому, даже въ самомъ процессѣ своего образованія сопоставляетъ и сравниваетъ свой внутренній, идеальный образъ предмета съ тѣмъ, что предметъ есть въ дѣйствительности, оцѣниваетъ ихъ степень сходства между собою. Вотъ почему самый грубый и неразвитый человѣкъ, имѣя мысль, идею, понятіе, объясненіе предмета, всегда сопровождаетъ ее сознаниемъ, что она похожа на предметъ дѣйствительный, т. е. истинна, или не похожа на него, т. е. не истинна, не вѣрна, ложна. Описанное

сейчасъ сравненіе предмета дѣйствительнаго съ мыслию о немъ и оцѣнка ихъ отношенія — и есть критика, есть сущность критической дѣятельности мысли. И эта дѣятельность, дѣйствительно, составляетъ неотдѣлимое отъ нея, въ ея природѣ коренящееся, ея свойство и необходимую часть ея состава. Признаніе несоотвѣтствія съ дѣйствительностью, несоотвѣтствія съ нею мысли о ней само собою ведетъ къ измѣненію внутренняго отображенія ошибочнаго, при помощи новыхъ операцій и усилій мысли, къ исправленію его или замѣнѣ другимъ. Критическая дѣятельность мысли, ограничивая, такимъ образомъ, свободу въ построеніи дѣйствительности, въ то же время служитъ источникомъ усовершенствованія самого знанія, и есть какъ бы сила, управляющая всѣмъ ходомъ познавательной дѣятельности, ея регуляторъ и средоточіе.

Но, будучи составною частью мышленія, необходимо являясь, потому, въ связи съ каждымъ актомъ мысли, оцѣнка и критика знанія не производитъ еще самимъ своимъ существованіемъ улучшенія знанія. Несогласіе мысли съ дѣйствительностью, ошибка ея не открывається прямо и непосредственно, а требуетъ для своего обнаруженія усилія и очень сложныхъ не только внутреннихъ приспособленій, но и, во многихъ случаяхъ, внѣшнихъ, часто механическихъ. Безъ этихъ усилій оцѣнка и критика становятся поверхностными и часто формальными, т. е. только присутствующими, но своей роли не выполняющими. Въ такомъ случаѣ онѣ будутъ только способствовать укрѣпленію ошибки и установленію ложнаго знанія, искаженія мышленіемъ дѣйствительности. А оцѣнка-критика весьма легко становится формальною въ указанномъ смыслѣ и способствуетъ укрѣпленію заблужденій, особенно въ самомъ началѣ знанія и въ низшихъ его формахъ. Дѣло въ томъ, что согласіе мысли съ дѣйствительностью въ простѣйшихъ, обыденныхъ случаяхъ познанія, достигается обыкновенно весьма легко и быстро, и самая поверхностная оцѣнка вполне достаточна, чтобы убѣдиться въ этомъ согласіи; ошибки и искаженія тоже легко открываются въ этой сферѣ. Отсюда становится вполне понятнымъ, какъ человѣкъ, на низшихъ ступеняхъ своего развитія, проникается вѣрою въ силу своей мысли, или своего ума,

убѣждается, что его образы дѣйствительности, его мысли, самымъ своимъ существованіемъ открываютъ дѣйствительность такую, какою она существуетъ, что ошибки всегда и всюду легко открываются и исправляются: гдѣ этого открытія не бываетъ прямо и скоро, — тамъ знаніе истинно и дѣйствительно, и истинно все, что кажется такимъ, что оцѣнивается какъ такое. Кромѣ этого, если вообще сходство, согласіе возбуждаетъ удовольствіе, то согласіе мысли съ дѣйствительностью всегда безусловно пріятно; наоборотъ, несогласіе, ошибка — непріятны вообще, и непріятность здѣсь усиливается еще сознаніемъ слабости, безсилія, такъ называемымъ страданіемъ самолюбія. Человѣкъ, потому, какъ справедливо указалъ Бэконъ, не любитъ критиковать и искать ошибокъ въ самихъ мысляхъ, особенно въ привычныхъ, общихъ всѣмъ, возрѣніяхъ и т. п.; расположенъ даже не видѣть очевидныхъ здѣсь недостатковъ, или всѣми силами ослаблять ихъ значеніе. Когда же исканіе ошибокъ требуетъ еще усилія и напряженія, оно, естественно, исключается вовсе, какъ дѣйствіе само по себѣ весьма непріятное. Наконецъ, если человѣкъ прямо и непосредственно сознаетъ назначеніе и цѣль своей умственно-познавательной дѣятельности, или мышленія—открытіе истины,—сознаетъ, т. е. одну изъ причинъ истинности своихъ мыслей; то причинъ ошибки, заблужденія, вообще, при полномъ отсутствіи знанія относительно устройства и природы своей мысли,—онъ прямо усматривать не можетъ. Онъ узнаетъ о своей способности ошибаться только изъ опыта и расположенъ считать факты этого рода случайностію, опять, легко устранимою. Въ силу всѣхъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, человѣкъ, на низшихъ ступеняхъ своего развитія, необходимо признаетъ за истину, за согласіе съ дѣйствительностью всякое свое представленіе о предметахъ отдаленныхъ, отвлеченныхъ, о скрытыхъ причинахъ явленій и т. п.—потому уже, что здѣсь открытіе ошибки, разногласія, несоотвѣтствія съ дѣйствительностью для него невозможно. Между тѣмъ, въ силу природы и устройства мысли, стремящейся заканчивать каждый свой актъ, человѣкъ въ этомъ состояніи неудержимо стремится въ эти отдаленныя сферы—и все объясняетъ, объясняетъ грубо, вельпо, но

объясняетъ, и искренно вѣрить этимъ объясненіямъ, считаетъ и не можетъ не считать ихъ чистою истиною. Съ устраненіемъ объясненій міра слишкомъ грубыхъ и наивныхъ, съ замѣною ихъ другими, болѣе совершенными построеніями мыслительными, въ формѣ философскихъ системъ, — эта вѣра въ силу ума познавать и постигать самое отдаленное и сокровенное, увѣренность въ своего рода непогрѣшимости его въ этой сферѣ, — сохраняется даже до настоящаго времени. Люди, обладающіе сильною мыслію, способные легко открывать ошибки въ знаніи и мышленіи относительно близкихъ человѣку предметовъ и явленій, знающіе, какъ легко человѣку впасть въ ошибку, понимающіе, что знаніе человѣческое относительно самыхъ простыхъ, постоянно совершающихся явленій переполнено ошибками и ложными объясненіями, — въ то же время съ величайшимъ довѣріемъ относятся къ своимъ умозрѣніямъ и гипотезамъ относительно основъ всего сущаго, природы духа, сущности жизни и т. п., отстаиваютъ ихъ какъ непреложную истину, или же легко усвояютъ, какъ истину, построенія другихъ... При этомъ, довѣріе къ силамъ ума въ рѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ бытія повергаетъ въ крайнюю степень самомнѣнія и гордости, которая, всего чаще выражается въ утвержденіи, что умъ человѣческій не нуждается въ посторонней, высшей помощи... Въ сущности, здѣсь, только въ другой формѣ, происходитъ то же, что у человѣка неразвитаго, который относится съ довѣріемъ къ суевѣрнымъ толкованіямъ всего отдаленнаго и недоступнаго. Это своего рода иллюзія, обманъ внутренняго чувства, похожій на тотъ оптический обманъ, въ силу котораго видимое издали пространство и разстояніе кажутся меньше пространствъ близкихъ... Когда постепенно возникаетъ сознаніе и убѣжденіе въ томъ, что познаніе отдаленнаго, причинъ и основъ бытія, несравненно труднѣе, чѣмъ познаніе самаго сложнаго предмета, даннаго въ прямомъ опытѣ и наблюденіи; что ошибка и искаженіе дѣйствительности здѣсь несравненно легче и даже совершенно неизбежны, почти необходимы, — тогда является убѣжденіе, что человѣкъ ничего не можетъ знать, или можетъ знать только то, что открывается внѣшнимъ чувствомъ, — та же самая иллюзія могущества ума человѣческаго въ рѣшеніи

труднѣйшихъ вопросовъ бытія является только въ новой, отрицательной формѣ. Она выражается опять въ гордомъ убѣжденіи, что все, что неизвѣстно и кажется не постижимымъ теперь, что лежитъ дальше воспринимаемаго чувствами и доступнаго опытному изслѣдованію, — навсегда не познаваемо и лежитъ внѣ сферы ума человѣческаго. Человѣкъ какъ бы говоритъ въ этомъ случаѣ: «я не знаю этого потому только, что этого никто не можетъ знать; въ противномъ случаѣ я непременно зналъ бы». Что въ скептицизмѣ этомъ дѣйствуетъ не сознаніе слабости умственныхъ силъ въ рѣшеніи труднѣйшихъ вопросовъ, а опять тоже вѣра въ силу ума — знать самое отдаленное и трудное, въ формѣ, по крайней мѣрѣ, знанія о невозможности полного здѣсь познанія, — въ этомъ наглядно можно убѣдиться тѣмъ фактомъ, что большинство скептиковъ этого рода съ очевидною нелогичностью все-таки признаетъ рѣшительно ненужною и несуществующею высшую помощь. Еще очевидно эта черта выступаетъ у тѣхъ мыслителей, которые прямо отрицаютъ бытіе того, что признается у другихъ непознаваемымъ, и берутся все объяснить тѣмъ же способомъ и тѣми же приемами, какими удалось объяснить нѣкоторые изъ болѣе простыхъ явленій физическихъ и химическихъ, и искренно вѣрятъ въ свои объясненія, какъ непреложную и окончательную истину.

Но смотря на всѣ эти препятствія, критическая способность мышленія, развиваясь постепенно, устанавливаетъ сумму несомнѣнныхъ истинъ во всѣхъ областяхъ знанія и дѣлаетъ для человѣка возможнымъ ясно различать истинное и ложное, хотя доселѣ еще въ сферѣ очень ограниченной. Но теперь является вопросъ, какимъ образомъ совершается сравненіе между объектомъ и его отраженіемъ въ мысли, — сравненіе, лежащее въ основѣ критической дѣятельности мышленія и приводящее ее къ различенію истиннаго и ложнаго?

Говоря о предметѣ или объектѣ познаваемомъ и мыслимомъ, мы представили его такъ, какъ представляется обыкновенно дѣло въ обыденномъ, ненаучномъ мышленіи — для удобства. Между тѣмъ, въ сущности, это метафора и только *modus dicendi*, не соотвѣтствующій дѣйствительному отношенію мышленія и объекта. Объектъ здѣсь представляется даннымъ

независимо отъ мысли и все-таки доступнымъ для нея. Мышленіе представляется какъ бы копирующимъ этотъ объектъ и потомъ повѣряющимъ копию съ дѣйствительностью. Но этого никогда не бываетъ и быть не можетъ при данныхъ условіяхъ существованія человѣка, какъ существа познающаго. Объекты внѣшняго, матеріальнаго міра даны въ отдѣльныхъ впечатлѣніяхъ отъ нихъ, или ощущеніяхъ, состояніяхъ чисто субъективныхъ, внутреннихъ, существующихъ въ той же сферѣ, въ какой возникаетъ и развивается мышленіе, т. е. въ чисто идеальной. Изъ этихъ ощущеній строится, по законамъ субъекта—сознающаго, конкретный образъ. Мышленіе беретъ уже этотъ образъ субъективный и предполагаетъ внѣшній объектъ, ему соответствующій и на него болѣе или менѣе похожій. Но этотъ предполагаемый объектъ закрытъ отъ него этимъ образомъ, данъ только въ этомъ образѣ, и нигдѣ, и никакъ еще. Онъ есть идеальное построеніе самой мысли же, необходимо участвующей въ формированіи изъ впечатлѣній образа. Сравнивая, затѣмъ, объекты между собою, опредѣляя ихъ отношеніе, причины и т. п., мышленіе, опять, имѣетъ дѣло не съ самими объектами, а съ тѣмъ, что дано ему въ ощущеніяхъ и конкретныхъ образахъ и съ тѣми внутренними формами, какія въ немъ возникаютъ, по его собственнымъ законамъ—съ понятіями, сужденіями, выводами, теоріями. Всякая попытка мышленія сравнить отображеніе предполагаемаго объекта внѣшняго съ нимъ самимъ, съ этимъ объектомъ—приводитъ роковымъ образомъ только къ сравненію одной дѣятельности мышленія съ другой, одного представленія и пониманія его съ другимъ, одной теоріи относительно его состава и причинъ съ другою теорією. И выхода отсюда, изъ этой замкнутости мышленія въ себѣ, въ субъектѣ, повидимому, нѣтъ и быть не можетъ. Мысль можетъ знать только себя и свои продукты; а какъ они относятся къ бытію реальному, объекту—это навсегда для нея недостижимо. Самое бытіе этого объекта не можетъ быть установлено, какъ реальное и дѣйствительное, потому что и оно, въ сущности, есть только мысль, продуктъ мышленія—идея,—фактъ чисто субъективный. Гдѣ же, спрашивается теперь, ручательство для человѣка познающаго въ томъ, что объектъ

познаваемый, дѣйствительно, существуетъ, и что однѣ мысли о немъ близко отображаютъ его, другіе — искажаютъ, однѣ истинны, другія менѣе истинны, третьи вполне ложны? Существуетъ ли такое ручательство или критериумъ достовѣрности человѣческаго знанія, и если существуетъ, то въ чемъ онъ состоитъ?

Поставивши вопросъ о критериумѣ или критериумахъ достовѣрности знанія, т. е. о способахъ и средствахъ, какими человѣкъ познающій убѣждается, что его мысли вообще могутъ соотвѣтствовать дѣйствительности объективной, затѣмъ, что однѣ изъ нихъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, а другія нѣтъ, — поставивши этотъ вопросъ, не нужно, прежде всего, забывать что рѣчь идетъ о знаніи человѣческомъ, т. е. о видѣ, одной изъ формъ знанія, а не о знаніи вообще, которое есть явленіе космическое, какъ притяженіе и отталкиваніе, какъ движеніе и т. п., и такъ же необъятно и разнообразно по своему содержанію и формамъ, какъ необъятна и разнообразна вселенная. Изъ смѣшенія этихъ двухъ понятій главнымъ образомъ происходятъ все разногласія и недоразумѣнія въ вопросѣ о достовѣрности. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что мышленіе человѣческое, какъ орудіе и среда знанія, въ силу присущей ему творческой способности, воспринимая и сознавая формы и средства своего знанія, невольно увеличиваетъ, расширяетъ ихъ въ объемѣ и напряженіи и этимъ путемъ создаетъ то, что называется идеаломъ, образомъ совершеннѣйшаго знанія, какое только можетъ себѣ представить и мыслить человѣкъ. Разсуждая о человѣческомъ знаніи, его достовѣрности и объективности, всего чаще, вмѣсто понятія «человѣческое знаніе», подставляютъ незамѣтно, въ выводахъ, идеаль знанія, его высшую, совершеннѣйшую творчески-построенную форму. Вмѣсто вопроса о томъ, достовѣрно ли человѣческое знаніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, незамѣтно подставляется другой: соотвѣтствуетъ ли знаніе своему идеалу, не выражая его съ такою опредѣленностью, а смѣшивая при помощи неточныхъ терминовъ съ первымъ. Эту подтасовку и довольно грубое *quaternio terminorum*, возникающее отсюда съ необходимостію, можно открыть во всѣхъ

теоріяхъ, утверждающихъ чистую субъективность и недосто-
вѣрность человѣческаго знанія.

Какъ человѣческое, данное въ наблюденіи, знаніе, вообще, достовѣрно, можетъ открывать и открываетъ въ бытіи то, что въ немъ дѣйствительно есть, открываетъ ту сторону его, которую можетъ открывать по своему составу, природѣ. Сравниваемое съ идеаломъ знанія, оно не только не достовѣрно, но даже не есть знаніе въ собственномъ смыслѣ, а только дѣтскій лепетъ, жалкій обрывокъ великаго цѣлаго, по которому только смутно можно гадать объ этомъ цѣломъ, строя въ идеалѣ величественный, но далеко не ясный и неопредѣленный его обзоръ. Но уже самое существованіе этого образа—идеала, который строится на основаніи знанія о знаніи, на основаніи наблюдений мышленія и познавательной дѣятельности, — поназываетъ, что человѣческое знаніе, не смотря на свои несовершенства, все-таки отражаетъ идеалъ въ себѣ и обладаетъ долею той абсолютной достовѣрности, какая предполагается и мыслится въ этомъ его идеалѣ, что оно во всякомъ случаѣ создано по образу и подобию его. Во-вторыхъ, рассматривая человѣческое знаніе съ этой точки зрѣнія, почти необходимо, кромѣ его идеальной формы, предположить еще рядъ другихъ формъ знанія, не-человѣческихъ, въ которыхъ то же самое бытіе открывалось въ другихъ формахъ, вѣсныхъ, или въ формахъ одинаковаго достоинства съ человѣческою, но относящихся къ инымъ составнымъ частямъ сущаго, къ инымъ, можетъ быть силамъ, которыя не доступны человѣку. Отрицать подобнаго рода предположенія, какъ вздоръ, плодъ фантазіи, легко, но не основательно и не разумно. Они навязываются сами собою и всегда существовали у человѣка въ разныхъ формахъ съ той поры, какъ онъ сталъ способенъ къ отвлеченнымъ операціямъ мысли. Когда опускается это изъ вида, получается возможность того нецѣпаго построенія, по которому міръ есть созданіе самого человѣка, или созданіе человѣческаго «я», и существуетъ только въ его мысли и нигдѣ и никакъ еще, и которое извѣстно подъ именемъ субъективнаго идеализма, имѣющаго и доселѣ представителей,—конечно, въ Германіи.

Кромѣ этихъ соображеній относительно самаго понятія

знанія, которое должно быть съ особенною точностію и опредѣленностію установлено, когда дѣло идетъ объ его достоинствѣ и цѣнности, соображеній, устраняющихъ самыя крупныя ошибки въ рѣшеніи вопроса о достовѣрности знанія, необходимо выяснить и устранить еще одно недоразумѣніе, которое уже много вѣковъ мѣшаетъ правильной постановкѣ самаго вопроса о достовѣрности человѣческаго знанія, объ его объективности. Дѣло касается одного изъ главныхъ аргументовъ противъ объективности знанія, т. е. соответствія его съ дѣйствительностію, аргумента, повидимому, чисто опытнаго, очевидно и наглядно показывающаго чистую субъективность познавательнаго процесса. Аргументъ этотъ, между прочимъ, является если не главнымъ, то весьма сильнымъ мотивомъ самаго возникновенія сомнѣнія въ бытіи внѣшняго и въ возможности его знанія. Это, во-первыхъ, такъ называемые обманы чувствъ, или иллюзіи и галлюцинаціи, во-вторыхъ, — сновидѣнія, которыя представляютъ собою соединеніе иллюзій и галлюцинацій. Со времени Гераклита и пирротитовъ — въ скептицизмѣ фигурировали первые, со времени Декарта — особенно послѣдніе. Чувства внѣшнія, недіяствительныя проповѣдники предполагаемаго реальнаго внѣшняго, постоянно обманываютъ, говорятъ этотъ аргументъ. Человѣкъ ощущаетъ и воспринимаетъ одинъ и тотъ же предметъ большимъ и чрезвычайно малымъ, теплымъ и холоднымъ и т. п.; иногда видитъ предметы, которые оказываются несуществующими; во снѣ видитъ предметы и событія, цѣлый міръ, который исчезаетъ по пробужденіи и т. п. Что здѣсь реально, и что призракъ, и не есть ли призракъ все воспринимаемое чувствами, цѣлый міръ призраковъ, которымъ не соответствуетъ ничто реальное, изъ коихъ одни отличаются только большею устойчивостію и постоянствомъ, чѣмъ другіе? Но дѣло въ томъ, что чувства никогда не обманываютъ; въ сущности: они передаютъ свои возбужденія, свои состоянія и только сырой матеріалъ для знанія. Все сообщаемое ими есть фактъ несомнѣнный, но чисто-субъективный, внутреннее измѣненіе, которое само по себѣ ничего не говоритъ и не можетъ говорить ни о внѣшнемъ, ни даже о внутреннемъ. Бытіе внѣшнее и внутреннее, какъ утвержденіе, продуктъ сравненія и различенія, есть, прежде

всего, мысль, актъ мышленія, а не ощущеніе и даже воспріятіе. Такъ называемые обманы чувствъ суть собственно невѣрные, незаконные выводы и, вообще, дѣятельности мысли неправильныя и могутъ быть въ числѣ доказательствъ реальности внѣшняго. И все знаніе, какъ продуктъ мысли, субъективно по своему существу и составу; но субъективность и призрачность, недостовѣрность—двѣ вещи совершенно различныя, и отъ субъективности знанія къ его призрачности заключать нельзя уже потому, что сами въ себѣ субъективныя состоянія, всѣ безъ исключенія, суть вполнѣ реальныя и несомнѣнно существующія событія...

Такимъ образомъ, говоря о достовѣрности знанія, мы будемъ постоянно имѣть въ виду знаніе человѣческое, въ томъ его видѣ, въ какомъ оно дано во всемъ человѣческомъ родѣ и въ каждомъ индивидуумѣ; человѣкъ познающемъ, а не идеальную форму, знанія и не всѣ его возможные и представимыя виды и формы; будемъ говорить о немъ, какъ о произведеніи, построеніи человѣческой мысли, или мышленія, которое, по существу своему, чисто и вполнѣ субъективно. При такой постановкѣ дѣла, задача изслѣдованія сводится къ разъясненію того, какъ, какими приѣмами и дѣятельностями своими собственными и внутренними, мышленіе приходитъ къ утвержденію своей способности—точно, въ известныхъ предѣлахъ, отображать въ себѣ дѣйствительность, познавать ее такъ, какъ она существуетъ внѣ его, познавать, конечно, съ тѣхъ сторонъ и въ тѣхъ формахъ, въ каковыхъ оно способно по своей природѣ (въ противномъ случаѣ—это было бы знаніе безъ мышленія, съ нашей точки зрѣнія, *contradictio in adjecto*); какъ, затѣмъ, выходя изъ этой общей увѣренности, мышленіе различаетъ въ своемъ построеніи знаніе точное, или весьма близко соотвѣтствующее дѣйствительности, и вовсе не соотвѣтствующее ничему дѣйствительному, фиктивное, несомнѣнное и сомнительное, вѣроятное и невѣроятное, вообще, всѣ степени и виды достовѣрности. Очевидно, это не будетъ такъ называемымъ доказательствомъ бытія внѣшняго міра, объекта знанія вообще, его реальности, которая подразумѣвается не только въ понятіи знанія, но, какъ увидимъ, и въ

понятіи самого мышленія, и есть истина, обладающая высочайшею степенью очевидности, послѣ истины бытія самой мысли, мышленія. Это будетъ простое разъясненіе, толкованіе указанной очевидности, — и только, — разъясненіе въ родѣ тѣхъ, которыя употребляются для уясненія разнаго рода аксіомъ, напр., математическихъ ($2 \times 2 = 4$, двѣ величины, равныя третьей, равны между собою и т. п.). При этомъ, для того, чтобы понять, что такое достовѣрность, несомнѣнность, и какъ она устанавливается и можетъ быть установлена всюду, куда простирается мышленіе, достаточно отыскать и прочно установить одну и единственную несомнѣнную истину, мысль, въ которой несомнѣнно открывается сущее. Имѣя такую истину, мышленіе имѣетъ въ ней образецъ несомнѣнности, — съ одной стороны, съ другой, — оно, какъ дѣятельность, по существу своему, умозаключающая, способная выводить изъ извѣстнаго, прямо даннаго, неизвѣстное, можетъ получить хотя бы небольшое количество несомнѣнностей второго порядка и съ этимъ запасомъ получить возможность само собою овладѣть цѣлымъ міромъ достовѣрностей и несомнѣнностей, сводя къ нимъ все познаваемое. Это не значитъ, что изъ такой истины возможно развить все содержаніе знанія, какъ изъ своего рода равнодѣйствующей всего его, все его содержащей въ зародышѣ: такой истины нѣтъ, и быть не можетъ; это значитъ просто и только, что отъ одной достовѣрной истины можно получить понятіе о томъ, что такое въ дѣйствительности достовѣрность, и чѣмъ должна быть достовѣрная истина, открывающая дѣйствительное бытіе.

Такая истина существуетъ.

Веніаминъ Снегиревъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Мая № 10. 1890 года.

Содержаніе. Списокъ воспитанницъ приготовительнаго, 1, 2, 3, 4, 5 и 6 классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, составленный послѣ годовичныхъ испытаній за 1889/90 учебный годъ.—Списокъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія Харьковской епархіи, награжденныхъ благословеніемъ Св. Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

СПИСОКЪ

воспитанницъ пригот., 1, 2, 3, 4, 5 и 6 классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, составленный послѣ годовичныхъ испытаній за 1889—90 учебный годъ.

ПРИГОТ. КЛАССА.

Удостоены перевода въ 1-й классъ.

1. Авененцова Евдоія, Базелевичъ Леонида, Бородаева Надежда, Васильева Валентина, 5. Веселовская I Людмила, Веселовская II Анастасія—нагр. похв. лист., Виноградская Наталія, Власовская Павла—нагр. пох. лист., Грекова Александра—нагр. пох. лист., 10. Грызодубова I Евфросинія, Грызодубова II Рахиль—нагр. пох. лист., Дикарева Зоя—нагр. пох. лист., Добрецкая Евгенія, Жданова Ксенія—нагр. похв. лист., 15. Карпова Софья, Ковалевская Александра, Крутьева Анастасія, Крыжановская Александра—нагр. похв. лист., Кутепова Мотрона—нагр. пох. лист., 20. Луценко Антонина—нагр. похв. лист., Макаровская Марія, Македонская Анна, Мухина Анастасія—нагр. похв. лист., Назаревская Анна—нагр. пох. лист., 25. Насѣдкина Антонина—нагр. похв. лист., Найдовская Вѣра, Новосадская Надежда, Оптовцева Марія—нагр. пох. лист., Павлова Ольга—нагр. похв. лист., 30. Панкратьева Анна

Пестриченко Антонина, Пуковская Пелагія, Рубинская Елисавета, Саговская Марія, 35. Самойлова Марія, Сильванская Вѣра—нагр. пох. лист., Стефановская 1-я Любовь — нагр. похв. лист., Стефановская 2-я Анна, Сирятская Марія, 40. Сокальская Марія—нагр. похв. лист., Степурская Антонина—нагр. похв. лист., Сѣжирская Елисавета, Твердохлѣбова Марія, Трегубова Елисавета, 45. Труфанова Іульняія, Туранская Анна—нагр. пох. лист., Чернявская Александра, Чугаева Александра—нагр. похв. лист., Ѳедоровская Марія—нагр. пох. листомъ.

ПЕРВАГО КЛАССА.

А) Удостоены перевода во 2-й классъ.

1. Арефьева Марія, Ведринская Софья—нагр. похв. лист., Вербицкая Марія, Вегухова Анна, 5. Воскобойникова Клавдія, Гончаревская Александра, Жукова Ирина — нагр. пох. лист., Измайлова Екатерина, Инюкова Таисія, 10. Ковалевская Александра, Колесникова Марія, Копѣйчикова Анастасія—нагр. похв. листомъ, Крыжановская Анастасія, Линицкая Елисавета, 15. Лобковская Софья, Любарская 1-я Анна, Любарская 2-я Марія — нагр. похв. листомъ, Любарская 3-я Юлія—нагр. пох. лист., Любицкая Дарія, 20. Макаровская Марія, Мартиновичъ Вѣра, Малярова Іульняія, Маяцкая Матрона—нагр. пох. лист., Мухина Марія, 25. Назаревская Вѣра, Невдахова Анна, Николаевичъ Александра—нагр. пох. лист., Петрова 1-я Зиновія, Петрова 2-я Вѣра, 30. Приходькова Антонина, Проскурникова Ольга, Рокитянская Евгенія, Ревская Анна, Реутская Марія, 35. Рубинская Анастасія, Руднева Евдовія, Стефановская Евдокія—нагр. пох. лист., Титова Ларисса — нагр. похв. лист., Толмачева Людмила, 40. Троянова Александра, Чудновская Нина—нагр. пох. лист., Юшкева 2-я Евгенія, Яновская Клавдія, Ѳедорова 1-я Антонина, 45. Ѳедорова 2-я Валентина, Ѳедорова 3-я Марія, Ѳедоровская Вѣра.

Б) Будетъ переведена во 2-й классъ, если передержитъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Попова Антонина—по русскому языку.

в) Оставляются въ 1 классъ на повторительный курсъ по просьбѣ родителей.

Юшкева 1-я Антонина, 50. Ѳомина Пелагія.

г) Увольняется изъ училища по малоуспѣшности и малоразвитости.

Ковалевская 2-я Антонина.

ВТОРОГО КЛАССА

а) удостоены перевода въ 3 классъ.

1. Бугуцкая Анна, Бѣлоусова Калисфенія, Васильковская Надежда, Власова Клавдія, 5. Гревезирская Анна, Григоренко Екатерина, Дейнеховская Марія, Доброницкая Агрипина, Добрецькая Анна, 10. Дмитриева Дарія, Дюкова Елена, Жуковская Александра—нагр. пох. листомъ, Исиченкова Варвара, Ковалева Александра—нагр. пох. листомъ, 15. Крыжановская Елена, Любичская Марія, Мирводина Дарія—нагр. пох. листомъ, Найдовская Неонилла, Назаревская Валентина, 20. Навродская Елена, Петрова Любовь—нагр. пох. листомъ, Ползавцева Клеопатра, Подольская Дарія, Пономарева Евдокія, 25. Понировская Валентина, Приходькова Софія—нагр. пох. листомъ, Рудинская Наталія, Сѣвирская Ларисса—нагр. пох. листомъ, Сокальская Вѣра, 30. Твердохлѣбова Александра—нагр. пох. листомъ, Труфанова Любовь, Торанская 1-я Марія, Торанская 2-я Екатерина, Торанская 4-я Лидія 35. Шишлова Анна—нагр. пох. листомъ, Чернявская Валентина, Юшкова Антонина—нагр. пох. листомъ и Ѳедоровская Екатерина.

б) Будутъ переведены въ 3 классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

По русскому языку: Дахнѣвская Анна, 40. Василевская Антонина, Одинцова Екатерина, Полницкая Елисавета, Пуковская Анастасія, Титова Евдокія, 45. Торанская 3-я Дарія, Березовская Марія; по ариметикѣ: Реутская Софія, Измайлова Аполлинарія и Рубинская Анастасія.

в) Оставляется во 2 классъ на повторительный курсъ по малоуспѣшности и малоразвитости.

50. Яновская Евфросинія.

ТРЕТЬЯГО КЛАССА.

а) удостоены перевода въ 4 классъ.

1. Баженова Софья, Богославская Маріонилла, Быковцева Мелетина, Бѣликова Антонина, 5. Ведринская Марія, Данталь Юлія,

Дюкова Анна, Ермолаева Александра, Жукова Пелагія, 10. Заводская Евдокія, Измайлова Марія, Иннокова Елена, Капустянская 1-я Анна, Капустянская 2-я Анастасія—нагр. пох. листомъ, 15. Климентова Марія, Краснокутская Антонина, Насѣдкина 2-я Евгенія, Оглоблина Анна—нагр. пох. листомъ, Павлова Марія, 20. Пономарева 1-я Анна (Поликар.), Пономарева 2-я Анна (Иван.), Попова 1-я Евгенія, Попова 2-я Евдокія, Проскурникова Елисавета, 25. Раковская Евгенія, Рокитянская Домника, Сапухина Александра, Сѣверинова Софья—нагр. пох. листомъ, Татаринова Елена, 30. Толмачева Наталія—нагр. пох. листомъ, Торанская Варвара, Уманцева Елена, Ястремская Серафима, Ѳеденко Евфросинія—нагр. пох. листомъ, 35. Ѳедорова 1-я ВѢра (Васильевна) и Ѳедоровская Марія.

б) Будутъ переведены въ 4 классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ канікулъ.

По ариѳметикѣ: Базилевичъ Антоина, Виноградская Мавра, Вышемирская Анастасія, 40. Ерофалова Надежда, Кузнецова Елена, Насѣдкина 1-я Надежда; по русск. яз.: Оптовцева Любовь.

в) Оставляются въ 3 классъ на повторительный курсъ по малоспособности и малоразвитости.

Григоревичъ Антонина, 45. Сергіевская Марія, Ѳедорова 2-я ВѢра (Георг.) и Владыкова Клавдія.

ЧЕТВЕРТАГО КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ 5-й классъ.

1. Аристова ВѢра, Василевская Еватерина, Воскобойникова Марія, Дейнеховская Елисавета, 5. Жукова Анна, Крутьева Екатерина, Курасовская Анна—нагр. пох. листомъ, Линицкая Софія, Литъевичъ Анна, 10. Любарская Елена, Макухина Капитолина, Матвѣва Александра, Носова 1-я Марія, Носова 2-я Антонина, 15. Петрова Александра, Полтавцева Елисавета, Попова 1-я Лидія (Никол.), Попова 2-я Ольга, Попова 3-я Евдокія—нагр. пох. листомъ, 20. Попова 4-я Лидія (Григор.), Рубинская Антонина, Сапухина Софья, Склярова Глафира, Твердохлѣбова Софья, 25. Трегубова Марія, Троянова Еватерина, Чернявская Александра, Чугаева Ольга, Шишлова 1-я Антонина, 30. Шишлова 2-я Дарія—нагр. пох. листомъ, Эвенхова Евдокія, Энеидова Александра—нагр. пох. листомъ и Якубовичъ Анна.

б) Будуть переведены въ 5-й классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

По славянск. яз.: Красина Анна, 35. Березовская Антонина; по исторіи: Крыжановская Антонина; по сочиненію: Васютина Дарія; по Зак. Божію и исторіи: Жданова Варвара, по Зак. Божію и слав. языку: Попова 5-я Евгенія.

в) 40. Котляровой Анни, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

г) Принята въ число воспитанницъ V класса, какъ выдержавшая удовлетворительно приѣмный экзаменъ:

Любарская Надежда.

д) Увольняется изъ училища, какъ не явившаяся въ продолженіе цѣлаго учебнаго года:

Татарина Анастасія.

ПЯТАГО КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ 6-й классъ.

1. Агнивцева Анастасія, Авсененкова Вѣра, Арефьева Надежда, Васильковская Анастасія, 5) Власова Александра, Грабовская Дарія, Дзюбанова Александра—нагр. пох. листомъ, Жукова Александра, Жуковская Анна, 10. Калустянская Александра, Климентьева Екатерина, Колосовская 2-я Марія (Иван.), Космина Елена, Котвичикова Антонина, 15) Котляровская Антонина, Кошлякова Надежда, Красноутская Елена, Кубцовская Ольга, Ладенкова Анна, 20. Ланьгарева Валентина, Лукашева Ольга, Мартинович Анастасія, Маваровская Екатерина, Набокова Александра, 25. Павлова 1-я Анна, Павлова 2-я Неонилла—нагр. пох. листомъ, Пономарева Анисія, Попова Елисавета, Сапухина Евдокія, 30. Сильванская 1-я Марія (Никол.), Слюсарева Ольга, Степурская Валентина, Сукачева Анна, Твердохлѣбова Неонилла, 35. Торанская 1-я Пелагія, Торанская 2-я Наталія, Черняева Евдокія, Шебатинская Ирина, Щепинская Евдокія, 40. Юшкова Надежда, Яновская Наталія, Энеидова Клавдія и Федорова Раиса.

б) Будутъ переведены въ 6 классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Сулима Евфрасія—по географіи, 45) Колосовская 1-я Марія (Михайл.)—по слав. яз. и дидактикѣ.

в) *Остается въ 5 классъ на повторительный курс по бо-
льши.*

Сильванская 2-я Марія (Леонид.).

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за
18⁸⁹/₉₀ учебный годъ.

1. Въ 18⁸⁹/₉₀ году совѣтъ училища составляли: а) предсѣдатель совѣта, магистръ богословія, священникъ Тимофей Буткевичъ, б) Начальница училища, окончившая курсъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка, дѣвица Евгенія Николаевна Гейцыгъ, в) Инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, священникъ Никандръ Онкевичъ, г) члены Совѣта отъ духовенства: священникъ Панкратій Ивановъ и священникъ Николай Мощенковъ и д) почетный блюститель по хозяйственной части училища Николай Александровичъ Чикинъ.

2) Въ отчетномъ году въ училищѣ было: 6 нормальныхъ классовъ, 1 пригготовительный и одна церковно-приходская школа.

3) Учебный персоналъ состоялъ: изъ 13 преподавателей, 10 учительницъ, 17 воспитательницъ, 7 цешиньероуъ и одной учительницы церковно-приходской школы.

4) Къ началу 18⁸⁹/₉₀ учебнаго года въ училищѣ числилось 283 воспитанницы.

Въ августѣ 1889 года принято 50 дѣвицъ, 49 въ пригготовительный классъ и 1 въ IV классъ.

Вслѣдствіе этого 18⁸⁹/₉₀ учебный годъ начался при 333 воспитанницахъ, изъ коихъ въ пригот. кл. было 51 восп., въ I кл. 51 восп., въ II кл. 50 восп., въ III кл. 48 восп., въ IV кл. 41 восп., въ V кл. 46 восп. и въ VI кл. 46 восп. Всего 333 восп.

5) Въ теченіе 18⁸⁹/₉₀ учебнаго года принято въ училище въ проготовит. клас. 3 дѣвицы.

Въ отчетномъ учебномъ году вышло изъ училища 8 воспитанницъ, а именно: изъ пригот. кл. 5 восп., изъ III кл. 1 восп., и изъ VI кл. 2 восп.

6) Къ началу годичныхъ испытаній въ училищѣ числилось: въ пригот. кл. 49 восп., въ I кл. 51 восп., въ II кл. 50 восп., въ III кл. 47 восп., въ IV кл. 41 восп., въ V кл. 46 восп., и въ VI кл. 44 восп., всего 328 восп.

7) Послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ въ апрѣлѣ и

маѣ мѣсяцахъ настоящаго года, по постановленію училищнаго совѣта отъ 27 апрѣля и 5 мая н. г.

а) Удостоены перевода въ слѣдующіе классы:

Изъ пригот. въ I кл. 49 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 36), изъ I во II кл. 47 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 25), изъ II въ III кл. 38 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 15), изъ III въ IV кл. 36 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 11), изъ IV въ V кл. 33 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 13), изъ V въ VI кл. 43 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 17).

Окончили полный курсъ училищнаго образованія 43 воспитанницы, которымъ на основаніи § III устава епархіальныхъ женскихъ училищъ, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

б) Оставлены въ тѣхъ-же классахъ на повторительный курсъ по малоуслѣбности, малоразвитости, по просьбѣ родителей и болѣзни: въ I кл. 2 восп., во II кл. 1 восп., въ III кл. 4 восп. и въ V кл. 1 восп.

в) Воспитанницамъ, не державшимъ экзаменовъ по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, равно какъ и получившимъ неудовлетворительныя отмѣтки по нѣкоторымъ предметамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію и передержкѣ экзаменовъ послѣ каникулъ, — а именно:

Въ I классѣ 1 воспитанница, во II кл. 11 воспитан., въ III кл. 7 восп., въ IV кл. 7 восп., въ V кл. 2 восп. и въ VI кл. 1 восп.

8) Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ, за отличные успѣхи и благонравіе, по опредѣленію совѣта, удостоены награжденія похвальными листами и книгами:

Въ подготовит. классѣ 21 воспитан., въ I кл. 10 восп., во II кл. 9 восп., въ III кл. 5 восп., въ IV кл. 4 восп., въ V кл. 2 восп. и въ VI кл. 7 воспит.

СПИСОКЪ

воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благонравіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами. Мая 7 дня 1890 г.

ПРИГОТ. КЛАССА.

1. Степурская Антонина, Сокальская Марія, Дикарева Зоя, Грызодубова 2-я Рахиль, 5. Власовская Павла, Грекова Александра,

Кутепова Мотрона, Луценко Антонина, Мурина Анастасія, 10. Настѣкина Антонина, Туранская Анна, Чугаева Александра, Оедодоровская Вѣра, Оптовцева Марія, 15. Жданова Ксенія, Крыжановская Александра, Павлова Ольга, Сильванская Вѣра, Стефановская Любовь, 20. Веселовская 2-я Анастасія, Назаревская Анна.

I КЛАССА.

1. Николаевичъ Александра, Копѣйчикова Анастасія, Любарская 3-я Юлія, Стефановская Евдокія, 5. Титова Ларисса, Жукова Ирина, Ведринская Софья, Любарская 2-я Марія, Чудновская Нина, 10. Маяцкая Мотрона.

II КЛАССА.

1. Мирводина Дарія, Приходькова Софья, Юшкова Антонина, Петрова Любовь, 5. Сѣбирская Ларисса, Шишкова Анна, Жуковская Александра, Ковалева Александра и Твердохлѣбова Александра.

III КЛАССА.

1. Оеденко Евфросинія, Капустянская 2-я Анастасія, Оглоблина Анна, Толмачева Наталія, 5. Сѣверинова Софья.

IV КЛАССА.

1. Шишлова 2-я Дарія, Курасовская Анна, Энеидова Александра, Попова 3-я Евдокія.

V КЛАССА.

Павлова 2-я Неонила, Дзюбанова Александра.

СПИСОКЪ

воспитанницъ VI класса Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, окончившихъ курсъ и получающихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ; при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благоправіе, награждаются книгами. Мая 7 дня 1890 года.

1. Алексѣевская Лидія, Артюховская Екатерина, Брайловская Марія, Будянская Любовь, 5. Бутковская Евгенія, Ветухова Анна, Грекова Марія, Грызодубова Галина, Губская Вѣра, 10. Дахнѣвская Ксенія, Жданова Аполлиарія, Жукова Марія, Климентова Наталія, Косьмина Анна, 15. Корнильева Анна, Краснопольская Екатерина, Лашьарева Анна—нагр. книгою, Лѣсницкая Марія, Лядская Татіана, 20. Максимова Марія, Мощенко Анна, Мухина Евгенія—нагр. кн., Оглоблина Елена, Павлова Евгенія—нагр. кн., 25. Погорѣлова Анастасія—нагр. книгою, Подольская 1-я Антонина, Подольская 2-я

Елена, Пономарева 1-я Серафима (Иван.)—нагр. кн., Пономарева 2- Серафима (Андр.), 30. Приходькова Антонина, Раздольская Анна, Савенко Евдокія, Селезнева Марія, Соколова Елена, 35. Соколовская Марія, Ступницкая Надежда, Сѣверина Анна—нагр. кн., Татарінова Анна, Уманцева Софья, 40. Чернявская Людмила, Эллинская Марія, Юшкова Анастасія—нагр. кн., и Яновская Юлія

Рубинской Маріи, какъ не державшей экзамена по болѣзни, предоставляется право держать таевою послѣ каникулъ.

Примѣчаніе Аттестаты пятнадцати сиротъ, окончившихъ курсъ училища, совѣтомъ имѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцеляріи г. попечителя учебнаго округа, съ покрытіемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ специальныхъ училищныхъ средствъ.

Изъ окончившихъ курсъ въ этомъ учебномъ году пепиньвермаи на предстоящій 1890—91 учебный годъ Совѣтомъ училища назначены слѣдующія: Дажыѣвская Ксенія, Лашварева Анна, Пономарева Серафима (Иван.), Пономарева Серафима (Андр.), Соколова Елена, Приходькова Антонина и Уманцева Софья.

Списокъ лицамъ духовнаго и свѣтскаго званія Харьковской епархіи, коимъ, за заслуги и пожертвованія по духовному ведомству, опредѣленіемъ отъ 31 января—20 февраля 1890 года за № 281, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода:

а) Съ выдачею грамотъ.

Крестьянину села Алексѣевки Едграфу Кобзану; протоіерею Іоанну Максимовичу; землевладѣльцу Ивану Терещенку; старостѣ Покровской церкви заштатнаго гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, купцу Митрофану Балаценку; цеховому того же гор. Константину Крючку; купцамъ: богодуховскому—Василію Вюннику и харьковскому—Николаю Гребенщикову; обществу прихожанъ Николаевской церкви слободы Ново-Андреевки, Зміевскаго уѣзда; старостѣ Покровской церкви слободы Ново-Серпухова, Зміевскаго уѣзда, купцу Михаилу Ольховому; обществамъ прихожанъ: Крестовоздвиженской церкви слободы Малиновой, Зміевскаго уѣзда, и Воскресенской церкви сл. Ново-Борисоглѣбска, Зміевскаго уѣзда; старостѣ Троицкой церкви слоб. Волохова Яра, того же уѣзда; купцу Филиппу Кравцову; обществу прихожанъ Троицкой церкви слободы Гракова, Зміевскаго уѣзда; дѣйствительному статскому совѣтнику Павлу Гротену; вдо-

вѣ врача Александрѣ *Панжевичѣ*; протоіерею Іоанну *Федорову*; старостамъ купцамъ: Іоанно-Богословской церкви слободы Ивановки, Харьковскаго уѣзда, Сергѣю *Фастову* и Крестовоздвиженской церкви гор. Изюма Евграфу *Маршику*; обществу крестьянъ слободы Залиманья; прихожанамъ: Рождество-Богородичной церкви слободы Смольяниновой, Старобѣльскаго уѣзда; Петро-Павловской церкви слободы Петро-Павловки, того же уѣзда; Покровской церкви слободы Трехизбянской, Старобѣльскаго уѣзда; Николаевской церкви слободы Боровой, Старобѣльскаго уѣзда; Петро-Павловской церкви слободы Денежниковой, того же уѣзда; Успенскаго молитвеннаго дома села Гречишвина, Старобѣльскаго уѣзда; Покровской церкви, слободы Спѣваковки и Троицкой церкви слободы Черниговки, Старобѣльскаго уѣзда; крестьянамъ: слободы Спѣваковки Ивану *Боровскому* и слободы Трехизбянской Василю *Шуринкову*; дворянину Ивану *Долинскому*; сумскому купцу Ивану *Пономаренку* и сумской мѣщанской вдовѣ Евдокии *Васильченковой*.

б) Безъ грамотъ:

Купцамъ г. Бѣлополя — Ѳеодоту *Потетнѣ* и Ивану *Балащенко*; крестьянину слободы Смольяниновой Никитѣ *Ермоленку*; заштатному діакону церкви той же слободы Дмитрію *Попову* и старостѣ Всѣхсвятской церкви слободы Залиманья, Изюмскаго уѣзда, крестьянину Іосифу *Гончаренку*.

Епархіальныя извѣщенія.

И. д. надзирателя - репетитора Харьковскаго духовнаго училища Викторѣ *Флоринскій* опредѣленъ на священническое мѣсто при Архангело-Михайловской церкви слободы Павловокъ Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Николаевской церкви с. Подлѣсновки, Сумскаго уѣзда, Николай *Рокитянский* волею Божіею умре.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви с. Алексѣвки, Сумскаго уѣзда, Василю *Калашникову* перемѣщенъ къ Николаевской церкви с. Подлѣсновки, того же уѣзда.

— Псаломщикъ Успенской церкви сел. Нижней Покровки, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Ветуховъ* перемѣщенъ къ Николаевской церкви сл. Алексѣвки, того же уѣзда.

— Сынъ псаломщика Георгій *Константиновъ* опредѣленъ псаломщикомъ при Успенскомъ молитвенномъ домѣ селенія Гречишвина, Старобѣльскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Николай *Поповъ* опредѣленъ псаломщикомъ при Вознесенскомъ молитвенномъ домѣ села Грачевки, Волчанскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Покровской церкви слободы Вѣлоуцкой, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій *Головинскій*; къ Христо-Рождественской церкви сл. Боромли, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ Григорьевъ *Бондарь*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Польско-католическія интриги въ сѣверо-западномъ краѣ по вопросамъ о школьномъ совмѣстномъ воспитаніи православныхъ съ католиками.—Вопросъ о возобновленіи сношеній съ старо-католиками.—Объ устройствѣ епархіальныхъ страховыхъ обществъ.—Постановленія послѣднихъ сѣздовъ духовенства по училищнымъ дѣламъ.—Объ эмеритурахъ.—Обезпеченіе существованія церковно-приходскихъ школъ.—Любеобильная рѣчь архипастыря.—Погребеніе умершихъ безъ священника.—Новое братство.—Устройство храма и школы на мѣстѣ Полтавской битвы.—Правила о приходскихъ совѣтахъ.—Собраніе свѣдѣній о древнихъ храмахъ и порядокъ ихъ реставраціи.—Пріютъ для призрѣнія и воспитанія православныхъ сиротъ въ Польшѣ.—Правила контроля частныхъ благотворительныхъ учрежденій.—Регулированіе приходовъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ.—Предстоящій юбилей присоединенія Подолий къ Россіи.—Учрежденіе лечебной станціи въ Балазамѣ для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній.—Мѣры къ улучшенію церковно-приходскихъ школъ въ Волынской епархіи.—Мѣры къ охраненію древнихъ памятниковъ.—Новый порядокъ надзора за исправительными колоніями и пріютами.—Общепользныя свѣдѣнія.

Въ «Литов. Еп. Вѣд.» помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Нынѣшнее положеніе римскаго католичества въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ по свѣдѣніямъ и оповѣщеніямъ римской куріи». Статья эта собственно состоитъ изъ документа-циркуляра, разосланнаго въ частныхъ конвертахъ всѣмъ польскимъ епископамъ сѣверо-западнаго края. Вотъ дословный переводъ съ латинскаго этого любопытнаго документа, даннаго въ Римѣ 28 іюня 1889 г. и ясно обнаруживающаго враждебно-войнственныя цѣли и стремленія католичества по отношенію къ православію и русской народности въ западной и сѣверо-западной части Россіи. «Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ епархіяхъ: виленской, минской, которыя уже закрыты, и самогитской, а отчасти и въ архіепископіи моголевской, установился обычай, по которому ученики-католики общественныхъ школъ, которыя называются обыкновенно гимназіями и прогимназіями, въ торжественные царскіе дни, каковы: день рожденія и день тезоименитства, годовщина коронаціи Императора и другіе той же категоріи, по приказанію свѣтскаго училищнаго начальства, должны ходить въ схизматическіе храмы для присутствованія при некатолическомъ богослуженіи. Нѣкоторые епископы вынуждены были мириться съ этимъ порядкомъ, другіе старались устранить его неоднократно протестами, но не имѣли никакаго успѣха у свѣтской власти.

Впослѣдствіи же ученики-католики, посредствомъ наказаній и притѣсненій, были принуждены уже не къ простому, такъ называемому, офиціальному присутствованію, но и къ участию въ некатолическихъ обрядахъ; именно: имъ приказывали въ схизматическихъ храмахъ и на колѣняхъ стоять, и цѣловать крестъ, предлагаемый совершающимъ служеніе и держать при нѣкоторыхъ церемоніяхъ въ рукахъ свѣчи.

Это злоупотребленіе, какъ желательное для гражданской власти-примѣнено было, кромѣ торжественныхъ царскихъ дней, не только ко дню годовщины смерти Императора Александра II, но такъ же и къ другимъ учреждавшимся по какому-либо случаю торжествамъ, напримѣръ, къ празднованію юбилея кого-нибудь изъ училищныхъ начальниковъ, къ совершенію благодарственного молебствія за повышеніе правительствомъ кого-либо по службѣ. Въ концѣ-концовъ подобный образъ дѣйствій былъ недавно распространенъ свѣтскою властію даже на начальныя училища, въ которыя отдаются на воспитаніе въ деревняхъ и селахъ дѣти нѣжнаго возраста.

Но ученики стали чуждаться схизматическихъ храмовъ и отказывались присутствовать при некатолическомъ богослуженіи, въ полномъ убѣжденіи, что они поступаютъ такъ подъ покровомъ и при содѣйствіи своей собственной церковной власти. Тогда свѣтская власть распорядилась объявить по школамъ предписаніе, въ силу котораго начальники оныхъ настаивали, дабы католическіе законоучители, подъ страхомъ наказанія, всѣми силами воздерживались отъ (высказыванія) того, что могло бы отвлекать учениковъ-католиковъ отъ схизматическихъ храмовъ, и даже, чтобъ они своимъ авторитетомъ склоняли учениковъ къ исполненію этого незаконнаго требованія правительства.

Слѣдствіемъ сего было то, что три ксендза изъ законоучителей общественныхъ школъ сосланы были свѣтскою властію въ монастырь за то, что запрещали посѣщать ученикамъ схизматическіе храмы и водили (будто ?!) ихъ въ церкви католическія. Въ настоящее же время свѣтская власть угрожаетъ (еще) болѣе тяжкими наказаніями и объявляетъ, что тѣ ученики, которые будутъ уклоняться отъ некатолическаго богослуженія, будутъ исключаемы изъ учебнаго заведенія (?!).

Само собой очевидно, чего именно свѣтская власть старается достигнуть такими мѣрами: она не имѣетъ въ виду ничего другого, какъ то, чтобы приготовить католическому народу путь къ схизмѣ.

Правительство тѣмъ легче надѣется достигнуть этого, что католическая церковь въ означенныхъ епархіяхъ едва ли, повидимому, можетъ имѣть спасительное вліяніе на благочестіе и добрыя нравы католическаго населенія, такъ какъ уже издавна и вездѣ поставлена въ тяжкое положеніе и всѣми способами притѣсняется гражданскою властію; самый же народъ, а въ особенности воспитанное подобнымъ образомъ юношество, проникается мало по малу не католическими убѣжденіями, заражается религіознымъ индифферентизмомъ и теряетъ отвращеніе къ схизмѣ. Что касается католическаго простонародья, то, хотя оно и чрезвычайно предано католической религіи, однако, съ умысломъ удерживается въ невѣжествѣ: для него нѣтъ даже запаса книгъ, которыя оно могло бы читать, а потому или недостаточно, или и вовсе не понимаетъ разницы, какая существуетъ между схизмою и католическою вѣрою. А такъ какъ гражданская власть постоянно твердитъ, что она приняла народъ подъ свою опеку, и обѣщаетъ ему золотыя горы, то неопытное народонаселеніе, не понимая самыхъ гибельныхъ плановъ правительства, не догадывается о томъ, какая опасность угрожаетъ католической вѣрѣ. Вслѣдствіе этого, еслибы церковная власть стала смотрѣть равнодушно на сближеніе католическихъ воспитанниковъ училищъ со схизмою посредствомъ церемоній не католическаго обряда, то дѣло католичества было бы поставлено въ крайне опасное положеніе. (И, то тѣмъ болѣе), что свѣтская власть недавно объявила, что она, во чтобы то ни стало, доведетъ дѣло до того, чтобы ученики-католики присутствовали на схизматическихъ торжествахъ, ибо это составляетъ-де долгъ и обязанность подданныхъ.

Въ заключеніе не слѣдуетъ пройти молчаніемъ и того, что въ означенныхъ епархіяхъ совсѣмъ нѣтъ никакихъ другихъ школъ, кромѣ тѣхъ, которыя учреждены свѣтскою властію и отданы въ завѣдываніе учителямъ-схизматикамъ; католическія же школы въ нихъ уже давно закрыты, и приняты также строгія мѣры для (предупрежденія) того, чтобы кто-нибудь частнымъ образомъ не давалъ юношеству необходимаго (т. е. въ польскомъ направленіи) воспитанія.

Выходъ изъ всего этого такой: есть, положимъ, законоучитель общественной школы и ксендзъ, на коего возлагается духовною властію обязанность воспитанія юношества въ религіозно-нравственномъ отношеніи; если такой ксендзъ запретитъ ученикамъ посѣщать схизматическія молебніи, а прикажетъ имъ молиться за Императора въ католической церкви, то это неизбежно повлечетъ

за собою для него ссылку, или же, по лишеніи сана (прихода?), заключеніе въ монастырь. Часть учениковъ (въ такомъ случаѣ), по приказанію родителей, оставитъ школу и лишится такимъ образомъ возможности получить образованіе (науки); другіе останутся въ училищахъ и будутъ находиться подъ вліяніемъ учителей-схизматиковъ, которые будутъ принуждать ихъ ходить въ схизматическіе храмы и обучаться вѣрѣ и нравственности въ схизматическомъ духѣ. Затѣмъ, нѣкоторые изъ тѣхъ, которые останутся въ школахъ, въ случаѣ отказа или имъ самимъ, или ихъ родителямъ въ допущеніи въ таинства, также оставятъ учебное заведеніе, а иные, притомъ большинство, перейдутъ въ схизму. Это произойдетъ тѣмъ легче, что, по всей вѣроятности, крестьяне и вообще сельскія сословія, которыя составляютъ большую часть народонаселенія и уже давно по принужденію содержатъ на свой счетъ начальныя училища и ихъ наставниковъ, будутъ подвергаться денежнымъ штрафамъ и другимъ жестокимъ притѣсненіямъ въ томъ случаѣ, если будутъ приказывать своимъ дѣтямъ оставлять училища или запретятъ имъ поступать въ оныя.

В о п р о с ы ¹⁾: 1) Если можно будетъ добиться того, чтобы свѣтская власть не требовала отъ учениковъ-католиковъ ничего другого, кромѣ ихъ пассивнаго или чисто официальнаго присутствіи въ табельные дни (въ православной церкви) безъ общенія въ священнодѣйствіяхъ и безъ всякаго участія въ нектолическомъ служеніи, то могутъ ли законоучители училищъ обѣихъ категорій, т. е. высшихъ или гимназій и низшихъ или начальныхъ, дать на такого рода присутствованіе свое согласіе?

2) Могутъ ли допустить это законоучители не начальныхъ школъ, а гимназій только?

3) Можно ли разрѣшить присутствованіе ученикамъ гимназій, но, въ видахъ устраненія опасности совращенія, лишь тѣмъ, которые дошли до такъ называемыхъ высшихъ классовъ?

4) Нельзя ли, наконецъ, давать согласіе на официальное присутствованіе (въ православной церкви) только одного или нѣсколькихъ учениковъ, въ качествѣ представителей отъ каждаго класса высшихъ и низшихъ училищъ?

5) Если же такое присутствованіе не можетъ быть допущено ни въ какомъ случаѣ, то можетъ ли быть дано разрѣшеніе отъ грѣ-

¹⁾ Очевидно, того же епископа.

ховъ тѣмъ, которые будутъ замѣчены въ официальномъ присутствованіи, или же отказывать имъ въ этомъ?

(На это) послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ отъ святаго собранія инквизиціи: когда наивысшему собранію генеральной римской инквизиціи предложено было на рѣшеніе сомнѣніе: можетъ ли быть допущено присутствованіе католиковъ при совершеніи некаатолическихъ религіозныхъ обрядовъ, то ихъ эминенціи и высокопреподобные верховные отцы инквизиторы, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, въ собраніи IV ферій, 19 іюня постановили отвѣтъ отрицательно.

Это мнѣніе отцовъ кардиналовъ нашъ святѣйшій отецъ, въ аудіенціи того же числа, изволилъ утвердить и одобрить.

Сообщая объ этомъ вашему преподобію, выражаю чувства и проч. Дано въ Римѣ, 28 іюня 1889 г.»

Такой же точно характеръ нетерпимости имѣеть и второе распоряженіе изъ Рима къ подвѣдомственному папѣ духовенству въ Россіи, разосланное вмѣстѣ съ первымъ и заключающееся въ слѣдующемъ вопросѣ и отвѣтѣ: можетъ ли исповѣдникъ на законномъ основаніи разрѣшить отъ грѣховъ кающагося, который сознается, что онъ намѣренъ вступить въ бракъ съ некаатоликомъ въ томъ случаѣ, когда, по особымъ соображеніямъ, не можетъ быть дано разрѣшеніе церкви, а кающійся, не смотря на убѣжденія исповѣдающаго, не хочетъ переменить своего намѣренія?

Святая коллегія, завѣдующая дѣлами исповѣди, на вышеизложенное отвѣтила 28 ноября 1889 г.: «не разрѣшается». Подъ «вашимъ преподобіемъ» замѣчаютъ «Литов. Еп. Вѣд.» здѣсь, прежде всего, разумѣется всякій р.-католическій всендѣзъ изъ указанныхъ епархій, какъ «закрытыхъ», такъ и дѣйствующихъ, особенно же р.-католическіе законоучители въ нихъ. Въ нынѣшнемъ году къ этимъ «преподобіямъ» причислили и законоучителей привислянскаго края, разославши имъ по одному печатному экземпляру приведеннаго документа ¹⁾, въ конвертахъ частной корреспонденціи и съ польскимъ адресомъ на нихъ. Всѣ ли р.-като-

1) Съ слѣдующимъ предисловіемъ: „въ послѣднее время газеты сообщали, что ученики-католики, посѣщающіе гимназіи въ Россійской имперіи, обязаны въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вопреки правиламъ церкви, присутствовать при некаатолическихъ богослуженіяхъ. Не бесполезно будетъ, если мы сообщимъ достоуважаемому духовенству, что объявлено по этому поводу съ высоты святаго апостольскаго престола. А именно: (дальше приводятся эти „правила“, именно приведенный выше документъ. Подумаешь, какъ легко у нихъ появляются новыя правила церкви!“).

лическіе законоучители «училищъ обѣихъ категорій» получили такимъ или другимъ путемъ посланіе, это, конечно, доподлинно неизвѣстно. Но если оно прислано, на примѣръ, и холмскому и ефлепскому законоучителямъ; то нѣтъ никакихъ основаній думать, что оно получено только ими одними, что отпечатано только для своихъ, что не отправлено такою же частною корреспонденціей для всѣхъ, по крайней мѣрѣ, очень многимъ, большинству. Не могутъ не знать объ этомъ постановленіи собранія инвизиціи, утвержденномъ папою, высшія епархіальныя лица и учрежденія всѣхъ указанныхъ западно-русскихъ епархій, равно и привислянскаго края: они не только знаютъ, но и обязаны блюсти, чтобы оно исполнялось. Итакъ, всякое посѣщеніе учащимися, т. е. подростками поколѣніями православнаго храма, даже не для молитвы и не по своей волѣ, опредѣлено римскою куріею наказывать, какъ страшный грѣхъ, именно неразрѣшеніемъ отъ грѣховъ! Видно, чрезвычайно опасно посѣщеніе славянскаго богослуженія для р-католиковъ, сильно ограниченныхъ въ своихъ общественныхъ молитвахъ церковнослужебною латынью. Но еще опаснѣе, только не для нихъ, а для Рима и для полонизма, то, что, побывавъ въ православной церкви, они воочию убѣдятся, сколько джи и обмана заключается въ навѣтахъ на насъ, будто мы и въ Божию Матерь не вѣруемъ, и св. Троицы не почитаемъ, и молиться не молимся, и т. д. и т. д. Необходимо обратить серьезное вниманіе на эту новую римскую нетерпимость: она посягаетъ помѣшать воспитанію новыхъ поколѣній въ примирительномъ по отношенію къ православію и ко всякому русскому настроенію, стремится церковною карою удержатъ и ихъ въ той польско-латинской исключительности, въ какой росли ихъ отцы, дѣды и прадѣды. (Ц. Вѣстн.).

— Въ Москвѣ, 16 апрѣля, было очередное собраніе общества любителей духовнаго просвѣщенія, въ которомъ, между прочимъ, священникъ І. Соловьевъ возбудилъ полузабытый вопросъ о возобновленіи сношеній съ старокатоликами. О. Соловьевъ напомнилъ, что, когда началось старокатолическое движеніе, въ Россіи признали важное для православія значенія этого движенія, выразили сочувствіе и оказали содѣйствіе ему, а потомъ забыли о немъ, хотя старокатолики больше и больше приближались къ православной церкви. Докладчикъ указалъ на необходимость откликнуться на новый призывъ старокатоликовъ, тѣмъ болѣе, что живы и здравствуютъ еще многіе члены общества любителей духовнаго просвѣщенія, принимавшіе въ сношеніяхъ съ ними горячее участіе и руководившіе этими сношеніями, въ томъ числѣ протопресвитеръ

І. Л. Янышевъ, достопочтенный А. А. Кирѣевъ и мн. др. Докладчикъ коснулся и способа возобновленія сношеній общества съ швейцарскими старокатоликами, при посредствѣ русскихъ заграничныхъ священниковъ при посольскихъ церквахъ. Предложеніе о. Соловьева принято было сочувственно и вызвало оживленные толки со стороны особенно тѣхъ членовъ общества, которые при началѣ старокатолическаго движенія принимали дѣятельное участіе въ обсужденіи этого дѣла. Нѣкоторыми изъ членовъ заявлено было желаніе познакомить общество съ старокатолическимъ катихизисомъ послѣдняго изданія въ переводѣ его или въ извлеченіи и сообщить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ движеніи въ одно изъ будущихъ собраній общества.

— Мысль объ устройствѣ епарх. страховыхъ обществъ чаще и чаще возникаетъ на сѣздахъ духовенства. Тамбовскій сѣздъ слушалъ докладъ и. д. благочиннаго, свящ. І. Бутакова, объ учрежденіи въ епархіи взаимнаго страхованія церквей, ц.-прих. школъ, причтовыхъ домовъ и друг. имуществъ; при этомъ духовенству, при невозможности для него вдругъ составить свой достаточный запасный капиталъ, предлагалось примкнуть къ одному изъ существующихъ благонадежныхъ страховыхъ обществъ, которыя, принимая церковныя и причтовыя имущества на страхъ по удешевленной цѣнѣ, предлагаютъ въ то же время и извѣстные проценты съ страховой преміи въ пользу духовенства. Проценты эти должны быть фундаментомъ основнаго капитала для будущаго самостоятельнаго епархіальнаго взаимно-страхового общества. Съ этою цѣлю онъ, о. Бутаковъ, дѣлалъ сношеніе съ обществомъ «Москва», которое, въ отношеніи своемъ на имя епарх. сѣзда, увѣдомило духовенство объ условіяхъ страхованія, съ приложеніемъ страховой расчетной преміи. Сѣздъ постановилъ: просить благочинныхъ созвать духовенство своего округа и, обсудивъ этотъ вопросъ, представить къ будущему январскому сѣзду съ депутатами же, имѣющими явиться на сѣздъ, точныя свѣдѣнія о томъ, кто и на какую сумму желалъ бы страховать имущество церковное и свое собственное и на какихъ началахъ — на началахъ ли самостоятельнаго общества, или при участіи одного изъ страховыхъ обществъ. Прежде чѣмъ остановить свой выборъ на томъ или другомъ изъ страховыхъ обществъ, духовенство, конечно, соберетъ свѣдѣнія о степени ихъ сравнительной благонадежности.

На бывшихъ въ текущемъ году сѣздахъ духовенства была рѣчь о наиболѣе важныхъ нуждахъ духовно-училищной жизни. Экстрен-

ный сапожковскій съѣздъ постановилъ: временной церкви въ училищѣ не строить, какъ это предполагено было на основаніи проекта г. ревизора, а приступить въ нынѣшнемъ же году къ постройкѣ общежитія и постоянной церкви. Уполномоченные шуйскаго окружнаго духовенства разсуждали о займѣ 25 тыс. руб. на устройство училищнаго общежитія, и, въ виду постановленія съѣзда, епархіальный высокопреосвященный распорядился дать знать благочиннымъ округа, чтобы каждый изъ нихъ собралъ въ удобное время подвѣдомое ему духовенство на съѣздъ для дознанія и обсужденія, какая церковь и сколько денегъ можетъ отпустить заимообразно на 15 лѣтъ съ полученіемъ 5⁰/₁₀₀ для постройки ученическаго общежитія при шуйскомъ училищѣ. Депутаты на переславскомъ окружномъ съѣздѣ нашли необходимымъ и справедливымъ возвысить плату съ инословныхъ учениковъ за обученіе съ 10 до 20 р., съ предоставленіемъ, впрочемъ, права правленію училища уменьшать эту плату, смотря по состоянію родителей учениковъ.

Нѣкоторые съѣзды духовенства разсматривали и имѣютъ разсматривать дѣла объ эмеритурахъ. Черниговскій епархіальный съѣздъ исправилъ нѣкоторые параграфы устава мѣстной эмеритальной кассы, но не рѣшилъ вопроса о дѣйствіяхъ ея по удовлетворенію вкладчиковъ пенсіями за 10 лѣтъ, и потому, а также и за несостоявшимся еще утвержденіемъ устава кассы въ Св. Синодѣ, поступающія въ комитетъ прошенія о пенсіяхъ оставляются пока безъ удовлетворенія. Въ виду съѣзда волынскаго духовенства, въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ напечатанъ проектъ учрежденія въ волынской епархіи «взаимно-вспомогательной эмеритуры», составленный преподавателемъ каменецъ-подольскаго духовнаго училища г. В. Жуковскимъ. Въ обширномъ письмѣ своемъ на имя волынскаго преосвященнаго, также напечатанномъ, г. Жуковскій выражаетъ увѣренность, что ни существующія эмеритуры въ ихъ настоящемъ видѣ, ни подольская взаимно-вспомогательная касса не рѣшаютъ въ желательной степени вопроса о возможно лучшемъ обезпеченіи въ матеріальномъ отношеніи вдовъ, сиротъ и заштатныхъ священниковъ и церковнослужителей, а особенно неудовлетворительно рѣшаютъ этотъ вопросъ епархіальныя финансовыя учрежденія спеціально эмеритальнаго типа, не смотря даже на значительные взносы въ нихъ духовенствомъ нѣкоторыхъ епархій. Проектъ автора, по его словамъ, составляетъ первую попытку разрѣшить вопросъ такъ, чтобы обращалось преимущественное выи-

маніе на улучшеніе положенія осиротѣвшихъ семействъ съ большимъ числомъ непристроенныхъ сиротъ—дѣтей. Составитель проекта увѣренъ, что, согласно произведеннымъ имъ въ проектѣ расчетамъ, въ 20 годъ существованія волынская эмеритура будетъ находиться въ несравненно болѣе выгодныхъ финансовыхъ условіяхъ (600 тысячъ основного капитала), нежели подольская касса (387 тысячъ тоже въ двадцатый годъ).

— Старанія духовенства сколько-нибудь обезпечить существованіе церковно-приходскихъ школъ, не остаются безплодными. На дняхъ, напримѣръ, стало извѣстнымъ, что неприкосновенный капиталъ въ пользу церковно-приходскихъ школъ екатеринб. епархій достигъ въ настоящее время до весьма почтенной цифры—22,000 рублей. Сущестующій при мѣстномъ братствѣ епархіальный учил. совѣтъ теперь получилъ возможность осуществить мысль своего преосвященнаго предсѣдателя объ учрежденіи особой должности ревизора церк.-прих. школъ, съ жалованіемъ изъ процентовъ съ этого капитала.

— При обзорніяхъ епархіальными преосвященными епархій бываютъ замѣчательные случаи. Вотъ что было, напримѣръ, въ тамбовской епархій, при обзорніи ея преосвященнымъ Виталіемъ.

«Въ селѣ Текинѣ, зараженномъ расколомъ, владыка велъ продолжительную бесѣду съ народомъ о заблужденіяхъ раскольниковъ сначала въ храмѣ, а по выходѣ изъ храма—на площади. Въ числѣ слушателей на этотъ разъ были и раскольники. Разоблачивъ лжеученія раскольниковъ, владыка предлагалъ послѣднимъ подойти къ нему для собесѣдованія; но раскольники не подходили. «Укажите же мнѣ хотя одного раскольника!» сказалъ онъ, обращаясь къ православнымъ. Ему указали на одного изъ вожаковъ раскольниковыхъ. Владыка самъ подошелъ къ этому раскольнику и отечески убѣждалъ его возвратиться въ лоно православія и ходить въ храмъ Божій. Раскольникъ молчалъ. «Скажите же, по крайней мѣрѣ, продолжалъ владыка, почему вы вздумали отдѣлиться отъ православной церкви?» «Покойный о. Михаилъ заставилъ насъ отдѣлиться отъ нея, отвѣтилъ раскольникъ, онъ по 5 дней не кормилъ нашихъ покойниковъ; мучились, мучились мы, да вотъ и отошли». «А нынѣ, вѣдь, нѣтъ этого?» «Нѣтъ», отвѣтилъ раскольникъ и снова замолчалъ. «Въ такомъ случаѣ, я вотъ что скажу вамъ, продолжалъ преосвященный, забудьте все прошлое, и сдѣлайтесь православнымъ христіаниномъ». Сказавъ это, онъ подошелъ къ раскольнику и поцѣловался съ нимъ, говоря: Христосъ

посреди насъ! Этимъ бесѣда кончилась, и раскольникъ, пораженный словомъ архипастыря, пошелъ домой. Послѣ этого, когда владыка проѣзжалъ мимо дома этого раскольника, послѣдній почти-тельно кланялся ему.

Припоминается по этому поводу подобный случай съ другимъ отечественнымъ епископомъ-миссіонеромъ, который однажды на колѣнахъ умолялъ раскольниковъ возвратиться въ нѣдра православной Церкви.

— Донское епархіальное начальство обнаружило, что не смотря на распоряженія о недопущеніи самовольныхъ погребеній умершихъ, прихожане, по изстари заведенному обычаю, нерѣдко и до сихъ поръ самовольно, безъ священника, погребаютъ своихъ умершихъ на хуторскихъ кладбищахъ, а духовенство, зная объ этомъ и совершая поминовенія тѣхъ умершихъ, не принимаетъ съ своей стороны должныхъ мѣръ къ искорененію сего обычая. На это на дняхъ вновь было обращено вниманіе епарх. духовенства.

— Въ Полтавскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ находимъ сообщеніе объ открытіи братства при Николаевской церкви села Даръ-Надежды, Константиноградскаго уѣзда. Учредитель братства мѣстный священникъ Андрей Левченко, представилъ его преосвященству, преосвященнѣйшему Иларіону, епископу Полтавскому и Переяславскому, на утвержденіе актъ слѣдующаго содержанія:

Во славу Божию, въ честь и память Святителя Христова Николая и спасеніе душъ прихожанъ нашего храма, прошлаго декабря въ 6-й день, въ храмовой нашъ праздникъ, послѣ литургіи и благодарственного молебствія открыто мною церковно-приходское братство. Проектъ братства слѣдующій: Братство открывається во имя Святителя Христова Николая; открытіе братства, при разсѣянности нашего прихода и въ виду поселяющихся вооругъ насъ нѣмецкихъ сектантовъ, очень опасныхъ при сообщеніи съ нашимъ простымъ народомъ, особенно необходимо.

Цѣли братства: помогать слабымъ и малосвѣдующимъ соприхожанамъ въ усвоеніи истинъ св. православной вѣры и въ борьбѣ съ неправыми ученіями; нравственное воздѣйствіе на другихъ; приобрѣтеніе и раздача религіозно-нравственныхъ книгъ и брошюръ между прихожанами; заботы по благолѣпію и украшенію приходскаго храма и побужденіе другихъ къ частому и усердному посѣщенію церковныхъ службъ; строгое исполненіе св. таинствъ, обрядовъ нашей св. Церкви и соблюденіе св. постовъ; попеченіе о распространеніи грамотности по деревнямъ, открытіемъ школъ гра-

мотности; устройство пріюта для бѣдныхъ и больныхъ прихожанъ; въ духѣ братости и любви, вразумленіе мѣстной молодежи къ прекращенію вредныхъ собраній для игръ и непозволительныхъ развлеченій противъ воскресныхъ и праздничныхъ дней; борьба съ пьянствомъ, мошенничествомъ, воровствомъ и другими пороками. Вообще братство должно служить приходу примѣромъ доброй нравственности христіанской; и словомъ, и дѣломъ. Братство обязано входить въ матеріальное положеніе мѣстнаго духовенства, облегчая его нужды и недостатки. Братство состоитъ изъ членовъ постоянныхъ, въ которыхъ относятся и мѣстные священно-служители, съ 3-хъ рублевымъ взносомъ въ годъ, и временныхъ, кто по своимъ качествамъ будетъ признанъ достойнымъ и пожелаетъ быть членомъ братства, съ 1 рублевымъ взносомъ. Св. храмъ почитать братчиковъ молитвеннымъ возвышеніемъ ихъ именъ при богослуженіяхъ.

(Слѣдуютъ подписи мѣстнаго причта и 58 прихожанъ).

На актѣ этомъ резолюція его преосвященства 15 марта 1890 г. послѣдовала такова: «Приходское братство, утверждается; Богъ да поможетъ учредителямъ въ достиженіи намѣченной цѣли, а паче въ охраненіи прихода отъ вліянія неправныхъ ученій. Священникъ Левченко заведетъ книгу, въ которую записывать собранія братчиковъ, заявленія ихъ, разсужденія и распоряженія, какія будутъ приняты для вліянія на прихожанъ, избѣгая принудительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ». Государь Императоръ утвердилъ предположеніе св. синода о передачѣ изъ Черниговскаго казначейства части капитала, пожертвованнаго въ 1810 и 1812 г. Судіенко на устройство памятника и церкви на полѣ Полтавской битвы, въ распоряженіе синода съ нарощими процентами на поддержаніе построенной на капиталъ Судіенко на означенномъ полѣ церкви, памятника и прочихъ строеній, также на учрежденіе при церкви по крайней мѣрѣ двухъ-классной церковно-приходской школы для окрестнаго населенія.

— Въ газетахъ сообщаются подробности организациі приходскихъ совѣтовъ. Согласно новымъ правиламъ, при всѣхъ церквяхъ учреждаются приходскіе совѣты, которые и будутъ завѣдывать хозяйственною частью церквей. Члены совѣта избираются прихожанами на три года, за исключеніемъ предсѣдателя совѣта, которымъ безсмѣнно состоитъ настоятель церкви. На церковныхъ старостъ возлагается исполненіе распоряженій и постановленій приходскихъ совѣтовъ. При всякихъ новыхъ сооруженіяхъ, ремонтѣ церковнаго имуще-

ства и другихъ работахъ смѣты составляются и утверждаются совѣтомъ, и самыя работы производятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ не менѣе трехъ членовъ совѣта. Общее число членовъ послѣднихъ зависитъ отъ величины прихода, но должно быть не менѣе пяти и не болѣе двѣнадцати, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя.

— «Моск. Вѣд.» сообщаютъ, что духовнымъ вѣдомствомъ текущаго года предполагается собрать, чрезъ епархіальныя начальства, свѣдѣнія о древнихъ храмахъ, находящихся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и нуждающихся для ихъ сохраненія въ неотложной реставраціи и ремонтированіи. При этомъ въ виду того, что у насъ нерѣдко безцеремонно обходятся съ памятниками старины, совершенно уничтожая или до неузнаваемости искажая ихъ, предполагается при сломкѣ или реставраціи таковыхъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность составленіе лицомъ вполне свѣдующимъ протокола, со внесеніемъ въ послѣдній самаго подробнаго описанія реставрируемаго или уничтожаемаго памятника и со снятіемъ фотографіи или детальнаго рисунка съ памятника до его реставраціи или уничтоженія. Одновременно съ симъ предполагается усилить и самый надзоръ надъ перестройками храмовъ. Съ этою цѣлью, каждый изъ членовъ церковнаго попечительства будетъ пользоваться правомъ призывать на совѣщанія опытныхъ художниковъ и специалистовъ-ремесленниковъ. Только послѣ единогласнаго одобренія всѣхъ членовъ попечительства, проекты предлагаемыхъ работъ и способъ веденія этихъ работъ получаютъ утвержденіе отъ подлежащихъ властей. Въ случаѣ же неодобренія, хотя бы со стороны одного только члена попечительства, вопросъ поступаетъ на разсмотрѣніе специалистовъ, которые, въ данномъ случаѣ, избираются совмѣстно консисторіей и губернскими властями.

— «Гражданинъ» сообщаетъ, что совѣтъ варшавскаго православнаго Св. Троицкаго братства въ Варшавѣ предполагаетъ устроить вблизи Новогеоргіевска колонію съ пріютомъ для воспитанія въ духѣ православія и русской народности бѣднѣйшихъ православныхъ дѣтей, преимущественно круглыхъ сиротъ, происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ, очутившихся въ страшной нищетѣ, ютящихся и часто гибнущихъ при инославныхъ бѣдныхъ семействахъ внѣ всякаго общенія съ православною церковью и русскою народностью. На первое время предполагается устроить пріютъ на 25 мальчиковъ и на столько же дѣвочекъ. Съ теченіемъ времени колонію - пріютъ предполагается увеличить по мѣрѣ

средствъ братства и сообразно съ дѣйствительными потребностями бѣднаго православнаго населенія края.

— По словамъ «Нов. Вр.», въ непродолжительномъ времени будутъ опубликованы слѣдующія правила о контролѣ надъ частными благотворительными заведеніями: 1) всѣ Общества обязаны ежегодно представлять свои отчеты, какъ о состояніи суммъ, такъ и о своей дѣятельности, въ министерство внутреннихъ дѣлъ; учрежденія, состоящія подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, представляютъ свои отчеты секретарю Ея Величества; 2) въ случаѣ необходимости открытія новыхъ школъ, пріютовъ, лѣчебницъ и т. п., одновременно съ представленіемъ объ этомъ на разрѣшеніе въ установленномъ порядкѣ, должны быть изложены побудительныя къ расширенію круга дѣятельности причины и указаны источники не только открытія новаго пріюта, но и его содержанія въ будущемъ. Учрежденія, состоящія подъ Августѣйшимъ покровительствомъ испрашиваютъ сверхъ того каждый разъ Высочайшее Ея Величества соизволеніе и 3) при годовыхъ ревизіяхъ суммъ благотворительныхъ учреждений и ихъ дѣятельности участвуетъ лицо по назначенію отъ правительства.

— Газеты сообщаютъ, что епархіальнымъ начальствамъ поручено привести въ извѣстность составъ каждаго прихода въ столицахъ и губернскихъ городахъ и составить обязательное въ исполненію росписаніе приходо-расходовъ, обращая вниманіе на духовно-религіозныя потребности прихожанъ и желаніе, принадлежать къ тому или другому приходу, послѣ чего представить росписаніе на утвержденіе Синода.

— «Гражданинъ» сообщаетъ, что въ виду предстоящаго въ 1893 году празднованія столѣтія со времени присоединенія Подолія къ Россіи, подольское епархіальное начальство дѣятельно уже готовится къ тому, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать знаменательный юбилей. Между прочимъ готовится къ печати краткій духовно-историческій очеркъ судебъ края. Самое празднованіе юбилея должно состояться при чрезвычайно торжественной обстановкѣ, общія черты которой уже намѣчены.

— «Сынъ Отечества» пишетъ, что въ текущемъ году въ Балаклавѣ въ одномъ изъ монастырей будетъ устроена лѣчебная станція для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, состояніе здоровья которыхъ требуетъ серьезнаго климатическаго лѣченія. На устройство лѣчебной станціи изъ спеціальныхъ суммъ Св. Синода ассигновано 20,000 рублей.

— Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», со словъ газеты «Волынь», сообщается циркуляръ волынскаго губернатора мировымъ посредникамъ, въ которомъ, согласно ходатайству мѣстнаго преосвященнаго предлагается принять къ руководству и исполненію нѣкоторыя правила, касающіяся церковно-приходскихъ школъ,—именно, чтобы мировые посредники, дѣйствуя въ предѣлахъ своихъ полномочій совместно и согласно съ духовенствомъ: 1) приложили бы всѣ старанія о передачѣ таеъ-называемыхъ сельскихъ школъ въ церковное вѣдомство; 2) употребили бы всѣ зависящія мѣры вразумленія и настойчиваго внушенія по отношенію къ обществамъ, гдѣ и доселѣ не имѣется никакихъ школъ, въ видахъ побужденія ихъ къ открытію у себя церковно-приходскихъ школъ и обезпеченію таковыхъ необходимымъ содержаніемъ; 3) на собираемыхъ сельскихъ сходахъ по школьному вопросу считали бы для себя обязательнымъ личными разъясненіями и настояніями склонять общества, особенно сравнительно состоятельныя, къ устройству школьныхъ помѣщеній, возможно соотвѣтствующихъ требованіямъ педагогическимъ и гигиеническимъ, и къ усиленію положеннаго на учащихся и учебныя пособія денежныхъ средствъ; 4) чрезъ подчиненныя имъ волостныя и сельскія власти строго наблюдали бы за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ со стороны обществъ постановленныхъ въ пользу школъ приговоровъ и установили бы обязательность сбора школьныхъ денегъ по полугодіямъ впередъ; приняли бы мѣры къ устраненію беспорядочности и произвола со стороны обществъ, сельскихъ и волостныхъ начальствъ по распоряженію школьными помѣщеніями и по вмѣшательству во внутренніе порядки школъ; 6) при служебныхъ разъѣздахъ, въ предѣлахъ своихъ участковъ, посѣщали бы церковно-приходскія школы и тѣмъ свидѣтельствовали бы предъ крестьянами о своемъ вниманіи къ важности школьнаго дѣла; обо всемъ же замѣченномъ при этихъ посѣщеніяхъ, не дѣлая на мѣстѣ отъ себя прямыхъ распоряженій, сообщали бы подлежащимъ наблюдателямъ школъ и уѣзднымъ отдѣленіямъ, и наконецъ, 7) чтобы обращаема къ нимъ со стороны завѣдующихъ школами священниковъ, наблюдателей и уѣздныхъ отдѣленій ходатайства не оставляли по возможности безъ удовлетворенія.

— «Новое Время» сообщаетъ, что въ виду небрежнаго обращенія у насъ съ памятниками старины, которые часто или совершенно уничтожаются, или искажаются до неузнаваемости, Императорское московское археологическое общество признаетъ необхо-

димымъ установить, чтобы при сломкѣ или реставраціи памятниковъ старины составлялись лицомъ вполне свѣдущимъ протоколы, со внесеніемъ въ послѣдніе самаго подробнаго описанія реставрируемаго или уничтожаемаго. Наконецъ для охраненія памятниковъ и произведеній искусствъ во время войны возбуждается вопросъ объ учрежденіи Общества подобнаго Обществу «Краснаго Креста», причемъ, конечно, желательно было бы, чтобы Общество это признано было всѣми государствами.

— До настоящаго времени устройство исправительныхъ пріютовъ и земледѣльческихъ колоній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, исключительно почти являлось дѣломъ частной инициативы, причемъ такія заведенія устраивались и содержались преимущественно на средства, доставляемыя общественною благотворительностью, а главное тюремное управленіе имѣло только высшій надзоръ за исправительными пріютами и колоніями. Въ настоящее время министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи рѣшили, какъ слышало «Новое Время», что устройство исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ должно быть такимъ же дѣломъ правительства, какъ и устройство тюремъ для взрослыхъ преступниковъ, при чемъ, однако, по прежнему, обществу должно быть предоставлено право содѣйствовать правительству въ этомъ благомъ дѣлѣ. По поводу этого соглашенія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ настоящее время вырабатываются особыя правила, которыя затѣмъ будутъ представлены на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

— Въ «Сарат. Еп. Вѣд.» от. Вуковцевъ напечаталъ статью «Дѣтніе поносы у дѣтей въ Саратовской губерніи и способы борьбы съ ними». Приводимъ выдержки изъ этой прекрасной статьи, содержащія въ себѣ описаніе мѣръ, предупреждающихъ развитіе лѣтнихъ дѣтскихъ поносовъ, и лѣченіе при первомъ появленіи.

Для ограниченія распространенія лѣтнихъ поносовъ между дѣтскими рабочими классами общества,—какъ одну изъ самыхъ цѣлесообразныхъ мѣръ, говоритъ авторъ, могу предложить *устройство особаго пріюта* (въ родѣ саратовскихъ «яслей»), куда бы матери, отправляясь на полевые и садовые работы, могли бы помѣщать своихъ дѣтей до возвращенія съ работъ. Такая мѣра вполне сообразна и для селеній, какъ это было высказано нѣкоторыми земскими врачами, практикующими въ селеніяхъ.

Для матерей, желающихъ и имѣющихъ возможность вскармливать своихъ дѣтей сами или при помощи кормилицъ, могу реко-

мендовать слѣдующее: на первомъ планѣ должно стоять *правильное кормленіе грудью и избѣжаніе слишкомъ теплаго содержанія дѣтей*, производящаго усиленную испарину. При этомъ въ теплое лѣтнее время нужно отворять окна безъ опасенія «простуды» отъ «сквозного вѣтра». Если у кормилицы (или матери) количество молока превышаетъ потребность въ немъ ребенка, о чемъ заключить по появленію у него первыхъ признаковъ диспепсіи ¹⁾, или появляются безъ всякой видимой причины *срыгиванія* большимъ количествомъ молока, необходимо заставить кормилицу передъ каждымъ кормленіемъ сцѣдить молока, по возможности, больше; тогда оставшагося въ груди молока и отдѣляющагося во время самого кормленія будетъ совершенно достаточно для одного кормленія. При этомъ считаю нужнымъ предупредить, что кормилицы очень неохотно это дѣлаютъ, ссылаясь на то, что, будто «ребенокъ голоденъ», между тѣмъ часто настоящею причиною этому служитъ неприятная для нихъ процедура сцѣживанія молока.

Если количество творожистыхъ комочковъ въ испражненіяхъ велико, кислый запахъ въ нихъ довольно ясно ощущается, и ребенокъ беспокоится, по временамъ вскрикиваетъ, притягиваетъ ножки къ животу («сучить ножками»), тужится,—необходимо очистить кишечникъ приѣмомъ чайной ложечки кастороваго масла, послѣ чего въ продолженіи 1—2 дней давать по возможности меньше груди ²⁾—не чаще какъ чрезъ 3 часа днемъ и черезъ 6 час. ночью (или же—понемагоу черезъ 2 часа днемъ и 4 час. ночью). Послѣ приѣма кастороваго масла почти всегда ребенокъ успокаивается, если даннаго приѣма было достаточно для удаленія всего кислаго содержанія кишечника, но какъ только снова накопляются въ его кишечникѣ творожистыя хлопья, происходящія отъ несоблюденія вышеуказанной діеты, онъ снова начинаетъ беспокоиться и кричать. Въ такихъ случаяхъ, конечно, необходимо снова очистить его кишечникъ такимъ же приѣмомъ кастороваго масла и тѣмъ устранить причину разстройства.

Если испражненія были часты, напр., 5—8 разъ въ сутки ³⁾,

¹⁾ Кисловатый запахъ испражнений и примѣсь къ нимъ небольшихъ сверточковъ творога.

²⁾ При этомъ нечего опасаться голоданія ребенка, напротивъ, при диспепсіи болѣе обильная пища еще болѣе разстроиваетъ пищевареніе и, уменьшая способность кишечника къ всасыванію, обуславливаетъ еще большее голоданіе, причемъ, что излишне, принятая пища разлагается и усиливаетъ раздраженіе кишечника.

³⁾ Нормальное число испражнений у ребенка 2—3 раза въ сутки.

то, послѣ очищенія вишечника касторовымъ масломъ, нужно давать каждые 2 часа эмульсію изъ кастороваго масла, ¹⁾ уменьшающую раздраженность слизистой оболочки желудочно-кишечнаго канала.

Если отъ этой эмульсіи спазмы не преобразуются, то къ каждому приему ея можно прибавлять по 2 — 3 капли извѣстныхъ всѣмъ Иноземцевыхъ капель ²⁾.

Если у ребенка появляются жиленья, причемъ обыкновенно выдѣляется небольшое количество испражнений, иногда съ примѣсью слизи, или даже крови (что часто происходитъ отъ раздраженія прямой кишки кислыми испражнениями), нужно ставить ему небольшіе клистиры изъ холодной крахмальной воды ³⁾ слизистое свойство которыхъ значительно успокаиваетъ слизистую оболочку кишки, и ребенокъ успокаивается.

На вышесказанныя жиленья и частые крики ребенка необходимо обращать серьезное вниманіе еще и потому, что они содѣйствуютъ у новорожденныхъ растяженію пупочнаго кольца, влекущаго за собой образованіе пупочной грыжи ⁴⁾.

Приемы кастороваго масла, а еще лучше—смѣсь разныхъ частей глицерина, кастороваго и миндальнаго масла, можно, смотря по надобности, повторять нѣсколько разъ.

Во время лѣтнихъ жаровъ для утоленія жажды ребенка въ продолженіи дня полезно время отъ времени давать пить (по нѣс-

1) 1 десертную ложку кастороваго масла растереть въ блюдечкѣ съ 1 чайной ложкой порошка гумми-арабика, мало-по-малу прибавлять отварной воды 7 десертныхъ ложекъ и растереть до совершеннаго исчезанія малѣйшихъ капелекъ кастороваго масла; потомъ налить въ чистой пузырекъ и сильно взбалтывать до получения однородной молокообразной жидкости. Для уменьшенія разложенія кишечнаго содержимаго, при приготовленіи такой эмульсіи на все вышеуказанное количество полезно прибавлять 2—3 грама салициловой кислоты.

2) Я даю этотъ совѣтъ жителямъ деревень, а не Саратова и другихъ городовъ, гдѣ всегда можно имѣть помощь врача.

3) 1 чайную ложку крахмала (пшеничнаго или картофельнаго—все равно) на стаканъ кипятку, и остудить.

4) У невѣжественныхъ людей объ образованіи пупочной грыжи у новорожденныхъ и о поносахъ существуютъ чрезвычайно оригинальныя понятія. По ихъ понятіямъ, крики грудныхъ дѣтей не обуславливаются спазмами въ кишечникѣ, а образованіемъ «внутри грыжи», которая ихъ безлोकитъ, причемъ, по ихъ понятіямъ, всѣ болѣзненные явленія и мученія ребенка должны исчезнуть вмѣстѣ съ образованіемъ пупочной грыжи («какъ только грызь выйдетъ наружу»). Такое представленіе о причинѣ криковъ дѣтей младшаго возраста раздѣляется и нѣкоторыми священниками въ селеніяхъ, которые, какъ причину смерти новорожденныхъ, отмѣчаютъ: «отъ крика», «отъ грыжи» и тому подобное.

волью чайныхъ ложекъ за разъ) отварную воду или процеженный отваръ перловой крупы, крахмальной воды и тому под.

При помощи вышеуказанныхъ средствъ и строгой діэты, въ большинствѣ случаевъ удается прекратить не слишкомъ запущенные поносы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда поносъ получилъ уже характеръ колликативнаго, причемъ выдѣляется большое количество жидкихъ водянистыхъ испражнений весьма кислаго запаха¹⁾; медлить нечего—нужно обратиться къ помощи врача.

Если по какимъ-либо причинамъ мать не можетъ кормить грудью и не можетъ нанять кормилицу, то ей придется примѣнить искусственное вскармливаніе. При этомъ рождается вопросъ: чѣмъ и какъ кормить ребенка, не производя разстройства его желудочно-кишечнаго канала.

Какъ я уже сказалъ, молоко коровы, овцы и козы гораздо труднѣе переваривается, чѣмъ женское и кобылье и молоко ослицы (послѣднее по химическому составу болѣе всѣхъ похоже на грудное молоко). Поэтому, гдѣ имѣется возможность, нужно предпочитать молоко ослицы или кобылы коровьему или козьему. Во всякомъ случаѣ давать ребенку нужно молоко хорошо прокипяченое, а не сырое, которое легко скисается и производитъ поносы.

Кто не можетъ имѣть свѣжаго кобыльаго молока, тотъ по неволѣ принужденъ употреблять коровье, которое почти всѣмъ доступно. Но такъ какъ коровье молоко по химическому составу и удобоваримости значительно отличается отъ грудного, то я считаю нужнымъ указать, какъ сдѣлать его менѣе вреднымъ для ребенка.—Такъ какъ грудное молоко въ первые дни послѣ родовъ содержитъ очень мало бѣлка (творога), но больше воды, жира, сахара и немного соли, то въ продолженіи первыхъ двухъ недѣль для приготовленія искусственнаго молока нужно брать хорошо прокипяченныя сливки и при томъ съ такимъ расчетомъ: въ первые 3 дня нужно дѣлать смѣсь изъ 1 части кипяченыхъ сливокъ, 4 частей отварной воды и чайную ложку молочнаго сахара на стаканъ смѣси; въ слѣдующіе 4 дня—на 1 часть сливокъ 4 части отварной сахарной воды; въ продолженіи 2-й недѣли—на 1 часть сливокъ—3 части отварной сахарной воды; на третью недѣлю—на 2 части сливокъ брать 5 частей отварной сахарной воды; на четвертую—1 часть кипяченаго цѣльнаго молока и 2 ча-

1) Это наблюдается въ Саратовской губерніи часто при искусственномъ вскармливаніи дѣтей младшаго возраста коровьимъ или козьимъ молокомъ.

сти отварной подслащенной воды; въ продолженіи 2-го мѣсяца— на 2 части кипяченаго цѣльнаго молока—3 части отварной подслащенной воды; въ слѣдующіе мѣсяцы—нужно брать поровну кипяченаго молока и отварной подслащенной воды.—Ко всѣмъ этимъ смѣсямъ полезно прибавлять по 1 чайной ложечкѣ порошка гумми-арабика и немного поваренной соли. Во время лѣтнихъ жаровъ для питья полезно время отъ времени давать отваръ ячменной воды или еще болѣе разжижать молоко отварною водой.

Въ виду быстрого свисанія молока (даже кипяченаго) во время лѣтнихъ жаровъ, совѣтую давать вышеуказанныя смѣси обезпложенными (т. е. не содержащими веществъ, производящихъ скисаніе). Для этого нужно всю суточную порцію вышеуказанной смѣси налить въ небольшіе пузырьки, вмѣщающіе то количество молока, которое потребно на 1 сосаніе. Всѣ пузырьки со смѣсью молока поставить незакупоренными въ вастрюлю съ холодной водой (по горлышко пузырьковъ) и кипятить въ продолженіи 40 минутъ, по прошествіи которыхъ, нужно заткнуть пузырьки хорошими мягкими («бархатными») пробочками, послѣ чего еще кипятить въ продолженіи 20 минутъ. Потомъ вынуть пузырьки и закупоренными поставить на ледъ. Передъ каждымъ кормленіемъ брать 1 пузырекъ и, послѣ нагрѣванія въ теплой водѣ—надѣть на его горлышко гуттаперчевую, (а не коровью) соску и давать ребенку. На слѣдующее сосаніе брать второй пузырекъ и т. д.

Такой способъ устраняетъ возможность дать ребенку молоко, содержащее даже слѣды кислоты.

Само собой понятно, что пузырьки, до наливаанія въ нихъ молока, должны быть совершенно чистыми.

На 7-мъ мѣсяцѣ жизни ребенку, кромѣ молока, полезно давать жидкую кашку изъ манннхъ крупъ, сваренную на смѣси цѣльнаго молока попаламъ съ водой и съ прибавленіемъ небольшого количества сахара и поваренной соли. Такую кашку первое время можно давать по 1 разу въ день (напр. въ 12 ч. дня), а потомъ— по 2 и 3 раза въ день, наблюдая за количествомъ и качествомъ испражнений.

Употребляемая съ давнихъ временъ такъ называемая «тюрьки» (изъ жидкаго чая или воды, въ которой размоченъ бѣлый хлѣбъ и положенъ кусокъ сахару), какъ содержащія кислоту, нужно совершенно вывести изъ употребленія.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

дѣйствующихъ и руководственныхъ каноническихъ постановленій, указовъ, опредѣленій и распоряженій Святѣйшаго Правительствующаго Синода (съ 1721—1889 гг. включительно) и гражданскихъ законовъ, относящихся къ Духовному Вѣдомству православнаго исповѣданія. Харьковъ. 1890.

Составилъ коллежскій ассесоръ Сумбонъ Васильевичъ *Калашиниковъ*, столоничальникъ Харьковской духовной консисторіи.

ЦѢНА: за экз. „АЛФАВИТНАГО УКАЗАТЕЛЯ“ съ пересылкою 2 руб., безъ пересылки 1 руб. 75 коп. Выписывающіе не менѣе 10 экз. платятъ по 1 руб. 70 коп. съ перес.

Съ требованіями обращаться къ автору, по мѣсту службы его.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИЖКА:

СПРАВЕДЛИВЫ ЛИ ОБВИНЕНІЯ ВОЗВОДИМЫЯ ГРАФОМЪ ЛЬВОМЪ ТОЛСТЫМЪ НА ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЕГО СОЧИНЕНІИ „ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО“.

А. Рождественна.

Изданіе Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ».

Харьковъ, 1889 г. Цѣна 60 коп. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Съ требованіями надобно обращаться въ г. Харьковъ, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовн. Семинаріи.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать также слѣдующее сочиненіе:

ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СОФИСТЫ.

Т. Ф. Брентано,

профессора частной школы политическихъ наукъ.

Переводъ съ французскаго *Якова Новицкаго*. С. П. В. 1886 г.

Цѣна съ пересылкою 1 р. 50 к.

ГОЛЫЙ ГОД. ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

ВЪРА И РАЗУМЪ

В настоящемъ году не прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или двунумеровыхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особыми съемами страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составятъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Въ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адреса лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ дѣньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по волеизъявленію съ авторахъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки или журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала действительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ съсылка обозначаетъ напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Почтовый ящикъ, открытый и вообще всякое корреспонденціе редакціи присылать можно по адресу: Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудню; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года переплетали свои журналы, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ выданы для каждой части журнала особые заглавные листы, которыми обозначены статьи и страницы.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 в., за два раза 18 в., за три раза 24 в.